

Оливия Утерн

16+

Архимаг ее
СЕРДЦА

Annotation

Ее сердце разбито. Ее убежище — дворец, выстроенный на красных скалах. Все, что ей осталось — воспоминания о счастье, которого никогда больше не будет. Но обстоятельства меняются, и Алайне необходимо вернуться в Эрифрею. Туда, где король, где придворные плетут интриги. Туда, где ее Магистр, который, по слухам, завел любовницу...

Первая книга — «Страж ее сердца», вторая книга — «Магистр ее сердца».

Писалось для тех, кому ну очень понравилась первая книга и хотелось еще про тех же героев.

-
- [Пролог](#)
 - [Глава 1. Одинокая принцесса](#)
 - [Глава 2. Эрифрейский потрошитель](#)
 - [Глава 3. Королевская невеста](#)
 - [Глава 4. Тени сгущаются](#)
 - [Глава 5. Роза Эрифреи](#)
 - [Глава 6. Дела Магистра](#)
 - [Глава 7. Алька и король](#)
 - [Глава 8. Когда не остается времени](#)
 - [Глава 9. Король изволит жениться](#)
 - [Глава 10. Ниат Фаэр](#)
 - [Глава 11. Артефакты Энолы Дампи](#)
 - [Эпилог 1](#)
 - [Эпилог 2](#)
 - [Эпилог 3](#)
-

Пролог

Над головой плыл и медленно вращался потолок. Своды были выложены из старого кирпича, бордового, местами облупленного. Откуда-то, сбоку и вниз, падал блеклый утренний свет.

Спина... болит. И на чем-то твердом. Под пальцами мягкое, наощупь как тряпка. Во рту... привкус желчи. И во рту все пересохло так, что язык словно терка. Голова кружится, и от этого потолок вверху то медленно движется, то берется крупной волной, то начинает кружиться.

Мариус обреченно закрыл глаза. От вида движущегося потолка тошнило. В висках отдавало звенящей болью, с каждый ударом сердца.

Он представил себе Альку, как будто она смотрит на него с мягкой укоризной. Представил, как ее прохладная ладонка опускается на лоб, как тонкие пальцы зарываются в волосы. Потом крепко зажмурился. Нет же, нет! Этого уже не будет. Он оставил ее во дворце Сантора... Оставил с разбитым сердцем, да и свое растоптал там же. Уходя, оставлял за собой кровавые отпечатки подошв. Теперь это с ним навсегда, потому что Алька не простит, не вернется, даже если он будет умолять... Пусть. Зато теперь она в безопасности. И если тварь вернется – а в том, что это случится, Мариус почти не сомневался – он встретится с ней один на один. И это будет последнее сражение двух магистров.

Вокруг было тихо, только где-то капала вода. Перед глазами назойливо крутились обрывки вчерашней попойки, сперва – в хорошем ресторане и в гордом одиночестве, потом – в дешевом кабаке где-то на окраине Эрифреи, еще чуть позже... Дальше память проваливалась в такую глубокую и темную яму, полную мутной воды, что Мариус даже почувствовал слабый интерес, а что он такого натворил, что оказался в тюрьме? И, самое главное, кто его сюда водворил? Ну не Фазр же, в самом деле?

Вялое течение мыслей прервал скрежет отпираемого замка, но Мариус даже не повернул головы. Пусть. Ему все равно. Если сдохнет, то и магистру здесь нечего делать будет. Всем лучше, и Алечке в том числе.

– Он! Он это! – ватную тишину разбил звонкий женский голосок, рикошетом отозвался в висках противной болью.

– Ну так забирайте, – последовало равнодушное, – королевская тюрьма не для того, чтобы всякую пьянь сюда тащить. Уж не знаю, зачем его ниат Фаэр сюда приказал приволочь.

– Так ведь... благородные они, – прозвенел голосок.

Потом Мариус услышал тихое позвякивание монет, как будто невидимая девица отсчитывала монеты и предавала их тюремщику.

– Благородные-то благородные, а надрались так, как не всякий забулдыга, – пробурчал тюремщик, – забирайте.

– А вы мне не поможете? Я ж его не дотащу!

Снова пауза, снова едва слышное позвякивание, но уже сопровождающееся сопением мужчины, который, вероятно, столько денег за раз не видел. Мариусу стало смешно, он даже фыркнул. Выходит, его сюда приказал Фаэр бросить? Ну что ж, хотя бы не в общую камеру, и на том спасибо.

В этот момент тюремщик наконец перешел к выполнению просьбы невидимой пока девицы. Мариуса грубо подхватили под мышки, поставили на ноги, а затем поволокли прочь. У порога стояла милостивая блондинка в дорогом, но скромном платье. Стояла, сложив руки на груди, качая головой, и с укоризной смотрела на Мариуса.

Энола Дампи.

Интересно, кем она представилась надзирателю? Сестрой? Женой?

Стены плыли перед глазами, грозя раздавить, но Мариус мужественно, с поддержкой тюремщика, дошагал до выхода, а там его уже поджидал закрытый экипаж. Еще усилие – и он шлепнулся на кожаное сиденье, следом проворно забралась Дампи, постучала по стенке. Экипаж тронулся и покатил по булыжной мостовой.

Несколько минут в экипаже царило молчание. Мариус щурился на Энолу и боролся с подкатывающей тошнотой. Энола хмуро смотрела на него, теребя пальцами артефакт личины. Потом поинтересовалась:

– И что это вы творите, магистр?

Он пожал плечами и ничего не ответил. Да и что тут скажешь? Сдохнуть хотелось. Но убить себя почему-то не решился. Все-таки тварь на свободе, следит из астрала, выжидает. А так-то да, согласен. Слабак. Мог бы умереть быстро, если б захотел. Но все еще держала

невесомая, тоненькая, как паутинка, надежда – что они все-таки будут вместе...

– Слушайте, – хрипло сказала Дампи, – вы же мне обещали помочь. Ну, я понимаю, вы можете себе позволить упиваться вашим горем. Ну а мне-то что делать? Одна я не справлюсь. Одна я не смогу доказать, что это не я подбросила артефакт его величеству.

– Ну так... уезжайте из Эрифреи, – кое-как выдавил Мариус, – мир велик. Найдите себе место, где вас никто не будет искать, и живите себе в удовольствии...

– Вы дурак? – Энола посмотрела на него так, что Мариусу вдруг стало стыдно.

Может, и правда дурак.

– Почему я должна бросить все то, что мне дорого? – она стиснула свои светлые замшевые перчатки, – из-за какого-то подонка, который меня подставил? Впрочем, – еще один сердитый взгляд, – что это я разоткровенничалась. Каждый выбирает для себя... Если вам угодно себя травить, продолжайте в том же духе. Ваша невеста бы не одобрила...

– У меня больше нет невесты, – выдохнул Мариус и пожалел о том, что пришел в себя.

В той темной, илистой яме, куда он умудрился загнать себя изрядной порцией алкоголя, по крайней мере не было ни боли, ни воспоминаний.

– Хорошо, нет невесты, – согласилась Дампи, – но как же ваше обещание? Помочь мне? Совсем ничего не стоит?

В ее голосе, таком непривычно-звонком, печально звякнуло отчаяние. И Мариус вдруг подумал, что Эноле тоже очень больно. Она ведь... наверное, она любила короля. А он чьими-то стараниями объявил ее преступницей. Не поверил. Не захотел поговорить.

– Мне плохо, – вдруг пожаловался он, – простите.

– Да уж, плохо, – она хмыкнула. Образ блондиночки ей не шел. Почему-то хотелось видеть ту Энолу Дампи, которой она была на самом деле. – Вы, небось, даже не помните, как попали в тюрьму?

Он мотнул головой, и это вялое движение отозвалось слепяще-белой болью в висках. Перед глазами снова все поплыло.

– Магам нельзя много пить, – назидательно проговорила Энола, – не столько, сколько вы в себя влили. Поэтому вам так плохо... Но,

помилуйте, какая нелегкая вас понесла в тот дешевый бордель?

Мариус поморщился. В самом деле, что он там делал?

– Хотите послушать о своих подвигах? – вкрадчиво поинтересовалась Дампи.

Наверное, он хотел.

Воспоминаний о борделе и проститутках не осталось.

– Вас люди Фаэра нашли в местечке под названием «Конфетка», – начала Энола размеренно, – к тому моменту, как за вами пришли, вы успели полностью выжечь комнату, в которой до этого уединились с девушкой... Это, надо полагать, было пламя страсти?

Мариус застонал.

Он начинал припоминать, что ж там произошло. Он... кажется, брел куда-то. Ему хотелось просто лечь и немного поспать, а еще лучше – никогда и не просыпаться. Но на земле не хотелось. Хотелось в мягкой кровати. И как он вышел на это двухэтажное здание, омерзительно-розового цвета? Над крыльцом заманчиво светились фонарики, тоже розовые. И он туда пошел. Уже на входе столкнулся с вульгарно накрашенной полуголой девицей. Потом навстречу выплыла необъятных размеров фье, и он попросту утонул в ее пышных объятиях. А она все нашептывала, что знает, как утешить расстроенного ниата, и Жизель знает, как это делается. Мариус просто хотел отдохнуть. Рассудок медленно уплывал прочь, махнув на прощание ядовито-розовым газовым шарфиком. Потом он куда-то шел, куда-то поднимался по ступеням, пока не оказался в дешево обставленной комнате. Посреди стояла кровать с продавленным матрасом и несвежим бельем. Мариус, не раздеваясь, бухнулся на спину, закрыл глаза, пытаясь унять красноватую муть в голове и перед глазами. Но поспать ему не давали. Кто-то назойливо елозил руками по груди, словно расстегивая пуговицы, потом эти же липкие руки добрались до его кожи. Кто-то испуганно вскрикнул, и Мариус понял, что его шрамы произвели должное впечатление. А голова была... просто чугунная.

– Пшла вон, – процедил он сбивчиво.

От одной только мысли о том, что его касается кто-то другой, не Алька, выворачивало наизнанку.

– Да ладно тебе, – услышал он.

И наглые пальцы взялись за штаны.

Это было большой ошибкой, трогать его.

Все, что было накоплено в резерве, попросту плеснулось наружу, раскрываясь пламенеющими лепестками. Завоняло дымом, гарью, затрещали горящие занавески, завопила не своим голосом девка... И примерно на этом Мариус провалился в блаженную темноту.

– Я... обгорел? – только и спросил он у Энолы. И пожаловался, – спина болит.

– Спина болит оттого, что вас дубинками отходили, – она вздохнула и отвернулась к окну, – к тому моменту мадам вызвала гвардейцев. Пожара, кстати, не случилось. Ваш огонь быстро угас сам. Гвардейцы вас выволокли в бессознательном состоянии, попинали от души, а там и маги Фаэра подоспели. Они ж не знали, что вы – Магистр Святого Надзора. Ну, а когда подоспел сам Фаэр, поглядеть на дикого мага, устроившего такой фейверк... Он-то вас и признал. Стыдно, ниат Эльдор. Стыдно так себя вести.

Мариус помолчал. Не то, чтоб он испытывал муки совести, но... как-то непривычно, вот так. И такого с ним еще никогда не случилось. До того, как он вырвал свое сердце и раздавил его в кровавые ошметки.

– А с той... девкой что? – вдруг спросил он, – она не пострадала? Энола пожала плечами.

– Обожглась. Я уже компенсировала... И за выжженную комнату тоже.

– А вы как меня нашли?

– Я вас искала, – женщина усмехнулась, – я представилась вашей содержанкой. Я была в городском управлении порядка. Как только услышала про сожженную комнату, так сразу о вас подумала.

Снова воцарилось молчание. Мариус старался не шевелиться, потому что каждое движение отзывалось бухающими в голове молотками. Свет резал глаза, и Мариус их попросту закрыл. Нужно было что-то делать, о чем-то думать. Он был несвободен, он был Магистром Надзора. Проблемы у его величества, заговор, судя по всему. Опять же, Сантор.

Он вздохнул. Да, надо было брать себя в руки. Может быть... если все получится... может быть, он еще сможет быть вместе со своей птичкой. Конечно же, она его возненавидела, но... а вдруг?..

В общем, погулял – и хватит.

– Энола, – сказал он, – я сдержу обещание. Мы найдем, кто вас подставил. А вы... вы поможете мне сразиться с тварью астрала.

Она быстро глянула на него, и на миг сквозь наивные голубые глаза проглянула настоящая Энола Дампи.

– Мне нужна лаборатория, – пробурчала.

– Будет вам лаборатория, – Мариус кивнул.

Глава 1. Одинокая принцесса

«Меня нет без тебя», вот что она хотела крикнуть ему в спину.

Но тогда... слишком больно. Вдохнуть невозможно, не то, что говорить.

И потом, до самого вечера, все ждала – а вдруг вернется? Вдруг... все же любит? Ведь, любя, не уходят.

Но Мариус больше не пришел. И тогда стало понятно, что теперь все будет по-иному, пусто, блекло, безвкусно. Если будет...

Алька свернулась в комок, закуталась по самый нос в одеяло и отвернулась к стене. По штукатурке змеились тонкие, едва заметные трещинки, и она бездумно их рассматривала, сглатывая слезы. Неторопливо катилось время. А в душе – темная, холодная пустота. Горечь. И ничего не хочется ни видеть, ни слышать, ни вообще чувствовать. Трещинки в светлой штукатурке – вот все, что осталось.

Потом пришла служанка. Алька даже не оборачивалась, то, что это не мужчина, поняла по легким, семенящим шажкам. Кажется, шелестела ткань. Наверное, она принесла одежду и теперь раскладывала ее на стуле.

– Ваше высочество? – осторожное.

Алька закрыла глаза. Зачем они ее трогают? Почему нельзя оставить в покое?

– Ваше высочество, – в голосе скользнуло напряжение, – вам плохо?

О, да.

Ей плохо.

Пожалуй, так плохо еще не было никогда, даже тогда, когда противный сын полицмейстера лез под юбку, а Мариус...

Снова он. И никуда не деться. Она просто не может не думать о нем, не вспоминать. А выходит, что очень просто потерять человека, который для тебя перевернул мир. Достаточно просто ему лгать и плести за его спиной интриги...

Прилив омерзения к самой себе оказался таким сильным, что горло взялось спазмом, желудок болезненно скрутило – так, что если бы она не была голодной, то уже бы стошнило.

– Ваше высочество!

На плечи легли чьи-то прохладные пальцы, но Алька упрямо задергалась, пытаясь сбросить чужие руки. Почему ее не могут оставить в покое? Зачем трогать, когда ее, по сути, нет больше?

– Вам нехорошо? Я позову лекаря!

– Не надо, – промычала она, – не надо...

Лекарь тут не поможет, когда сердце выдрали и растоптали, заставляя истекать кровью.

Как с этим жить дальше? Она не знала. И надо ли вообще, жить?

– Его величество повелитель Сантор распорядился, чтобы я помогла вам одеться, – спокойно прозвучало над головой, – вы позволите вам помочь?

– Не хочу, – Алька вяло сопротивлялась, – ничего не хочу, оставьте меня.

– Ну, хорошо, ваше высочество. Я принесу вам теплого молока с медом.

– Не надо!

И она уткнулась лицом в ладони, все еще отворачиваясь к стенке.

Не хочет она ничего. Ни одеваться, ни молока. Вообще ничего...

Наверное, если бы была такая возможность, повернула бы время вспять. И рассказала бы Мариусу про кальхейм, и о том, что именно делал в Эрифрее Кьер. И заставила бы себя просто слушать Мариуса, просто... верить ему, не взирая ни на что. Тогда... ничего бы не было. Они бы вместе засыпали и просыпались. Она бы обнимала его, терлась щекой о колючую щетину, вдыхала бы такой близкий, такой родной запах кофе, горького шоколада и старинных книг.

«То, что мы называем судьбой, является следствием наших ошибок», – вспомнилось некстати.

Теперь... ешь то, что заслужила, Алайна Ритц. Выкарабкивайся из этой ямы, обдирая пальцы в кровь, скуля от боли и острого, режущего как нож, одиночества.

Стукнула дверь. Служанка ушла. Еще несколько минут Алька лежала в полной тишине, возя пальцем по трещинкам в штукатурке. Потом за дверью послышались голоса, один из них был мужским, другой – высоким, женским. В комнату снова вошли, уже двое.

– Ну, и что это все значит?

Алька усмехнулась. Этот низкий голос с рычащими нотками невозможно не узнать. Она медленно повернулась на кровати и сказала:

– Здравствуйте... ваше величество.

– А еще я твой отец, – хмуро сказал Сантор, подходя ближе.

Он подвинул себе стул и сел – рядом с кроватью, так, что Алька могла протянуть руку и коснуться его.

Она невольно разглядывала Сантора, ведь еще не встречалась с ним после того, как пала Пелена, и все проклятья развеялись.

Сантор... стал человеком.

Высоким, статным мужчиной, с шевелюрой, черной как вороново перо, смуглым, с черными глазами, густыми бровями. Впрочем, рост и сложение не изменились, он ведь и был таким. Только теперь крыльев не стало и, верно, поэтому Сантор не выглядел подавляюще-огромным. Просто крупный мужчина средних лет. И в черных волосах, собранных в недлинную косу, поблескивают серебряные нити.

Одежда осталась прежней. Свободная туника с замысловатой драпировкой, синий шелк, золотое шитье. Алька невольно метнула взгляд на служанку, что тенью замерла в углу комнаты. Та была одета, как раньше одевались женщины крагхов: сложно задрапированная ткань, а под ней шаровары.

– Что? – тихо спросила Алька, понимая, что молчание затягивается, что Сантор сидит и смотрит на нее, положив широкие кисти рук на колени.

Он недовольно пожевал губами.

– Вставай, одевайся. Мне сказали, что ты полностью оправилась от падения.

Алька вздрогнула. Вот так? Настолько обыденно? Вся ее жизнь... только что сгорела, а Сантор хочет делать вид, как будто ничего не случилось?

– Зачем ты пришел? – прошептала она, – ты что, не видишь?..

– Что твой магистр оставил тебя? – голос Сантора внезапно смягчился, он дернулся на стуле, как будто хотел протянуть руку и погладить Альку по голове, но сдержался, – я говорил с ним, перед тем, как он отбыл в земли Порядка.

Во рту внезапно пересохло, Алька торопливо облизнула губы.

– И что? – прозвучало как-то сипло и совсем жалко, – что он сказал тебе?

Сантор пожал плечами и уставился на Альку так мрачно, что ей вдруг захотелось побыстрее заползти под кровать.

– Он сказал, что ты его предала, что плела интриги у него за спиной, в результате чего смертельно опасная тварь вырвалась из-под контроля. Как по мне, он имеет полное право от тебя отказаться.

Она поежилась.

Да, конечно, все так. Но...

– Ты сам прислал Кьера, – тихо сказала она, не глядя на Сантора.

– Но не Кьер заставил тебя нарушить планы твоего мужчины, так ведь?

– Я не знала... – Алька всхлипнула. Еще немного, и не выдержит, и слезы покатятся по щекам.

– Прежде всего, ты должна была слушаться своего мужчину, – отрезал Сантор, – ты сама его выбрала, между прочим. А раз выбрала, то должна была верить, а не вытворять то, что вытворила. Так что нечего теперь... Вставай, одевайся. Мы будем ждать тебя к ужину.

– Я не голодна... – и тут же вскинулась, – а Рон? Что с ним, он выжил?

Сантор смерил ее пронизывающим взглядом.

– Если изволишь выйти к ужину, увидишь там брата. С ним... все будет хорошо. Мариус Эльдор – человек слова. Он сделал все, чтобы мой сын остался в живых.

Алька снова свернулась клубком. Взгляд Сантора давил и внушал чувство вины. Да она и была виновата, разве нет?

– Я пойду, – примирительно сказал отец, – приводи себя в порядок. Манни поможет тебе одеться.

– Подожди, – она высунула нос из-под одеяла, – тебе... Мариус еще что-нибудь сказал? Он... когда-нибудь сможет... меня простить?

Сантор скривился.

– Тебе интересно, вернется ли он? Я бы не рассчитывал. Магистр был настроен решительно... но никто не может знать свою судьбу, Алайна. Никто.

И тут Алька не выдержала. Горло сжалось, по щекам покатились слезы. Давясь рыданиями, она уткнулась в подушку. Алька выла и редела в голос, оплакивая то, чему уже никогда не случиться – их

жизнь, ребеночка, которого она бы любила, самого Мариуса, без которого она себя просто не представляла. Вот как так, она есть – а его рядом больше нет? Она оплакивала собственную глупость, свою огромную и такую горькую ошибку, свою любовь и мечты. Ту самую минуту, когда решила освободить Рона наперекор воле своего мужчины.

Она и не заметила, как осталась одна.

А потом, размазывая по лицу слезы, поднесла к глазам руку. На пальце плотно сидел перстень с раухтопазом, тот самый, фамильный, с веточками, украшенными мелкими бриллиантами.

– Прости меня, прости! – крикнула она, хоть и не мог Мариус ее услышать.

И приникла губами к прохладному камню.

Наверное, было бы честным вернуть перстень.

Но это было единственное, что у нее осталось от самой большой любви, и поэтому Алька решила, что оставит это напоминание себе. Хоть что-то... до конца жизни будет напоминать о нем.

Позже... Она кое-как поднялась. Слегка кружилась голова, но это, наверное, от голода. Пройдет.

Алька наконец осмотрелась: в том, что комната находится во дворце, сомнений не было – ни одного прямого угла, все скругленное, стены мягко перетекают в потолок и в пол, и окно овальное. За окном – мягкие сиреневые сумерки. Кроме кровати и двух резных стульев в комнате был еще туалетный столик, над которым висело зеркало в красивой бронзовой раме. На столике с одной стороны стоял медный таз с водой, с другой стороны... Алька невольно всхлипнула. Там лежали те самые колье и браслет, которые ей Мариус купил, чтобы идти на бал, и в которых, собственно, ее похитил мертвый магистр.

...Она отвернулась. Поверх спинки одного из стульев было разложено традиционное одеяние крагхов: шаровары из черного шелка и длинный отрез нежно-фиалкового, с богатой вышивкой. Внизу стояли изящные туфли без задников, зато с загнутыми носками.

Вздыхая, Алька кое-как оделась. У нее не получилось соорудить драпировку должной формы, поэтому свободный конец ткани она просто перекинула через плечи наискосок, за спину. Подойдя к зеркалу, Алька уставилась на собственное совершенно несчастное

отражение: щеки запали, губы искусаны, под глазами синяки. Она мокрыми пальцами пригладила волосы, раздирая их на прядки. Посмотрела еще раз на сапфировое кольцо, и с новой силой всколыхнулась горечь в душе.

Мариус. Когда покупали кольцо, он собственноручно примерял ей его, попутно лаская шею, щекоча ямку под затылком. Она закрывала глаза, откидываясь назад, ближе к нему. Но они были в магазине, и он не мог просто взять и поцеловать ее, нежно и одновременно жарко, так, чтобы прикусить нежную кожу под мочкой уха. В те минуты Алька думала о том, что они все наверстают дома, когда будет время... А времени не оказалось.

Ей совершенно не хотелось выходить из комнаты. Все, что хотелось – снова свернуться клубком на кровати, закрыться от всего мира одеялом. Не видеть никого и ничего.

Но она все же отворила дверь, высунула нос наружу и увидела, что за дверью ее терпеливо поджидает низенькая девушка, может быть, чуть старше Альки.

– Ваше высочество! – она торопливо поклонилась в пояс, придерживая складки одеяния, – отчего же вы не позвали, чтобы я вам помогла?

– Ты Манни? – Алька с трудом вспомнила, какое имя называл Сантор.

– Я, это я, ваше высочество.

Манни была темноглазой и темноволосой, с круглым лицом, с маленьким носом и острым кукольным подбородком. Волосы были разделены на пробор и заплетены в две косы. Манни улыбалась смущенно, и при этом на ее округлых щеках появлялись ямочки.

– Отведи меня, пожалуйста, на ужин, – выдохнула Алька.

Больше ей ничего, совсем ничего не было нужно.

Манни снова поклонилась и пролепетала:

– Извольте следовать за мной.

...Алька уже и забыла, как это, брести по лабиринтам дворца повелителя крагхов. Чем дальше, тем больше возникало сомнений в том, что дворец – творение рук людских. Уж больно переплетение коридоров и галерей походило на внутренность муравейника. Или как будто они шли сейчас внутри переплетенных корней неведомого гигантского растения. Временами стены были ажурными от окон

неправильной формы, и тогда Алька шла в сумерках, а временами приходилось нырять в кромешный мрак и идти почти наощупь. Им попадались крагхи... вернее, бывшие крагхи. Молча кланялись Альке, и также спокойно шли мимо. Мужчины, женщины. Иногда Алька видела стражников, узнавала их по кожаным доспехам – уж что-то, а это не изменилось. Потом они подошли к высоким резным дверям, двустворчатым, в форме арки, перед которыми навтыжку стояли стражи. Манни быстро обменялась с ними взглядами, и решительно распахнула перед Алькой двери.

Чувство было такое, словно прыгнула с обрыва в ледяную воду.

Яркий свет ударил в глаза. Громкие разговоры... Какие-то люди, сидящие за длинным столом. Алька отшатнулась, инстинктивно прячась в тех мягких сумерках, что царили в коридоре, но ее уже заметили, воцарилась тишина.

Она растерянно пошарила взглядом, увидела, как сидящий во главе стола Сантор поднялся и двинулся к ней.

Самый обычный мужчина. Статный. Хорош собой.

Мелькнула неуместная мысль – наверное, крагхи старели медленнее людей, потому что Сантор выглядит так, словно ему нет и сорока, а на самом деле он гораздо, гораздо старше...

– Алайна, – он уже был рядом, протянул руку, – хорошо, что ты пришла. Идем.

Она совсем растерялась. Снова пестрая, незнакомая толпа. Все ее разглядывали, щекам стало жарко, а перед глазами все плыло. Алька оперлась на руку Сантора, и он неторопливо повел ее к столу.

– Садись. Тебе нужно поесть, – тихо сказал отец.

Алька уселась на свободный стул, сообразила, что ее место как раз по левую руку от повелителя. Осторожно оторвала взгляд от пустой пока тарелки... и дыхание застряло в горле.

Напротив сидела тварь и смотрела на нее. Тварь с лицом Авельрона. Сердце замерло, потом заколотилось с удвоенной скоростью. Она растерянно глянула на отца... как же так? Он не видит? Не замечает чудовища?

– Алайна, – тихо позвал Авельрон, и наваждение схлынуло.

Альке захотелось уронить лицо в ладони и расплакаться. Это ведь Рон, теперь это точно Рон! Настоящий и живой. Как говорил Сантор, Эльдор сделал все, чтобы ее брат жил... А она...

– Аля, – тихо повторил брат, – пожалуйста... это я. Теперь это я.

Сантор шумно придвинул свой стул. Алька рассеянно наблюдала, как ей в бокал наливают вино. Пить... не хотелось совершенно. Разговоры за столом возобновились. Стук столовых приборов. Запахи пищи, от которой почему-то подташнивает. Ей поначалу казалось, что на нее будут глазеть, что будут обсуждать – но вышло так, что никто не обращал внимания. Алька осторожно посматривала на то, как Авельрон ловко пользуется ножом и вилок, какие у него худые, жилистые руки. Сантор время от времени спрашивал какую-то малозначимую ерунду, вроде «хорошо ли посолен лехиор». Алька смиренно кивала, ковырялась в своей тарелке и едва ли съела несколько кусочков. Она как будто бы и была голодна, но кусок не шел в горло.

– Как ты себя чувствуешь? – негромко спросил Авельрон.

Алька молча кивнула. Потом посмотрела на него, невольно ища в нем тварь. Но твари больше не было: перед ней сидел Рон, худой, как бывает после долгой болезни, но одетый в шелка. И волосы были острижены, на висках так и вообще сбриты, а то немного, что осталось сверху, было зачесано назад.

– Я... могу с тобой поговорить? – грусть во взгляде.

Алька пожала плечами.

– Почему ты спрашиваешь?

– Тебе может быть неприятно меня видеть... – он запнулся, смерил ее задумчивым взглядом, – после всего. Мне... рассказали.

– Нет, что ты, – пробормотала Алька, хотя Рон и угадал ее состояние, – с радостью...

– Возвращайся к нормальной жизни, Алайна, – Сантор вклинился в их разговор, – раз уж ты здесь, тебе стоит уделить внимание собственному народу. С землями Порядка... пока что у нас так себе отношения.

– Война будет? – спросила Алька, замирая под тяжелым взглядом пронзительных черных глаз.

– Нет, – Сантор усмехнулся, – не будет. Они сюда не сунутся. Все-таки Флодрет не дурак, другое дело, что те, кто вокруг него, могут желать войны... Но нам есть чем осадить их, Алайна.

Алька подумала-подумала, и уточнила:

– Твари роя?

– Полагаю, тебя это тоже коснулось, – Сантор кивнул, – равно как и твоего брата.

– Я так и не знаю, в чем тут дело, – она вздохнула, – Мариус... он хотел заняться моим даром, но как-то не сложилось.

– Для того, чтобы заняться твоим даром, Мариус Эльдор нам не нужен. Да и не сможет он ничего сделать. Его дар – совсем другой, Аля. Так что... самое время взбодриться и заняться делами. Здесь ты дома.

Алька смущенно улыбнулась Сантору.

Ей хотелось объяснить, что вот сейчас... именно сейчас ей ничего не хочется. Совсем. Хочется не выходить из своей комнаты. Хочется быть одной и вспоминать-вспоминать-вспоминать, смаковать каждую деталь, каждую драгоценную частичку недавнего прошлого. Того, где был Мариус, и где они были вместе.

– Хорошо, отец, – согласилась она и снова уставилась в тарелку.

Там ее поджидали маленькие пирожные, но даже их не хотелось.

Авельрон все же пошел провожать ее до комнаты.

Странные ощущения. Вроде как и понимаешь, что это – брат, и что не сделает ничего дурного, но... все равно, страх никуда не делся. Постоянно кажется, что вот сейчас Рон повернется к ней, и глаза снова будут совершенно стеклянные, неживые.

Когда они отошли достаточно от обеденной залы и остались наедине, Рон осторожно прикоснулся к ее запястью. Алька невольно дернулась, отшатнулась.

Вздох.

– Я так и знал, что для тебя это все так и останется, – совсем тихое.

Она затрясла головой.

– Нет, нет. Нет! Ты... это не так. Ты не так понял. Просто...

Альке стало стыдно. В самом деле, Авельрон ведь не был виноват в том, что случилось. Это скорее ее вина, что позволила куполу рухнуть, а магистру – захватить тело брата.

Но Авельрон смотрел на нее так, что казалось, сам в эту минуту умирает от стыда и боли.

– Мне... рассказали, чем я был. – сказал глухо, – я не уверен, что после всего этого мне стоит оставаться во дворце.

– Ты не виноват, – выдохнула Алька.

Она почти не знала Авельрона, но одно знала точно: он пошел на большие жертвы, спасая Мариуса. И странно стыдиться того, в чем нет вины.

– Идем, – тихо сказал он, – отведу тебя в твою спальню.

Алька медленно пошла дальше. Щеки пылали. Мимо проплывали окна, из-за которых вся стена казалась ажурной. По галерее гулял ветер, и разговор как-то не клеился.

– Дворец на скалах, а у вас теперь нет крыльев, – сказала Алька, чтобы разбить гнетущую тишину, – как вы забираетесь на скалы?

– Я и сам здесь недавно, – напомнил Авельрон с усмешкой, – но мне уже рассказали, как лихо бывшие крагхи управляют роем. Теперь рой – наши крылья, Аля. Наверное, поэтому отец людей ни в грош не ставит. Они ведь не умеют летать, а мы все еще умеем...

– Но мы теперь тоже люди, – возразила она.

– Наверное, – эхом откликнулся Рон. Помолчал, а потом спросил, – он все-таки бросил тебя, да? Прости, что спрашиваю.

Она пожалала плечами. Что здесь скажешь...

– Я сама дура. Надо было слушать Мариуса. А я... вообразила себе Пастырь знает что. В результате... видишь, тебя чуть не сожрала тварь.

– Не вини себя. Тебе казалось, что так будет правильно. Мы все ошибаемся...

– Да, но теперь...

Алька замолчала, быстро смахнула набежавшую слезинку.

Теперь она одна. Мариус ее оставил, и прав был... наверное, прав.

– Я говорил с ним, – вдруг сказал Авельрон, – когда он меня лечил. Ну, после того, как вышиб из моего тела ту тварь. Он мне все рассказал... Но я просил, чтобы он тебя не оставлял. Знаешь, что он мне ответил?

– Что? – слова застревали в горле.

Они снова остановились, Алька умоляюще смотрела на Авельрона. Почему-то казалось, что то, что он скажет... станет спасением.

– Аля, – в серых глазах тоска, – Мариус мне сказал, что поступает так, как должен. Это все, что он мне сказал.

– Понятно, – она кивнула.

– Не плачь, пожалуйста. Ты не заслужила... всего этого. Я хочу, чтоб ты была счастлива.

Он осторожно, словно хрустальную вазочку, приобнял ее за плечи.

И на этот раз Алька не дрогнула, она ведь утвердилась в знании, что перед ней – Рон. Даже пахло от него... так же, как раньше. Чем-то таким домашним. Покоем. Безопасностью.

Она ткнулась носом ему в ключицу и всхлипнула.

– Как я могу быть теперь счастлива, Рон? Вот как?

Он молча гладил ее по спине.

– Я сама все поломала, – выдохнула она в шелковое одеяние, – я ведь знала, что он не простит.

– Это ничего... это пройдет.

А ей просто хотелось поплакать, и чтобы хоть кто-то утешил. От Сантора сочувствия не дождешься, он как будто железный. Только раз показал свою боль, когда умерла его королева.

– Не плачь, – бархатный шепот ласкал слух, – не плачь, у тебя все будет хорошо.

– Рон...

И она окончательно разревелась.

Позже... Он все-таки довел ее, трясущуюся, рыдающую до спальни. Он обнимал ее за талию, и в этих объятиях было что-то очень интимное, но одновременно очень родственное. Как будто Рон был частью Альки, а она – частью его самого. Ничего общего с влечением. Скорее, какое-то чувство стаи. Возможно, все это потому, что они оба были крагхами, и только потом стали людьми.

Но когда Алька проплакалась, ей стало чуточку легче.

Она приняла происшедшее. Она поняла, что Мариуса в ее жизни больше не будет и... как-то придется самой. Или не самой, но что-нибудь да получится.

Рон был рядом. От него пахло семьей. И Алька успокоилась, дала уложить себя в постель. Рон укрыл ее одеялом, старательно подоткнул его, чтоб ноги не мерзли, потоптался перед кроватью.

– Я пойду, Алечка.

– Хорошо, – она кивнула, – спасибо тебе. Мы... сходим еще куда-нибудь?

– Пока я во дворце, то да.

– Не уходи никуда, Рон, – попросила Алька, – не бросай меня. Без тебя мне будет совсем плохо. К тому же... Ты видел Арианну?

– Мне бы не хотелось сейчас об этом говорить, – уклончиво ответил Рон.

– Хорошо, – Алька согласилась, – как скажешь... приходи завтра утром, а?

– Приду.

Он на прощание легко поцеловал ее в макушку и ушел, тихо притворив за собой дверь.

Алька устало откинулась на подушки и закрыла глаза. Сил не было даже на то, чтобы раздеться. Потом она все же села, принялась разматывать ткань, чтобы одеть сорочку. И вдруг ее затошнило так сильно, что Алька едва успела добежать до таза на туалетном столике.

Утром... Ее осторожно разбудила Манни. Его величество повелитель Сантор приказал звать принцессу завтраку. Ее высочеству ночью было плохо? Что ж, все уберут, не беспокойтесь. Возможно, последствия удара головой. Или той магии, которую вливал в ее высочество тот мужчина, который и принес ее на руках во дворец.

Алька закусила губу, чтобы не разреветься вновь. Снова Мариус. Везде он, даже в словах служанки. Как тут забудешь? И перстень с раухтопазом, родовой перстень на пальце. Такое далекое и теперь недостижимое счастье.

– Позвольте, я помогу вам привести себя в порядок. Его величество ожидает к завтраку, не стоит опаздывать.

Алька обреченно вздохнула и отдалась в маленькие, но очень крепкие руки Манни.

В результате она была умыта, одета и причесана, и на сей раз все с драпировкой шаньи – как называла девушка отрез вышитой ткани – было правильно. Но сил... не было. И видеть особо никого не хотелось. В черных глазах Сантора читался укор, остальные... просто незнакомые люди, когда-то крагхи. Бывшие.

Алька вяло брела вслед за Манни и ловила себя на том, что сейчас ей лучше всего здесь, в темных коридорах. А Мариус... что ж, он принес ее сюда на руках, и лечил, как мог. А потом бросил. Уж лучше бы и не лечил вовсе, дал бы просто провалиться в ничто, чем вот так, душу в ключья.

За завтраком собрались только приближенные к повелителю.

Сам он восседал во главе стола, по правую руку – Авельрон, место по левую руку пустовало, очевидно, ожидая Альку. Дальше, со стороны Альки, на стуле сгорбился немолодой уже мужчина, худой, чернявый, остроносый. Он быстро глянул на нее и также быстро отвернулся. Алька успела лишь заметить, что глаза у него были ярко-голубыми, словно летнее небо. А еще на завтраке присутствовал Кьер. Но он не сидел за столом, а стоял у окна, сцепив за спиной руки. Алька подумала, что выглядит Кьер как-то неважно. В напряженной позе сквозила боль, словно до этого убийцу Сантора избили. И волосы падали на лицо, Кьер стоял, опустив голову и рассматривая пол у себя под ногами.

– Садись, – Сантор указал на нее вилкой, – надеюсь, тебе лучше?

Алька выдавила из себя улыбку, прошагала к своему месту.

Лучше ли ей? Сомнительно. Тело выздоровело, а душа болит, и воспоминания терзают так, что хочется выть, забившись в самый темный угол.

По правую руку от нее оказался тот самый худой мужчина с холодными голубыми глазами. Алька исподтишка поглядела на него и пришла к выводу, что у него довольно приятное, располагающее к себе лицо и, наверное, острый ум. Жесткие черные волосы, коротко стриженные, были взъерошены в беспорядке, как будто незнакомец даже не счел нужным причесаться перед королевским завтраком.

– Алайна, – вновь прозвучал голос Сантора, – познакомься. Это Лиар Фэй, с некоторых пор – наш верховный маг.

– Очень приятно, – пролепетала Алька.

Лиар Фэй повернулся и теперь уже посмотрел на нее в упор. Да, в самом деле. Умное у него было лицо. А взгляд – острый, цепкий, пронизывающий.

– Я счастлив быть представленным принцессе, – спокойно сказал он, – я надеюсь, наше знакомство будет плодотворным.

Алька замялась. Наверное, нужно было что-то сказать?

– Я не видела вас раньше во дворце, – растерянно произнесла она, – правда, я здесь вообще мало кого видела, в последний свой визит.

– Раньше у нас и не было верховного мага, – Сантор усмехнулся, – раньше была Пелена. А потом, когда она рухнула, кого-то задело

сильнее, кого-то слабее. Так получилось, что Лиар Фэй заполучил себе порцию Дара больше, чем прочие.

– Резерв? Отец, вы про резерв говорите?

– У нас все не так, – цепкий взгляд Фэя не отпускал, – сложно говорить о резерве, ваше высочество. Те, кто были крагхами, теперь повелевают роем, и самое первое умение, можно сказать, первичное – призыв тварей. В любое место. Вот так, сквозь пространство.

И умолк, наблюдая за Алькой.

Она поежилась. Она не совсем понимала, зачем здесь этот верховный маг, зачем отцу этот завтрак. Бросила взгляд на Кьера – как раз в тот миг, когда он тоже смотрел на нее – и едва не вскрикнула. Правая сторона его лица заплывла багровым кровоподтеком.

И вместе с тем Кьер продолжал стоять у стены. Он поймал огорошенный взгляд Альки и быстро отвернулся.

Да что тут происходит?

– Я позвал Лиара для того, чтобы он помог определить, есть ли в тебе наша магия, – прозвучал спокойный голос Сантора, – Авельрона задело Даром, он может призвать Рой. Возможно, ты тоже можешь?

Она пожала плечами. Призвать рой? Не пробовала. Даже в мыслях не было. Однако...

И вспомнила архаана, того, что стерег ее.

Как-то... она смогла ему приказывать.

И эти ожившие рисунки... тоже ведь не просто так?

– У меня рисунки оживали, – сказала Алька, глядя то на Фэя, то на отца.

– Вы призывали тварей роя в сформированные образы, – прокомментировал маг, сверля ее ледяным взглядом, – еще что-нибудь было?

– Меня слушался архаан, – несмело продолжила Алька, – у нас... как будто связь.

Лиар Фэй удовлетворенно кивнул.

– И это тоже проявление Дара. Вам нужно тренироваться, ваше высочество. Коль скоро вам досталось магии, неразумно ей пренебрегать. Принцесса должна уметь защитить себя.

Алька снова посмотрела на Кьера, и ей показалось, что он едва заметно кивнул – и тут же отвернулся, чтобы никто не заметил их переглядываний.

– Хорошо, – покладисто сказала она, – я с радостью буду учиться... раз уж осталась здесь.

И вдруг вспомнила о том, что подарила бабочку принцессе. Получается, тварь роя подарила? А если, упаси Пастырь, это опасно?

Дальше начали подавать завтрак. Алька поковырялась в каше, выпила стакан сока, который оказался приятным – кисло-сладким, легким. На мясо даже смотреть не хотелось.

– Ты мало ешь, – заметил Сантор, – тебе все еще нехорошо?

– Все в порядке, отец, – проямлила она.

И поняла, что кроме кисленького сока больше ничего есть и не может. Последствия магии Мариуса? Или последствие падения на камни?

– Я бы предложил встретиться сегодня после обеда и хотя бы начать обучение, – голос Лиара Фэя звучал мягко, успокаивающе.

– С удовольствием, – ответила Алька.

Ей показалось, что именно этого и хотел от нее Кьер, чтоб она начала учиться.

Но, однако, что ж с ним случилось?

И почему ему не разрешено сесть за стол?

Алька поймала предостерегающий взгляд Авельрона, одними губами он произнес: «позже».

Пожала плечами. Позже так позже. Ей не нравилось происходящее, но, верно, задавать королю слишком много вопросов не стоит.

– Ты бледная, – снова сказал Сантор, сверля Альку пристальным взглядом.

– Со мной все хорошо, отец, – и она выдержала этот взгляд.

В самом деле, ведь мир не рухнет без Мариуса Эльдора. А она... что ж, она принцесса. И ей теперь надо учиться жить... как-то жить, да.

Позже, когда завтрак окончился, Авельрон взялся проводить ее. У Альки немного кружилась голова, поэтому она взяла его под руку. Так и пошли по крытой галерее. Свежий воздух был более, чем кстати.

– Что с Кьером? – тихо спросила она.

Авельрон поморщился, затем быстро огляделся и, убедившись, что они одни в галерее, так же тихо ответил:

– Кьер был наказан, судя по всему. Он ведь принадлежит отцу... ну и не уберег тебя. Показательная порка.

Алька невольно отшатнулась.

– Ты хочешь сказать, что отец наказал Кьера? Вот так? Избил?

Пожатие плечами.

– Кьер получил столько плетей, сколько ему причиталось, Аля.

– Дикость какая... – мысли закрутились в голове цветастым вихрем.

Она ведь... ничего такого не ожидала от отца. Как он мог? За что? Разве Кьер виновен?

Авельрон лишь головой покачал и мягко погладил ее по запястью.

– Послушай, маленькая... Ты ведь не жила тут и мало что знаешь. Все это время, на протяжении столетий, здесь были именно такие порядки. Традиции, понимаешь ли.

– Но теперь же... – она хотела возразить, сказать, что теперь все изменилось, но Авельрон махнул худой рукой, словно рассекая воздух.

– Ничего не изменилось, Аля. Сантор будет править железной рукой, как и раньше. И больше всего на свете я боюсь, как бы ты не оказалась просто разменной монетой.

– Он же мой отец, – совершенно растерявшись, брякнула Аллька.

– Да, он твой отец, – согласился Авельрон. В его серых глазах снова была тоска, – но прежде всего Сантор будет думать о своих землях и своих подданных. Не думаю, что он захочет сделать какую-нибудь гадость лично тебе, но... Ты не должна питать иллюзий, понимаешь меня? Не должна. Ты не свободна здесь, и никогда свободной не будешь.

А Аллька слушала его и вспоминала...

Ведь правда, здесь такие традиции. Очень жестокие. Вспомнить хотя бы, как тварям роя бросали человека. Или то, как Сантор недрогнувшим голосом отправил на виселицу женщину, беременную от него же.

– Ты видел Арианну? – спросила осторожно.

Авельрон молча приобнял ее за талию и повел дальше, вдоль окон.

– Зачем мне видеть ее, Аля?

– Она тебя любила, Рон.

– Она предала нас всех из-за чувства, и предаст еще неоднократно. К тому же, она носит ребенка моего отца. Зачем мне с ней видеться?

Он помолчал, размышляя.

Затем попросил:

– Алечка, маленькая моя сестренка. Не бери лишнего в голову. Подумай лучше о том, что нужно лично тебе. У тебя кто-нибудь остался там, в землях Порядка? Возможно, его стоит переправить сюда?

И тут Алька совсем растерялась. Да, у нее остался братик, ее маленький сводный братик, которого она любила. Но... стоит ли тащить его сюда, в эти жестокие земли?

«Мариус не должен его бросить, – пронеслось в голове, – не должен».

Поэтому она, пряча глаза, лишь покачала головой.

Нет, у нее никого там не осталось. Незачем даже думать об этом.

А перед глазами почему-то Кьер, который стоял у стены и едва держался на ногах. За что его наказал Сантор? Кьер не так уж и виноват.

– Тоскуешь по нему? – вдруг спросил Авельрон.

Не нужно было гадать, о ком шла речь. Алька поежилась и кивнула.

– Очень. Иногда мне кажется, что не будет мне жизни... без него.

– Время лечит, – лаконично заметил брат, – да и ты не долго будешь одна.

– Я не хочу...

– Думаю, тут не стоит вопрос о том, хочешь ты или нет, – Он медленно гладил ее по тыльной стороне ладони, – ты принцесса, Аля. А все принцессы выходят замуж. Да хоть и за верховного мага. Отец с удовольствием заручится его постоянной поддержкой... в любых вопросах, понимаешь?

Она выдернула руку.

– Зачем ты мне это говоришь?

Кривая улыбка. И тоска в прозрачных серых глазах.

– Затем, чтоб для тебя не было сюрпризом, если однажды отец отдаст тебя кому-нибудь.

– Он не сделает это против моей воли!

Ведь не сделает же?.. Вольную птицу не удержишь в руке.

– Ты сама сделаешь все, что он прикажет, – Авельрон усмехнулся одними губами, – потому что это нужно будет государству. А принцессы не выбирают свою судьбу.

У Альки перед глазами замельтешили алые точки. Кровь прилила к голове, щекам стало жарко. Так хотелось... сказать что-нибудь злое, обидное...

Но не успела.

Раздался торопливый звук шагов, в галерею вбежал стражник.

– Ваши высочества! Ваши высочества, его величество требует вас к себе. Прибыл гонец из земель Порядка, повелитель желает, чтобы вы знали новости!

– Идем, – Авельрон решительно стиснул Алькину руку.

Пришлось почти бегом добираться до кабинета Сантора. У Альки голова кружилась от всех этих поворотов, хитро заверченных коридоров, неправильных форм и скругленных контуров. Авельрон дотащил ее до отцовского кабинета, он тоже запыхался, тело еще не до конца восстановилось после того, что сделал с Роном магистр.

Постучались.

А потом, когда по ту сторону прозвучало хмурое «войдите», Авельрон распахнул перед Алькой дверь, учтиво пропуская ее внутрь.

Сантор... сидел за письменным столом, выточенным из цельного камня. Из овальных окон лился розоватый свет, искрился по книжным корешкам, ложился пятнами намолочного цвета стены. Перед повелителем крагхов лежал тщательно расправленный свиток, Алька увидела круглую сургучную печать на золототканом шнуре. И отчего-то этот сургуч напомнил ей спекшуюся кровь. Резко стало нечем дышать, перед глазами потемнело.

«Да что это со мной», – рассердилась она.

На миг закрыла глаза, попыталась успокоиться. Вроде помогло, кабинет перестал плыть. На запястье – теплые пальцы Авельрона.

– Я получил послание из земель Порядка, – неожиданно добродушно сказал Сантор, – это тебя касается, Алайна. Орвил Дей Флодрет просит твоей руки, чтобы сделать ваш брак залогом мира между нашими землями.

Глава 2. Эрифрейский потрошитель

Утро было на редкость отвратительным. До полудня Мариус провалялся в постели, мучаясь мигренью. Пару раз к нему заходила Энола, все в той же личине легкомысленной блондиночки и приносила теплый чай с лимоном, в большой кружке. Она ставила ее на тумбочку, помогала Мариусу сесть и собственноручно поила его, бурча о том, что-де магам ну совершенно нельзя «так надираться». У Мариуса, у которого в висках все равно что раскаленной проволокой вертели, возражений не было. Он послушно, маленькими глотками пил чай. Закрывал глаза, потому что даже в полумраке смотреть было больно. Еще в полузабытии ему мерещилось, что кто-то тихо подходил к кровати, стоял, громко сопя, и снова уходил. А потом Мариус открывал глаза – и никого...

К обеду немного отлегло. Он облачился в халат и спустился на кухню, сам толком не зная, зачем. Без Алайны дом как будто опустел. Закатилось яркое солнышко.

На кухне Аманда раскатывала тесто, Телора тут же толкла вареную картошку, видимо, готовя начинку для пирожков. Шмяк сидел на спинке стула и старательно – ну совсем как кот – вылизывал пушистую шкурку, время от времени раскрывал крылья и тряс ими, словно кому-то угрожая. Лива сидела в самом углу, там, где падал свет из окна, и рассматривала книгу с картинками. Бертрана... не было, видать, отлучился по делам.

Едва завидев Мариуса, женщины вскочили на ноги, выжидающе уставились на него. Мариус махнул рукой.

– Сидите, фье, не обращайтесь на меня внимания. Разве что... кто-нибудь угостит меня кофе?

Телора нервно пригладила рукой волосы. Рыжие, вьющиеся, они непослушно торчали во все стороны, и Телора изрядно напоминала одуванчик, только цвета новой меди.

– Ниат Эльдор... Ниата Алисия сказала, что... ваша невеста осталась в землях за Пеленой? – прозвучал неуверенный вопрос.

– Да, – сказал Мариус.

И удивился тому, как спокойно это прозвучало, в то время как внутри все скрутилось в болезненной судороге. Эх, Алька, Алька...

– Вы... вы ее бросили, – удрученно сказала Телора, – после всего... она ведь считала, что ее дом здесь, рядом с вами.

– Я поступил так, как считаю нужным, – деревянным голосом ответил Мариус. То же он сказал и Авельрону, которого снова вытаскивал почти из-за черты.

– Кому – нужным? – одними губами спросила женщина.

– Ей нужным, – он пожал плечами, – так я могу рассчитывать на кофе?

Опомнившись, Аманда и Телора разом бросились к шкафу, где стояла жестянка с молотым кофе, столкнулись, затем Аманда все же отвоевала право варить кофе хозяину, Телора молча вернулась к начинке. Мариус почувствовал, как кто-то взял его за руку. Оказывается, Лива совершенно неслышно подкралась, и теперь жалобно заглядывала в лицо, и губы дрожали.

– Не печалься, – сказал Мариус и погладил девчужку по волосам, таким же пушистым и рыжим, как и у матери.

Снова резнуло болью под сердцем. Когда-то он очень хотел детей, да не получилось. Потом... надеялся, что у них с Алайной родится ребеночек, и тоже не вышло. Все было пусто, серо, безвкусно. Потом сообразил, что здесь прозвучало новое имя.

– А кто такая Алисия? – спросил он у женщин, присаживаясь с краю стола.

– Так это ж... она который день тут живет, – сварливо отозвалась Аманда, – гостевую спальню заняла. Ходит тут, командует. Да еще и в кабинете вашем такой беспорядок устроила, что просто жуть. А убираться мне не дает, просто не пускает туда.

Значит, Энола Дампи назвалась Алисией. Мысли медленно крутились в голове, вязкие, все какие-то неприятные.

– И правда, – проговорил он, – я и забыл.

– Эта Алисия и выручать вас ездила, когда вы давеча домой не явились, – голос Аманды чуть смягчился, – она вам кто, ниат Эльдор? Родственница какая?

Перед Мариусом поставили наконец кружку с горячим кофе, крепким, густым, как он любил. Он потянул носом аромат и вдруг

вспомнил, как они завтракали с Алькой, и как она задумчиво откусывала кусочки печенья.

У нее все будет хорошо, у его любимой птички. Она ведь и не нужна Магистру. Он нужен, его тело нужно. А Алайна – просто привязанность, которой тварь и воспользовалась.

Мариус сидел за столом, прихлебывая кофе и постепенно приходя в себя. Давешний загул все же был плохой идеей. Глупо пытаться залить что-то спиртным, это что-то все равно всплывет. Да и вообще, надо было брать себя в руки и приниматься за дела. Нужно было думать, как помочь Эноле восстановить доброе имя в глазах короля. А еще нужно было решать, как убить Магистра, вернее, тварь, которой он стал. И тогда, если очень-очень повезет, он снова отправится к Алайне. Вдруг случится чудо, и она простит ему свое разбитое сердечко?

Позже он поднялся наверх, в кабинет. Энола Дампи ожидаемо возилась с какими-то детальками, судя по виду, латунными. Составляла что-то, тыча паяльником в раскрытый цветком артефакт, и тут же добавляла меж металлических лепестков непонятные Мариусу крошки, подбирая их с белого блюда.

Вокруг нее стол был уже завален свитками, книгами, блестящими трубками, стеклянными колбами, большими и маленькими. Совершенно новая столешница покрылась разноцветными пятнами, в некоторых местах была обожжена.

Мариус тщательно прикрыл за собой дверь, подошел к столу.

– Алисия?

Удостоился хмурого взгляда голубых глаз в длинных кукольных ресницах.

– Ну, а что, – буркнула Энола, – какая разница? Раз я здесь надолго, то пусть будет Алисия. Можете смело хвастаться вашими любовными победами. Пусть все думают, что вы меня содержите.

Мариус хмыкнул и уселся в кресло.

– Я только потерял невесту.

– Вы ее еще не потеряли, ниат Эльдор, – снова взгляд пронзительно-голубых глаз, – она вас простит. Верьте хотя бы в это, и вам будет легче.

Мариус помолчал. Ему очень хотелось, чтобы все было так, как сказала Дампи, но...

– Как вы себя чувствуете? – спросила она, не прерывая своего занятия.

Артефакт в миниатюрных тисках был похож на латунную розу, меж лепестков которой чего только не было понатыкано. Мариус даже разглядел засушенную воробьиную лапку.

– Значительно лучше, спасибо. И... спасибо за чай.

Энола фыркнула и ничего не сказала. Потом отложила паяльник, отодвинула в сторону неготовый еще артефакт.

– Вы пришли о делах поговорить, я полагаю?

Он кивнул. Да, никуда не денешься от этих дел.

– Хорошо.

Энола сложила пальцы домиком, еще раз окинула Мариуса непонятым взглядом.

– У нас, магистр Эльдор, два больших дела намечается. Первое – это убить ту тварь, что научилась вселяться в чужие тела. Второе – найти и тоже убить ту тварь, которая подвергла его величество воздействию, а во всем обвинили меня. И если с первым все ясно, то со вторым...

Пожала плечами.

– Я понятия не имею, что делать с астралом, – честно сказал Мариус, – пока что и в Надзоре ничего не нашел по этому вопросу.

– Если вы хотите убить тварь, то вам наверняка придется туда войти, в астрал этот. Всего-то следующий слой за обычной магией, но... – тут она поцокала языком и улыбнулась, – только человек уровня архимага может это проверить и вернуться живым.

Мариус усмехнулся.

– Хорошо. А чем определяется, относится ли маг к этому уровню? Величиной резерва? Уровнем владения магией? Чем?

– Вам придется стать чем-то большим, чем обычный маг, резерв точно придется наращивать, – задумчиво проговорила Энола, – вы не подумайте, это не я придумала. Вот. – И постучала ногтем по толстой книге с краю стола.

– Сомневаюсь, что у меня получится, – он вздохнул, – я тот, кем меня изготовил предыдущий магистр, не больше и не меньше. Я чувствую магическую материю. А вот астрал – это уже лежит за моими возможностями.

– Вы меня не слушаете, – ехидно заметила Энола, – я вам говорю, придется резерв наращивать, чтобы дотянуться до астрала.

– Я бы с радостью, но...

– Тогда мне нужна лаборатория, – она глянула выразительно, – не вот эта вот комнатуха, а настоящая лаборатория... У меня была такая, в моем доме. Чтобы я могла нормально работать. И тогда я сделаю для вас ту систему артефактов и сывороток, которые смогут вас изменить.

– А жив я останусь при этом? – Мариус горько усмехнулся.

– Останетесь, не сомневайтесь. Отправитесь к своей девочке. Будете носить ее на руках, покупать охапки роз и кормить конфетами. Только организуйте мне нормальное рабочее место.

– Подвал вас устроит? Здесь довольно большой подвал.

Энола лучезарно улыбнулась.

– Лишь бы там было много места. Знаете, настройка многих артефактов просто требует больших пространств. Там слишком тонкие различия в потенциалах, которые заметны только на расстояниях. Ну, а я ведь не пойду всем этим на улице заниматься. Как понимаете, ищейки Фаэра не дремлют...

И она умолкла, запнувшись. А когда Мариус посмотрел на Энолу, то понял, что она тихо плачет. По бледным щекам пролегли прозрачные дорожки.

– Энола...

– Не надо, – она замахала руками, потом достала из рукава свернутый носовой платок, – простите меня... как подумаю... оно само получается... Представить себе не могу, как он поверил во все это?

«А Алька мне тоже не поверила», – подумал мрачно Мариус.

Энола звучно высморкалась, поморгала, помахала перед лицом листом бумаги, осушая слезы.

– Как думаете, кто отстриг прядь волос его величества, чтобы положить в артефакт? – напрямую спросил он.

– Понятия не имею. – Энола всхлипнула, – это точно была не я. Да и... знаете, по всем правилам артефакторики этого было бы недостаточно, чтобы воздействовать на волю короля. Такое воздействие при помощи артефактов возможно только через кровь либо самого Флодрета, либо через кровь очень близкого родственника.

Разве что... у малышки Леоны пару капель сцедили? Но она ни на что не жаловалась.

– А вы ничего странного во дворце не замечали?

Энолу было жаль. В облике юной блондиночки она сейчас выглядела совершенно раздавленной. Наверное, она в самом деле имела несчастье влюбиться в Флодрета. Да и непохоже было, чтобы она в самом деле хотела влиять на его волю, чтобы хотела войны с Сантором.

– Дайте-ка подумаю, – прошептала она, – у нас... ничего такого никогда...

И вдруг умолкла, буквально сверля Мариуса застывшим взглядом.

– Что? – он невольно приподнялся. – что, Энола?

– Однажды я видела на плече его величества следы от чьих-то зубов, – медленно произнесла она, – но я тогда... почти не придавала значения этому. Мало ли. Случайная любовница. Это было в начале наших отношений, и я не имела никакого права задавать вопросы, поэтому промолчала. Но это...

– Это было странно, – согласился Мариус, – не думаю, что Флодрет таскается по бабам. И сам я... недавно видел у него на руке след укуса. Кто его мог покусать?

Энола рвано выдохнула.

– Магистр... Мариус... я уже ничего не понимаю во всем этом. Артефакты – это просто. Взаимодействия, потенциалы... ничего сложного. А вот это все... но мне почему-то кажется, что тут и Фаэр все-таки замешан.

– Не удивлюсь, если это так, – он поднялся на ноги, – Энола... не желаете ли сегодня вечером прогуляться по Эрифрее?

– А мы можем заглянуть в лавку дядюшки Шульца?

– Это тот, который торгует компонентами для артефактов?

Она кивнула.

– Ну, для лаборатории. Вы же хотите вернуть свою невесту? И, наверное, как можно быстрее?

Мариус через силу улыбнулся.

– Знаете, я думаю, у нас все получится. Мы выведем на чистую воду Фаэра, если это он. Мы раскопаем, кто кусал Флодрета. И вы вернете себе все, что было вашим.

Они в самом деле отправились на прогулку, ближе к вечеру, когда Энола закончила возиться с очередными расчетами, а сам Мариус наведаясь в Надзор, перебрал кипу оставленных документов и раздал указания подчиненным. Кроме того, он успел лично провести собеседование с тремя магами, которые до падения Пелены таковыми не являлись, а тут вдруг начали замечать за собой странное, отчего добровольно явились в Надзор. Впрочем, там они и остались для дальнейшего обучения, поставленные на полное довольство.

Помимо этого Мариус написал письмо Энгеру Фирсу с просьбой донести до Тиберика новость о том, что они с Алайной уехали на юг разбираться с поместьем Мариуса и вернуться не раньше, чем к лету. Тошно было писать эту ложь, но... Мариус не смог заставить себя написать маленькому Тибу о том, что они так и не поженились. Стыдно было думать об этом. И все-таки теплилась надежда, что Алька простит, и когда-нибудь они будут вместе.

И вот, в подступающих мягких сумерках короткого зимнего дня, он вышел из дома под ручку с Энолой, провожаемый осуждающими взглядами Аманды и Телоры.

Это было... странно. Непривычно. Идти с кем-то рядом и понимать, что этот кто-то – не она. Другая.

И точно так же Мариус понимал, что для всех – и для мертвой твари из астрала – они с Алькой расстались.

Правда, тварь могла покуситься теперь на Энолу, но, положив руку на сердце, Мариус с неохотой признался себе, что на безопасность Энолы Дампи ему, мягко говоря, наплевать. А вот на безопасность птички – нет.

От осознания всего этого неприятно скреблась совесть, он не знал, что с этим делать. Все было плохо – по отношению к Дампи, которая хотела и могла помочь, по отношению к Альке, до которой рано или поздно дойдут слухи, что Мариус Эльдор взял себе содержанку, по отношению к нему самому, отчего хотелось пойти и еще раз попытаться залить вот это ощущение неправильности чем-нибудь горячительным. Мариус только сжимал зубы и старательно смотрел на мостовую себе под ноги. Сейчас... он ничего не мог изменить.

Дом магистра Надзора располагался в центре Эрифрей, известная мастерская Шульца – в трех кварталах. Поэтому пошли пешком.

Изредка поглядывая на Дампи, Мариус заметил, что она с детским восторгом озирается по сторонам, словно до этого никогда не была в Эрифрее. Она поймала его вопросительный взгляд и смущенно улыбнулась.

– Знаете, Мариус, а я ведь очень давно ни с кем вот так никуда не выходила. Я даже забыла, как это – никуда не спешить, а просто идти и смотреть по сторонам. Вот этого бара, – она кивнула в сторону брутального «Ниата Главногокомандующего», – я даже не помню.

– Пару лет назад открылся, – пояснил Мариус.

– Я редко выходила из дому. – плечи Энолы опустились, – знаете, все дела... Дела гильдии. Да и во дворце...

И осеклась. Потому что для нее воспоминания о том, что было «во дворце» наверняка были равносильны мучениям Мариуса по поводу отсутствия здесь его маленькой, такой родной птички.

Потом они долго перебирали ингредиенты для создания артефактов в лавке Шульца, попутно выслушивая лекции о том, как эти артефакты создавать. В молодой голубоглазой блондиночке старик Шульц нашел благодарного и безответного слушателя, и по этому поводу разразился почти двухчасовым повествованием о том, какой лучше припой использовать, как более экономно распиливать друзы цитрина, как раскраивать латунный лист... Ну и так далее. Мариус, не видя для себя пользы в компании в горах всякого добра, переместился на диван, там в какой-то миг поймал себя на том, что начинает клевать носом. Но – хвала Пастырю – Энола наконец завершила покупки, подошла к нему.

– Я – все, – усмехнулась, – вы оплатите?

Мариус кивнул, полез за кошельком, одновременно пытаясь понять, какого объема пакеты им придется тащить и не лучше ли поймать экипаж. Однако, никаких пакетов не было. Энола понимающе улыбнулась и протянула на ладони бархатный мешочек, в который могло поместиться несколько конфет.

– И это все? – он едва не добавил, и ради этого мы тут два часа проторчали? Но вовремя прикусил язык. Энола наверняка не только для себя старается.

– В денежном эквиваленте это не так уж и мало, – заметила она, – здесь все, что мне нужно для построения экспериментальной модели. А прочие устройства заберу из своего тайничка, о нем никто не знал.

Мариус расплатился с Шульцем. Получилось и правда недешево, но он даже спрашивать не хотел, почему именно эти ингредиенты захотела приобрести Энола Дампи. Ей-то виднее.

Потом они вышли из лавки. Сумерки перетекли в ночь, внезапно звездную и морозную. Воздух был свеж, так, что впервые после расставания с Алайной Мариусу захотелось просто стоять, смотреть на небо и дышать полной грудью.

А как там его птичка? Или... не его уже?

Снова накатывала тоска. И снова желание забыться, хоть как-то.

Энола осторожно тронула его за предплечье.

– Мариус... а давайте сходим куда-нибудь просто поужинаем? Вот так, чтобы никуда не спешить? Просто сидеть и смотреть в окно на небо.

Он усмехнулся. Как странно. Энола Дампи тоже увидела эту красоту, россыпь ярких, крупных звезд в глубокой черноте. А птичка? Смотрит ли она сейчас на звезды?

– Давайте, – согласился он, – тут неподалеку вроде был хороший ресторан. У них на втором этаже прекрасные панорамные окна...

И мыслями снова вернулся к Алайне.

А потом оборвал себя. Если Магистр может дотянуться к его сознанию из астрала, не нужно ему знать, что все это расставание – сплошное вранье.

Прикусив губу, Мариус заставил себя думать о золотых локонах идущей рядом женщины. Между прочим, любовницы самого короля. На настоящий момент – бывшей любовницы.

Заведение, куда он пошли, располагалось в двух кварталах от лавочки старика Шульца, ходу было минут двадцать по освещенной улице, от которой по бокам разбегались в стороны переулки, похожие на темные провалы.

Ресторан же был виден издалека, новое здание с высоченными окнами, украшенный светящимися лентами. У входа былолюдно, место было хорошо известным, и Мариус ничуть не удивился, когда прямо в пороге столкнулся с выходящим из ресторана Фаэром. Пальцы Энолы судорожно стиснули предплечье, но когда Мариус покосился на нее, то не увидел на хорошеньком личике ни следа волнения или

страха. Только чуть высокомерную улыбку, которая очень даже подходит женщине, идущей ужинать с магистром Надзора.

Ну и Фаэр. Глупо было ожидать, что тот смолчит – да он и не смолчал.

– Ба, магистр, – острый взгляд блеклых голубых глаз профессионально-цепко обежал Мариуса, – я смотрю, вы протрезвели и решили продолжить дебош?

– Ничуть, – Мариус заставил себя доброжелательно улыбнуться, – в свою очередь, хочу выразить вам признательность, Фаэр, за то, что не позволили борделю сгореть.

Фаэр мгновение смотрел на него, затем хохотнул. Кивнул на Энолу.

– Я вижу, у вас обновка? А куда делась предыдущая?

Оставалось только пожать плечами.

– Ну вы же помните, Фаэр, что мою невесту утащили твари роя. Как понимаете, больше я ее не видел.

Прозвучало... угрожающе. И Фаэр примолк, сообразив, что сболтнул лишнего, и что, ежели невесту утащили твари Роя, то вполне объяснимо, почему ее больше никто и никогда не видел.

– Соболезную вашей утрате, – сухо сказал он, – однако, вижу, что вы быстро нашли замену?

И принялся нагло разглядывать Энолу. Та в ответ с интересом поглядела на Фаэра, этакая глупенькая блондинка с кукольным личиком, но затем повернулась к Мариусу, захлопала ресницами.

– Дорогой, у тебя была невеста? Ты мне ничего не говорил!

– Дорогая, – Мариус поморщился. Непривычно и неприятно. Вот он уже и другую женщину называет «дорогой». Пусть в угоду Фаэру, пусть на публику, но все же. – Идем, дорогая, – повторил он, выразительно глядя на Фаэра, – я все тебе объясню... за ужином.

Кивнул застывшему собеседнику.

– Вы позволите? Девушка проголодалась.

Фаэр молча шагнул в сторону, освобождая дорогу, и они нырнули в хорошо освещенный холл. И только тогда Мариус сообразил, что рука Энолы, что цеплялась за его предплечье, трясется. Он механически погладил ее ледяные пальцы, сжал их. Так непривычно... Руки у Энолы крупные, и сквозь личину можно нащупать старые шрамики на тыльной стороне ладони. У Альки руки совсем другие,

тонкие, узкие кисти, изящные пальчики, которые он так привык целовать.

– Ну, ну, успокойтесь, – пробормотал Мариус, понимая, что еще чуть-чуть, и у его дамы начнется истерика.

Впрочем, если бы Фаэр наблюдал за ними, все выглядело более чем правдиво: девушка узнала, что у ее мужчины совсем недавно еще была невеста. Как тут не закатить истерику?

– Я... спокойна, – с присвистом, сквозь зубы, пробормотала Дампи, – надеюсь, он не почувствовал подвоха.

Мариус промолчал. Хорошо бы... потому что Фаэр, похоже, из тех, кто вцепится мертвой хваткой и не отпустит.

– Идемте в гардеробную, – он указал на лестницу, ведущую вниз.

Потом они выбрали столик у окна, так, чтоб можно было любоваться звездным небом. Правда, результат оказался не так хорош, как того бы хотелось: крыша дома напротив заслоняла обзор, оставалась лишь широкая звездная полоска посередине. Хорошо еще, что в зале не было яркого освещения – лишь свечи на столах, да и посетителей на втором этаже оказалось не много, основная часть предпочла остаться на первом этаже.

Пока ждали заказ, молчали, каждый думал о своем. Потом официант принес бутылку вина, белого и легкого, разлил по бокалам. Подали сырную нарезку, салаты. Энола устало откинулась на спинку стула, теребя артефакт личины, а Мариус задумался – а каково это, носить маску, получается, на всем теле? Может, от нее зуд или прочие какие неудобства?

– Давайте выпьем, что ли, – мрачно сказала Дампи, – за успех нашего с вами предприятия.

Мариус не стал отказываться. Вино оставило на языке терпкий, с едва заметной травяной горчинкой, привкус.

Энола огляделась. Ближайший занятый столик был у стены, почти на противоположной стороне зала, так что можно было не опасаться, что их будут подслушивать.

Мариус тем временем вяло жевал креветку из салата. Креветок сюда привозили во льду, практически, с южной оконечности королевства, так что блюдо ценой вполне соответствовало уровню заведения. Энола подцепила вилкой салатный лист, посмотрела на него с тоской, затем положила обратно. Чуть наклонилась вперед.

– Давайте, что ли, поговорим.

– О чем? – методично выбирая креветок, Мариус покосился на бутылку с вином. Желание довести себя до беспамятства снова проклюнулось. Где там его птичка? И почему, пропади все пропадом, он – здесь, а она – осталась там, где красные скалы?

– Вы мне так толком и не рассказали, что на самом деле случилось, – задумчиво произнесла Энола Дампи, – все, что я знаю, так это то, что некая тварь астрала овладела телом вашего пленника, в результате утащила невесту... и как итог – вы с девушкой расстались. Почему вы с ней расстались, Мариус? Я же вижу, что вам даже рядом со мной не по себе. Не возражайте, у вас это на лице написано.

– Я... – он отложил вилку, с опаской посмотрел в голубые кукольные глаза Алисии. Не смеется ли? Но лицо сидящей перед ним женщины было совершенно серьезно. Даже тонкие горькие морщинки Энолы начали прорисовываться сквозь личину.

– Я оставил ее у отца, – выдохнул он, – тварь охотится за мной, за моим телом. Пока я не убью ее, Алайне опасно рядом со мной.

– Хорошо, – Энола усмехнулась, – но объясните мне вот что. Почему вы решили, что нужны этой твари? Они ведь... едва разумны, насколько мне известно. Дались вы ей...

– Вы не понимаете, – он покачал головой.

– Ну так объясните мне, – твердо сказала Дампи, – ежели хотите, чтоб от нашего союза был толк. В конце концов, я должна понимать, чего мне ждать в будущем.

Он вздохнул. Наверное, Энола была права. Сейчас она вынуждена действовать практически вслепую. Ну и, наверное, будет честным дать ей понять, что и она в опасности... пока рядом с ним.

Принесли горячее. Мариус заказывал жаркое с грибами в горшочке, а Энола – рыбу, которую зажарили на углях. Когда официант удалился, Мариус открыл крышку, вдохнул пряный аромат хорошо приготовленного мяса и понял, что даже это искусно приготовленное и им любимое блюдо уже не вызывает интереса. Без Альки все казалось безвкусным и блеклым.

Посмотрел на Энолу. Она проворно ковырялась вилкой в рыбине, выбирая кусочки белого мяса и отправляя их в рот.

– Вы правы, – он вздохнул, – раз уж мы вместе, вам стоит знать все. Но... очень рассчитываю на ваше умение молчать.

Дампи усмехнулась, посмотрел на него с прищуром – так, словно насквозь видела.

– Ну что вы, в самом деле. Кому я побегу рассказывать? Фазру? Или королю, который объявил меня преступницей? А больше... больше у меня никого нет, ниат Эльдор. Родители давно умерли, когда мне было восемь лет. Но к тому времени я даже и дома не жила, выросла в пансионе.

– Хорошо... Ладно, – он все никак не мог собраться с мыслями, потер переносицу, – я в самом деле... в общем, слушайте.

И он рассказал. Все то, что произошло раньше, начиная со смерти Фредерика, его друга-архивариуса, который был убит одним из рабов прежнего Магистра. Начиная с дневника, заляпанного кровью, который Мариус потом на столе Магистра и увидел. С Ока Порядка, которого никогда не существовало. В общем, все. И когда, наконец, закончил, как-то даже легче стало.

Энола, которая молчала все это время, сцепила пальцы замком, покачала головой.

– Однако.

– Вы сами хотели знать, – буркнула Мариус.

Теперь он уже сомневался в том, правильно ли поступил, открыв все подробности едва ли знакомой женщине, и оттого начинал злиться.

– А что я должен был делать? – спросил раздраженно, – я всего лишь...

– Вы хотели быть счастливым, – спокойно сказала Энола, – каждый имеет право на счастье, этого не отнять. Более того, будь на вашем месте, я бы поступила так же...

Она задумалась, теребя салфетку, и сквозь личину снова проступили тонкие морщинки. Мариус подумал, что, наверное, в моменты душевного напряжения личина истончается, того и гляди, проглянет истинная Энола Дампи с ее рысьими глазами и умным лицом.

– Я тоже хочу быть счастливой, – продолжила она, – пусть и просто любовницей... правда, опасаясь, что после всего этого... я сама от него уйду.

– Зато теперь вам понятно, что за тварь астрала, и почему ей нужен именно я. – буркнул Мариус.

Энола внезапно рассмеялась, затем подхватила бокал и сделала большой глоток.

– Отменная просто тварь, ниат Эльдор. Но, если вы полагаете, что меня все это напугает, то вы меня просто совсем не знаете. И, конечно, то существо... оно сильно, да, уже хотя бы тем, что прячется в недосыгаемом для вас астрале. Пока недосыгаемом... Но в этом же и его слабость, – она подмигнула, – вы не поверите, но... да, слабость! Чем дольше сущность нашего магистра будет пребывать в астрале, тем сильнее будет деградация его умственных способностей. Это неизбежно. Рано или поздно он превратится в самую обычную, совершенно тупую тварь астрала, каких тысячи. И, заметьте, они особо сюда не лезут, разве что только каким возмущением магических полей забросит. Так что мы его переиграем, рано или поздно, и вы вернете себе вашу Алайну. Хорошо, что вы мне все рассказали. По крайней мере, теперь я понимаю, с чем мы имеем дело...

Она помолчала, а потом добавила:

– Знаете, а я ведь давно подозревала, что с тем Магистром не все ладно. На всех магических советах я сидела рядом, и, знаете, пахло от него так неприятно. Как от трупа. Легкий такой душок, едва заметный... а я все не могла понять, что ж такое. А оно вот как оказалось.

И, вздохнув, она снова принялась за рыбу, уже остывшую. Мариус снял крышку с горшочка и все-таки попробовал мяса. Оно, конечно, было великолепным, таяло во рту, но...

«Если бы Алька здесь была». – Тоскливо подумал Мариус.

Тогда все было бы иначе.

Позже... они вышли из ресторана.

Над Эрифреей все так же плыла звездная, чуть морозная ночь. Стены домов поблескивали в свете лайтеров тонкой корочкой инея, и было тихо, необычайно тихо для центра Эрифреи. Возможно, потому что был поздний час и даже завсегдатаи ресторанов уже разошлись по домам. А может быть, просто похолодало, и эрифрейская публика, непривычная к морозу, сидела у каминов, попивая глинтвейн.

– Пешком пойдем? – спросила Дампи, поднимая воротник шубки.

– Если вы не против, – Мариусу почему-то хотелось подольше побыть под этим бархатным небом, украшенным россыпями звезд.

Ему все время казалось, что где бы сейчас не была Алька, она точно также смотрит на небо и вспоминает его.

Вспоминает то, как мало и как сильно они были счастливы.

– Я люблю ходить пешком, – сказала Дампи, аккуратно беря его под руку. И добавила, – Флодрет тоже любит. Мы, собственно, так и познакомились. Тогда прошел год после смерти его жены, я любила бродить по королевскому парку. Знаете, одиночество приманивает очень дельные мысли. Там еще была моя любимая лавочка, там можно посидеть, глядя на пруд. И однажды он тоже туда пришел. Сам, представляете? Без охраны... Тихо сбежал от всех, потому что хотел побыть один...

Она умолкла, задумавшись. Мариус механически шагнул по мостовой, которая тоже немного скользила от измороси.

И вокруг – ни души. Точно, все замерзли и попрятались по норам.

– Смотрите, – вдруг Энола остановилась, – что это?

Он глянул в том направлении, куда она показала. Там в улицу вливался довольно темный переулок, и там, на границе света и тени, Мариус увидел женскую длинную юбку и ноги.

– Это еще что такое, – он тихо выругался и ускорил шаг, – идемте... вдруг ей помощь нужна?

Хотя, может быть, просто напилась до потери сознания.

Под конец они почти бежали. А потом Энола остановилась, как вкопанная, и ее согнуло пополам в жестоком приступе рвоты.

Мариус, замерев, смотрел на юбку и ноги женщины, потому что, выходит, больше смотреть было не на что. Туловище выше талии отсутствовало. Там – лишь огромная, успевшая застыть черная лужа крови, по которой гуляют блики фонарей.

Потом он развернулся, подхватил под мышки Энолу – ноги ее просто не держали.

– Идемте. Идемте же, ну? Успокойтесь... Пастырь, сейчас доберемся до дома, я вам чего-нибудь налью... успокоительного... Надо вызвать Надзор, это явно не людских рук дело...

– О-ох, – простонала Дампи, – простите меня... я не... как же так...

– Возможно, это наш магистр выбирается в нашу реальность из астрала. – зло бросил Мариус. – я не знаю... надо будет осмотреть тело. В Надзоре. Никаких Фаэров.

– До Флодрета все равно дойдет, – выдохнула Энола.

– Было бы странно, если бы он остался в неведении. Все ж таки Эрифрея...

Однако, увиденное впечатляло. Даже Мариуса, который в свое время самолично резал и распиливал на куски крагхов. Он с сочувствием посмотрел на Энолу, которую практически тащил под мышки.

– Какого крагха мы с вами делаем, – буркнул, – надо торопиться, пока сюда не сбежалось пол-города.

Дернул Дампи вверх – и к себе, одной рукой обхватывая ее, прижимая к себе, а свободной рукой прочерчивая линию надреза в пространстве и открывая портал.

Глава 3. Королевская невеста

«Орвил Дей Флодрет просит твоей руки».

Алька повторила это про себя. И еще раз. Судорожно хватая за руку Рона, глубоко и быстро дыша сквозь зубы. Перед глазами танцевали надоедливые мошки, ноги ослабли. То, что сказал Сантор... Не может быть правдой, просто не может! Да и сама она... замуж? Но ведь... как же так?..

Сантор окинул ее внимательным взглядом, затем коротко кивнул сыну.

– Присядь. Что это с тобой? Все нездоровится?

Алька с трудом сообразила, что Авельрон бережно подвел ее к креслу и усадил. Она без сил откинулась на спинку, из-под ресниц наблюдая за отцом.

Может быть... все-таки... он пошутил?

Ну в самом деле, зачем королю такая жена? Она ведь была самым настоящим крагхом. Она... не девственница, у нее был мужчина. Поэтому предложение выглядит совершенно неуместно, как-то глупо.

Алька все еще смотрела на Сантора, и по каменному выражению его лица вдруг поняла, что – нет, не шутка. Все по-настоящему. Ей предлагают выйти замуж за мужчину, которого она видела раз в жизни, который... король Земель Порядка.

И все серьезно.

– Я не могу, – жалко пролепетала она.

Авельрон положил ладонь на плечо, словно бы напоминая – а я ведь предупредил, сестренка. Сантор вздернул бровь, окинул ее нечитаемым взглядом. Затем откашлялся, устроился поудобнее на стуле, положил подбородок на сцепленные пальцы рук. И спросил:

– Это почему же?

«Да потому что я люблю Мариуса!» – чуть не выкрикнула Алька, но вовремя прикусила язык. Это, конечно, было так, и она, хоть и извелась, по-прежнему чувствовала себя частью Мариуса Эльдора, а его – частью себя. Но вряд ли отец поймет. И вряд ли пойдет на поводу обычной женской истерики.

Поэтому Алька вдохнула поглубже и, хоть голос и подрагивал, почти спокойно сказала:

– Я не хочу замуж, отец. И я... не знаю этого мужчину. Совсем.

Сантор вдруг улыбнулся, почти ласково.

– Твой магистр тебя бросил, Алайна. Надеюсь, у тебя хватает здравого смысла, чтобы оставить эти отношения в прошлом?

Она устало мотнула головой.

Нет, не хватает. И Сантор наверняка это прекрасно понял.

– Но, даже если ты на что-то надеешься, вот что я тебе скажу, дочь. Все же ты – прежде всего принцесса. А принцессы не выбирают себе мужей. Принцессы идут замуж за того, за кого выгодно государству. И поэтому я не вижу ни одной причины, почему я должен сказать «нет» королю, который все еще пытается наладить с нами отношения.

Алька слабо усмехнулась, выдержав тяжелый взгляд отца.

– Ты меня... насильно выдашь замуж? Я же...

– Сбежишь? – он медленно поднялся, вышел из-за стола и подошел к креслу, угрожающе нависая, подавляя любую волю к сопротивлению.

– Сбегу, – Алька решительно поджала губы, – я не выйду замуж, хоть убей. Ни за Флодрета, ни за кого-либо еще.

Сантор чуть откинулся назад, с интересом ее разглядывая. И именно в тот миг Алька и поняла, что ничего, ровным счетом ничего она не может противопоставить ни доводам отца, ни его власти.

– А тебе некуда бежать, – сказал он тихо и угрожающе, – он бросил тебя, Алайна. Ты не нужна ему оказалась. Нет, конечно, здесь и твоя вина, но... Если бы он хотел, чтоб ты была с ним, то простил бы, как я бы простил твою мать, пожелай она вернуться. Но надо иметь смелость признать: ты. Ему. Не нужна. А так-то... бежать? Тебя никто и нигде не ждет.

Алька промолчала, подумав, что она могла бы просто уехать в город, снять жилье попроще и работать где-нибудь... ну, гувернанткой, например. Учительницей рисования. Или секретарем.

Сантор молча прошелся по комнате, бросая на нее задумчивые взгляды, затем сказал:

– Ты выйдешь замуж за Флодрета. И если раньше я был готов... Да, был готов мириться с тем, что ты выбрала себе мужчину, который

посмел одеть на тебя ошейник рабыни, то теперь я буду поступать так, как угодно нашему государству. Твое мнение в этом вопросе никому не интересно. Так что, моя драгоценная дочь, выбор за тобой: либо ты отправишься ко двору Флодрета добровольно и со всеми удобствами, либо тебя отправят ему связанной по рукам и ногам. Но – отправят.

Она сглотнула и с тоской посмотрела на отца. В самом деле, откуда у нее взялась мысль о том, что он будет ее понимать? Да и какой он отец? Не знал, не видел ее маленькой, не растил и не воспитывал. А вот товар из нее отменный. Так отчего не воспользоваться?

– И нечего на меня смотреть забитой овечкой, – грубо сказал Сантор, – повторяюсь еще раз. Ты – принцесса. А принцессы не выбирают свою судьбу, так было и будет всегда.

– Но до падения Пелены ты вроде был не против, чтоб я выбирала, – она нашла в себе силы возразить.

Повелитель крагхов неопределенно махнул рукой.

– Тогда не было соседнего государства. А теперь... Да чего ты упрямисься, в самом деле? Будешь королевой. Еще и пинков надаешь своему Мариусу. Ему ведь ко двору положено являться. А там – ты, его королева. Даже забавно, в самом деле. Отыграешься.

Алька прикусила изнутри щеку, чтобы не разреветься. Она не хотела ни на ком отыгрываться. Она ощущала почти физическую необходимость видеть Мариуса, и одновременно не желала его видеть, потому что это слишком больно, понимать, что не нужна она ему больше. Поигрался – и выбросил.

– В общем, иди, – сказал Сантор, – Авельрон, проводи сестру в ее спальню.

– Подожди, – Алька встрепелась, – подожди! А когда ты... думаешь меня туда отправить?

Сантор пожал широченными плечами, задумчиво провел пальцами по каменной столешнице.

– Не все так быстро. Думаю, ты туда поедешь дней через пять.

– Пять? И это – не быстро?

Отец развел руками.

– Ну, а что откладывать-то? Эти дни позанимаешься с Фэем, думаю, ты быстро все схватишь.

Она опустила голову, чтобы Сантор не видел ее лица. Пять дней... так мало. И, конечно же, за ней будут присматривать. Так, может, и правда – зачем противиться? Мариус отказался от нее... Да и что за жизнь бы была у них? После того, как сама его обманула?

Но на душе было горько и больно. И привкус пепла на пересохших губах.

Алька покорно позволила вывести себя из кабинета, и медленно пошла рядом с Авельроном. Пол под ногами плыл и смазывался из-за набежавших слез. Она почувствовала, как Рон приобнял ее за талию, поддерживая и легонько подталкивая вперед.

– Аля.

– Что? – сморгнула слезы.

– Не надо плакать.

– Ну, разумеется, – тут Алька не выдержала и всхлипнула, – это ж не тебя выдают замуж за незнакомого мужика.

– Не меня, да, – согласился Авельрон, – но, возможно, это к лучшему? Со временем ты забудешь Мариуса Эльдора. Может быть, король не так уж и плох, а?

Тут она замерла, повернулась к Рону и посмотрела прямо ему в глаза. Издевается?

Нет. Лицо совершенно спокойное, может, чуточку озабоченное и опечаленное. Рон говорил совершенно серьезно, и сам был абсолютно уверен в том, что сейчас для Альки нет ничего лучше, как выйти замуж за Флодрета.

– Ты... не понимаешь, – выдохнула она, – ты не чувствуешь даже тысячной доли того, как мне сейчас больно. Вы меня... словно ножом пластуете. Продаете. Я ж не вещь, Рон.

– Конечно, не вещь, – согласился он, – ты очень дорогая женщина. Почти бесценная. Залог мира между нашими землями. Возможно, тебе будет легче, если ты подумаешь о тех людях, кому все это будет во благо.

Алька судорожно вздохнула, быстро вытерла слезы.

– У меня нет выхода, так ведь?

Он качнул головой.

– Даже если сбежишь, отец тебя найдет.

Она обхватила себя за плечи дрожащими руками. Вот теперь... теперь действительно все плохо. Она не представляет рядом с собой

никого, кроме Мариуса. От одной только мысли, что кто-то другой будет ее касаться, к горлу подкатывает липкий комок тошноты.

Алька крепко зажмурилась. Это... все равно, что прыгнуть в ледяную воду. Надо принять решение, наконец – то ли бежать, то ли в самом деле смириться. Послушать, что говорят близкие ей мужчины. Возможно, они правы, и Флодрет – не такой уж плохой жених?

Но кое-что не давало покоя.

Алька посмотрела на Авельрона, он молча ждал, что она скажет.

– Где мне найти Кьер? – получилось сипло и совершенно безжизненно.

Рон почему-то не удивился.

– Кьер живет на нижнем уровне, там, где рабы, – сказал он, – спустишься туда, спроси любого... Каждый знает, где найти личного убийцу повелителя.

Авельрон так у нее и не спросил, зачем ей Кьер. Может быть, понял, что попросту не имеет права спрашивать. Может быть, чувствовал вину – за то, что на стороне отца, за то, что отдает ее как вещь, как очень дорогую вещь. Он оставил Альку в ее спальне, а сам ушел. А она обессиленно опустилась на краешек кровати, уткнулась лицом в ладони и некоторое время сидела, раскачиваясь из стороны в сторону и не имея сил пошевелиться. В груди болело, ныло, как будто там открылась плохо заживающая рана. Как она... дальше будет? Вспомнила Флодрета. Таким, каким видела на балу. Этаким ледяной блондин, недурен собой. Нельзя сказать, что красавец – но – чувствуется в нем стальной негибачый стержень. Алька вдруг представила себе, что рука короля на ее бедре, медленно задирает сорочку... Чужие, совсем неласковые прикосновения. Как это все стерпеть? И как же Мариус?..

«Он тебя бросил», – поправила она себя.

А так хотелось, чтобы простил и вернулся, позвал за собой.

И, наконец, может быть и ему горько, и он все-таки вернется?

Она глухо застонала, уронила руки на колени. Кьер. Вот кто ей нужен.

Собралась с силами, поднялась на ноги – комната предательски закружилась перед глазами, и снова к горлу подкатил горький комок тошноты. Пришлось глубоко дышать, держась за стену, пока не

отпустило. Потом Алька решительно вышла из комнаты и направилась на нижние уровни дворца.

Она никогда раньше не спускалась туда, и поначалу боялась – как на нее будут смотреть? Есть ли там стража? Да и вообще, не зря ли затеяла этот поход.

Но все оказалось совсем не страшно. Да, темновато. Да, немного сыро, в некоторых местах по кривым стенам вода стекает. Впрочем, на верхних уровнях тоже бывало темно, и встречались галереи вовсе без окон. Так что, выходит, и разницы особой не было между верхним и нижним уровнем. Потом Алька догадалась: раньше-то все были с крыльями, поэтому крагхи благородных кровей занимали места ближе к небу. Ну, а слуги и рабы – ближе к земле. Хотя тоже не скажешь, что земля близко, все равно весь дворец бледной грибницей оплел скалу.

Ей встречались люди. Они были бедно, но чисто одеты, кланялись. Узнавали.

Несколько раз Альке пришлось спрашивать, где найти Кьера, и каждый раз сердце замирало – а ну как никто не знает, куда дальше? Но они знали. В итоге она, преодолев несметное количество путаных коридоров, остановилась перед низенькой дверцей неправильной овальной формы. И как он ходит через такую дверь? Высокий ведь, крупный мужчина.

Постучалась. Закусив губу, стиснула кулаки. Она ведь с просьбой пришла, а оно ему надо, Кьеру, выполнять пожелания принцессы? Тем более, что утром выглядел он, мягко говоря, неважно. В голове не укладывалось, что Сантор мог приказать избить его за то, что Алька стала жертвой своей же глупости.

За дверью была тишина, Алька упрямо постучалась еще раз. Потом подумала, что, быть может, Кьер ушел куда. А она тут – стучись хоть до ночи...

Но потом за дверью раздались тяжелые шаркающие шаги, легко звякнула щеколда, и в полумраке, горбясь, из полуоткрытой двери выглянул Кьер.

Он окинул Альку хмурым взглядом. Вблизи стало окончательно понятно, что его били, причем не жалея. Один глаз слегка заплыл, скула свезена, грязные волосы свисают желтоватыми сосульками. И рука – рука его, которой он придерживал дверь, подрагивала.

– Что вам, ваше высочество? – устало спросил он, и Алька почувствовала, что стремительно краснеет.

Действительно, что?

Вряд ли Кьер горит желанием видеть причину, по которой его наказал Сантор.

Но... Альке очень нужно было поговорить. И она отлично понимала, что о том, что задумала, можно было просить только Кьера. Потому что он... он знал ее тогда, когда она была счастлива с Мариусом Эльдором.

– Можно я войду? – пролепетала она.

Кьер еще раз оглядел ее, хмурясь, пожевал губами.

– Я не могу сказать «нет».

И шагнул внутрь, освобождая дорогу.

Алька, чуть пригнувшись, протиснулась в узкую дверь и осмотрелась.

Внутри... все оказалось не так уж и плохо. Кьер занимал несколько соединенных друг с дружкой комнат, которые как будто перетекали друг в друга. Окон не было, но по стенам висели плетеные ажурные корзиночки с крупными лайтерами, они-то и давали свет – достаточный, чтобы рассмотреть бедную, но чистую мебель, угол застеленной на полу постели, несколько полок с книгами и... сваленные на полу мятые тряпки в кровавых пятнах.

Алька все-таки не утерпела. Ткнула пальцем в них и, отдавая себе отчет в том, что ведет себя крайне бестактно, задала вопрос:

– Что это, Кьер?

Он молча подошел, все той же тяжелой, шаркающей походкой, затем ногой подпихнул тряпки под стол.

– Ничего, – и ухмыльнулся, – к вам это не имеет отношения, ваше высочество. Зачем вы пришли?

– Мой отец тебя наказал? – все-таки не унималась Алька, – но за что?

Пожатие плеч. Тут только Алька рассмотрела, что на нем была грязная сорочка, мятая, и на боках... тоже в пятнах. Прочую одежду составляли мягкие шаровары и кожаные туфли без задников.

– Кьер, – почти прошептала она, – твоя спина...

– Да что вам нужно? – он посмотрел на нее так устало и горько, что Алька внезапно испытала порыв обнять его, прижать голову к

груди, утешить. Так, как утешают маленьких детей.

И точно так же она понимала, что не имеет никакого права даже прикасаться к убийце. Не потому, что он был рабом, а она – принцессой, а потому что именно она, судя по всему, была причиной его плачевного состояния.

– Почему тебя не лечат? – все же спросила Алька, топчась на месте. От запаха крови начинало мутить, и воздуха ощутимо не хватало.

– Не заслужил, – еще одна ухмылка.

– Тогда... почему ты не сбежишь?

– Так не принято, – неохотно ответил Кьер, – вам не понять, ваше высочество. Говорите, пожалуйста, зачем пришли...

– И проваливайте? – Алька покачала головой, затем осмотрелась в поисках табурета. – Я обработаю твои раны.

– Не стоит, – одними губами, так, что почти не слышно.

И еще ей показалось, что Кьер отшатнулся от нее.

– Если за тобой не ухаживают, то это сделаю я, – решительно сказала она, – не понимаю, о чем думает Сантор.

– Не вам обсуждать решения повелителя, – кажется, Кьер начинал злиться, но Алька чувствовала, что ее несет. В конце концов, принцесса она или кто?

– Не мне, да. Но, уж поскольку я – принцесса, то в моей власти тебе приказывать, верно?

Кьер обреченно вздохнул. Он стоял, так же хмуро глядя на Альку, меж светлых бровей пролегла глубокая складка. А она вдруг решила, что на самом деле Кьер не сильно-то и старше Мариуса. Только вот в глазах... Тоска и безнадега.

– Дай мне чистое полотно и чем промыть, – сказала она, – и садись. Слышишь? Это приказ.

Через несколько минут на одном табурете стояла миска с водой, рядом, на столе, были разложены куски полотна и расставлены плоски с остро пахнущей мазью. Кьер, едва слышно постанывая, стянул сорочку и покорно уселся спиной к Альке, а ей захотелось зажмуриться и бежать отсюда куда подальше. Вообще отсюда. Не только из жилища убийцы Сантора, но и из этого дворца.

Конечно, Кьер пытался наложить повязку, но очень трудно это сделать, после того, как тебя выпороли плетью. Кое-где спина

напоминала отбитое мясо в засохшей кровавой корке. Ну и там, где уцелела кожа – все черно-синее.

Алька стиснула зубы и решительно смочила кусочек полотна в воде.

Вообще странно, что в таком состоянии Кьер еще на ногах держится.

– Потерпи, – прошептала.

Короткий смешок в ответ.

Некоторое время оба молчали. Алька промыла раны, аккуратно намазала на полотно мазь, потом закрепила повязку на спине. И подумала, что все ее планы летят в тот самый астрал, о котором когда-то слышала. Потому что в таком виде Кьер едва ли пригоден к выполнению ее просьбы.

Задумавшись, она задержала руку на его плече, гладком, смуглом, и очнулась оттого, что Кьер вяло пошевелился.

– Все. Я – все, – выдохнула Алька, – иди, ложись. Тебе надо лежать.

Все еще сидя к ней спиной, Кьер повел плечами, затем тихо поинтересовался:

– Зачем вы приходили? Не затем же, чтоб за мной ухаживать?

– Не за тем, – Алька прикусила губу, – но сейчас... тебе надо лежать.

И грустно подумала о том, что через пять дней у нее уже не будет никакого выхода. Она отправится в земли Порядка в качестве разменной монеты. Принцессам не дано выбирать судьбу, так ведь?

– Говорите, – Кьер осторожно повернул голову, – чтоб не просто так на нижний уровень ходили.

И тогда Алька решилась. В конце концов, вряд ли он побежит доносить Сантору, а так-то – почему б не сказать?

– Я хотела тебя попросить, чтоб ты отправился в Эрифрею и посмотрел... как там... – запнулась, не в силах произнести имя.

Но Кьер понял.

– Я должен сделать это незаметно?

– Да что ты сейчас сделаешь? – она всплеснула руками, – ты же на ногах едва держишься!

Кьер вздохнул, поднялся. Затем отошел в угол, где стоял темный деревянный сундук, порылся в нем и достал чистую тунику. Алька

опустила глаза, но то, что она успела заметить, огорчало: мускулистая грудь раба Сантора тоже была в белых старых шрамах. Судя по всему, наказывали его не в первый раз.

– Это пройдет, – его голос прозвучал уверенно, – снадобье очень действенное, а я... я быстро восстанавливаюсь. К тому же, я отправлюсь туда на архаане, это займет не больше дня. Главное, чтоб ваш отец меня не хватился в это время.

– Я скажу ему, что отослала тебя по важному делу, – Алька покачала головой.

– И по какому же такому важному делу? – он прищурился, – не возражаете, если я еще немного посижу?

– Да, да, конечно... Думаю, я вполне могу попросить тебя разузнать что-нибудь о моем будущем муже, – пробормотала она, – но на самом деле... прошу...

– Я понял. Заглянуть к магистру и посмотреть, что да как.

– Да, да! – она закивала, – мне очень... нужно знать, чем он занят и... вспоминает ли меня.

– Но не проще ли у него спросить? Я могу сказать, что вы... Можете его простить, ваше высочество, что у него есть шанс.

Алька замахала руками. Как тут спросишь? Мариус... он же сам ушел. Зачем ему шанс? Но если только... если только ему плохо, то... Она вернется. Хотя бы просто для того, чтобы быть рядом, ничего не требуя взамен. Вот вообще ничего.

Тут Алька поймала себя на том, что все это – какие-то совершенно большие чувства. Молодая девушка, да еще принцесса, не должна любить вот так, как она. Согласиться на все, лишь бы быть рядом, лишь бы ловить тепло его взгляда, ощущать запах кофе и горького шоколада.

– Только посмотри, что там происходит, – умоляюще сказала она, – я придумаю, что сказать отцу.

Кьер провел рукой по волосам, отбрасывая их назад.

Он немножко был похож на Флодрета, наверное, светлыми волосами, светлыми бровями и совершенно ледяными глазами. На этом сходство заканчивалось. Флодрет... он как будто был солнцем, ярким, слепящим. А Кьер, сбросив непроницаемую маску убийцы и шпиона, тонул в собственной тоске и безнадежности, как луна тонет в бесконечной темноте неба.

– Я слышал про предложение Флодрета, – вдруг сказал он, – сочувствую.

Алька пожалала плечами.

– Если есть надежда, что Мариус хоть когда-нибудь меня простит, то я бы хотела быть с ним, – честно сказала она.

Кьер медленно прошелся по комнате. Алька видела, как его взгляд плывет, застывает, то останавливается на площадке с грязной кровавой водой, то на стенах, то на ней.

– Через два дня, – наконец сказал он, – ровно через два дня вы узнаете обо всем, о чем хотели бы.

Лиар Фэй, самый сильный маг земель за Пеленой, оказался на удивление приятным, спокойным мужчиной, с которым разговаривать было сплошное удовольствие. У Альки опыта общения с мужчинами, считай, не было никакого – исключая Мариуса – и потому она увлеченно слушала то, что рассказывал Лиар, а рассказывал он хорошо, интересно, так, что и уходить с занятий не хотелось. Впрочем, занятиями все это можно было назвать весьма условно: он водил Альку на прогулки по высокогорным плато, учил летать на архаанах, учил призывать тварей роя. Они посетили маленькие садики, где росли кальхеймы, проклевываясь сквозь красноватую землю ярко-зелеными носиками, а потом Алька трясущимися руками подносила ярко-зеленые луковицы к страшным мордам архаанов. Ей все казалось, что сейчас – кляц! – и она останется, по крайней мере, без пальцев. Но ничего такого не случилось. Архааны высовывали длинные языки и деликатно слизывали угощения. Лиар Фэй заразительно смеялся, и его ярко-голубые глаза искрились неподдельным весельем. Алька еще немного смущалась, не привыкла вот к такому свободному поведению с малознакомым мужчиной, но за два дня оттаяла, и ей уже казалось, что они очень давно знают друг друга, а сам Лиар Фэй – что-то вроде добродушного старшего брата.

Именно поэтому то, что он ей сказал на второй день, показалось просто дурной шуткой, совсем не в его стиле.

– Тебе понадобится призыв тварей после того, как убьешь Флодрета.

Вот что сказал Лиар Фэй.

И посмотрел на нее своими яркими глазами.

– Что? – мяукнула Алька. Нет, это шутка. Ведь шутка?

Они стояли на одном из балконов дворца, который выходил в сторону гнездовищ тварей. Здесь жили крылатые скорпионы, и умудрялись они лепить гнезда из красной глины прямо на отвесной поверхности скалы – ну прямо как ласточки.

– Возможно, тебе понадобится призыв тварей после того, как убьешь Флодрета, – спокойно повторил Фэй.

Алька поморгала.

Нет, похоже, все было серьезно. Но как-то... неправильно. Ее отец... Неужели это его идея?

Сцепив дрожащие руки, так, чтобы Фэй не заметил ее волнения, она выдавила улыбку и спросила:

– А разве... разве я не должна выйти за него замуж?

– Должна, – мужчина улыбнулся, показывая белые крепки зубы, – более того, ты должна дожить с ним до официальной коронации, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что именно ты – королева. А потом ты овдоеешь и вторично выйдешь замуж за того, за кого нужно.

– А за кого нужно? – механически спросила Алька.

Происходящее все больше напоминало дурной сон.

– За меня, – сказал Фэй и усмехнулся, – но чтоб ни у кого из придворных прихвостней, и в том числе, у охраны Флодрета, не возникло никаких сомнений в твоём праве, ты призовешь тварей. Вот так и будет, рой в сердце земель Порядка.

В его голосе слышались нотки какой-то отчаянной злости, при том, что Фэй продолжал улыбаться и смотрел на Альку так мягко и спокойно, словно они сидели в кафе с десертами и вели светскую беседу о моде на рукава с буфами.

«Чем-то его обидели, те, кто жили за Пеленой», – решила Алька, но спросить побоялась.

Поколебавшись, она все же глянула Фэю прямо в лицо.

– Это мой отец такой план придумал?

Вот это ей нужно было знать, обязательно. Потому что, если весь этот бред принадлежит Сантору, то, пожалуй, она больше ничего и никому не должна в этих землях. Сбежит – и никто ее не найдет, можно ведь затаиться, мир большой.

– Сантор? – Фэй поднял атласную бровь, – нет, нет, что ты, Алайна. Ему бы такое и в голову не пришло. Он был просто счастлив,

когда получил послание с предложением заключить мирный договор. Именно тогда он и отписался Флодрету, мол, есть принцесса... Ну а дальше – сама знаешь.

Алька выдохнула. Ну, хоть не отец. Но тогда...

– А тебе это зачем? – поинтересовалась она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Лиар рассмеялся, потом мягко взял ее за руку и повел прочь с балкона. На лестницу, что вела наверх, к небольшому плато.

– Видишь ли, Алайна... тут ведь какое дело. До того, как рухнула Пелена, я был никем. Да что там, я был рабом у мелкого торговца. Наверное, благодаря этому я обучен грамоте, потому что кто-то должен был вести учет товара, кто-то должен был писать письма этому неграмотному борову. А потом в один миг я стал самым сильным магом этих земель. Никто не может призвать рой больше, чем я. Ну и... отчего бы мне не стать королем? Должна ж быть награда за то, как я жил все эти годы?

Алька молчала. Да и что тут скажешь? Она дождалась, когда он откроет люк, ведущий наверх, затем выбралась на поверхность. В лицо хлестнуло холодным ветром, вышибая слезы, и она торопливо вытерла их. Чтоб Лиар Фэй не подумал, что она плачет из-за его предложения.

Вид отсюда открывался великолепный. На земли крагхов, на величественные, необъятные красные скалы, причудливые утесы, которые кое-где были заселены тварями роя. Она дождалась, когда Лиар Фэй выберется следом и закроет люк, затем обернулась.

– Ну и как ты себе это видишь? Сперва убить Флодрета, затем Сантора? Сам править хочешь?

Фэй снова рассмеялся, потер ладони.

– Нет, что ты. Зачем мне Сантор. Сантор будет сидеть в этих землях, а мы с тобой – в землях Порядка.

– А если я расскажу отцу, что ты хочешь убрать Флодрета? – как бы невзначай обронила Аллька, щурясь на заходящее солнце.

Она почувствовала, как он подошел сзади. Стал так близко, что она спиной ощутила тепло, исходящее от его тела. Хотела отстраниться, но Фэй внезапно твердо удержал ее за плечи. У него оказались очень сильные, костлявые пальцы. Он надавил больно, словно давая Алькке прочувствовать, кто здесь хозяин положения.

– Ты этого не сделаешь, Алайна, – шепот змеей вползал в уши, – потому что ты не захочешь причинить вред тем, кого любила... когда не знала о своем происхождении. В самом деле, будет грустно, если твари роя пообедают мальчиками из частной школы. Или... вдруг с магистром Надзора что-нибудь приключится? Он ведь силен, но не всемогущ, Алайна.

Пастырь ведаёт, каких сил стоило Альке не завопить от ужаса и не бежать с этого треклятого плато, сломя голову. Она даже смогла повернуться, стоя вплотную к Фэю. Их лица... почти соприкасались, потому что никто так и не отступил. Губы сжаты в нитку, желваки дергаются. Тоже не скажешь, что спокоен. Испугался? Не подумал, что послушная девочка Алька может взбрыкнуть?

Внезапно Фэй расслабился, улыбнулся уголками рта. Поднял руку, осторожно прикоснулся к ее щеке.

– Не переживай, я буду хорошим мужем. Гораздо лучшим, чем король, лучшим, чем твой магистр. Я буду ценить то, что ты – дочь Сантора. Я буду ценить и то, что сделаешь для меня.

«А ведь сделаю, – обреченно подумала Алька, – я не могу позволить, чтобы с Тибом или с Мариусом что-нибудь случилось. Или же... буду старательно делать вид, что послушна. Ровно до тех пор, пока не найду способ от Фэя избавиться».

– Ты... все, конечно, продумал? – сипло спросила она, чувствуя на губах его горячее дыхание, – а как я убью Флодрета, чтобы все это выглядело, как естественная смерть?

Взгляд Фэя прилип к ее губам, он чуть заметно качнулся вперед...

«Если он полезет еще и целоваться, меня стошнит», – мелькнула шальная мысль.

Но Фэй внезапно сделал шаг назад, с видимым сожалением еще раз окинул Альку жадным взглядом, облизнул губы.

– Я тебя научу. Сам недавно раскопал. Ты ведь не только можешь призвать Рой. Есть еще один вид нашей магии, ты можешь призвать в себя яд тварей. Сама стать ядом понимаешь? И тогда... – он усмехнулся, покачал головой, – тогда будет достаточно поцелуя с его величеством Флодретом. Достаточно глубокого поцелуя, Алайна, чтобы сердечную мышцу парализовало.

Фэй подал ей руку, Алайна послушно вложила пальцы в его прохладную ладонь. После всего сказанного, ее начинало потряхивать,

словно в ознобе.

– Давай вернемся, – попросила она, – мне холодно.

– В самом деле, – Лиар Фэй улыбнулся, – я дурак. Я должен заботиться о своей будущей жене. Надеюсь, этот разговор останется между нами?

И посмотрел на нее так, что по спине продрало колючим морозом.

– Не стыдно тебе, угрожать расправой над невинным мальчиком? – все же выдавила Алька, хоть зубы стучали друг о дружку.

– Но ведь с мальчиком пока ничего плохого не случилось. И не случится, если ты будешь делать то, о чем мы только что поговорили. И ничего плохого не случится ни с кем из тех, кто был тебе дорог. Я честно выполняю сделку.

Она молча кивнула. А мысли суматошно метались. Сказать отцу? Сказать Кьеру? А что, если у Фэя все просчитано, и в случае его смерти действительно кто-нибудь убьет Тиба? Или устроит ловушку для Мариуса? Или даже для Марго и Робина?! О-о, она не переживет, просто не переживет всего этого.

– Я вижу, что ты расстроена, – голос Фэя доносился как свозь слой ваты. Он как раз открывал люк, чтобы впустить Алайну внутрь дворца.

Она едва не расхохоталась в голос. И правда, кто бы мог подумать, что она огорчится от такого поворота дел?

Думала, что получится избежать брака с Флодретом? Но нет. Придется не только выйти за него замуж, но еще и отравить... в общем-то, отравить человека, который лично ей не сделал ничего дурного.

Выглядело все это... как горячечный бред.

– Научи меня, как стать ядовитой, – пробормотала Алька, глядя на красные скалы и на прилипшие к ним «ласточкины» гнезда, – я согласна.

А сама подумала, что она как-нибудь и с этим справится. Надо будет только немного подумать... И еще взять от Лиара Фэя все его познания в магии крагхов.

Поздним вечером, когда чернильная синева окутала красные скалы, а небе зажглись первые звезды, пришел Кьер.

За всем случившимся Алька и забыла, что именно сегодня подходят к концу те два дня, которые Кьер просил для выполнения ее просьбы. Почти все время после разговора с Фэем она металась по спальне, как запертая в клетке рысь, не зная, что делать и как быть раньше. Очевидно, от Фэя нужно было избавляться. Но как? Он-то рассказал, как впитывать в себя яд тварей, но после таких откровений вряд ли бы стал с ней целоваться, не настолько доверял. Да и не привыкла Алька убивать, вот так, хладнокровно, преследуя свои цели.

Поэтому к тому моменту, как в дверь осторожно постучали, Алька окончательно извелась, наревелась и почти смирилась с тем, что ей придется стать женой Флдрета ради спасения тех, кого любила по-настоящему. Это было больно, очень. Но иного выхода Алька не видела.

– Кто там? – вскинулась она.

От одной мысли, что это снова может быть Фэй, затрясло.

Но из-за двери донесся глухой голос Кьера. Она двинулась к двери и – всего лишь на миг – перед глазами как будто почернело. Пришлось остановиться, снова глубоко подышать, темнота отступила, но ее место как-то незаметно занял страх.

Предчувствие чего-то дурного.

«Хоть бы с Мариусом ничего не случилось», – подумала она, открывая дверь и впуская Кьера.

Личный убийца и раб Сантора был одет так, как и положено жителю земель Порядка: рубашка, шейный платок, сюртук и бриджи. На лице – ни следа побоев. Просто приятный мужчина, тщательно выбритый, аккуратно причесанный, светлые волосы были собраны в коротенькую косичку.

– Ваше высочество, – коротко поклонился.

И Алька не удержалась. Просто схватила его за руки, заглядывая в лицо.

– Ну... что там, как он?..

Кьер помолчал. И от этого молчания предчувствие плохого резнуло так болезненно, что на глаза набежали слезы.

– Ты молчишь?.. с ним... все в порядке?

– Сейчас все расскажу, – Кьер осторожно освободил руки от Алькиной хватки, огляделся, – могу я присесть куда-нибудь? Вы

простите меня, ваше высочество, но я еще не совсем здоров, а полет был долгим.

– Да, конечно! Почему ты спрашиваешь? – Алька смутилась. Кьер, может, едва на ногах держится, а она сходу его выпрашивать начала.

Поэтому когда Кьер осторожно присел на край кушетки, Алька сбегала в соседнюю комнату, налила в стакан воды с размятой в ней малиной и принесла Кьеру.

– Вот.

Он как-то странно посмотрел на нее, молча взял стакан и опустошил его в несколько глотков. А затем сказал:

– Прежде, чем я расскажу о том, что видел, я хочу кое-о-чем вас попросить, ваше высочество.

– Проси, – она не раздумывала. Что бы он сейчас не сказал, это не великая цена за то, чтобы узнать, как там Мариус Эльдор.

Кьер не торопился, как будто не замечая ее нетерпение. Сам он... казался задумчивым, словно именно сейчас, сей момент, искал ответ на очень важный вопрос.

Наконец глянул на Альку исподлобья и тихо сказал:

– Когда поедете в земли Порядка, заберите меня с собой. Я... не хочу больше... вот так.

Алька пожала плечами.

Собственно, ничего странного нет в этой просьбе, учитывая обстоятельства. Сантор... отцов не выбирают, но, будь у нее возможность, выбрала бы кого-нибудь другого. Не жестокого правителя крагхов.

– Ты хочешь быть в моей свите? – уточнила она на всякий случай.

– Это вы скажете отцу... – Кьер помолчал, сверля ее испытывающим взглядом. А затем, кивнув каким-то своим мыслям, уточнил, – я уеду с вами отсюда, но хотел бы остаться в Роутоне. Вы сделаете доброе дело, ваше высочество, если освободите меня.

Тут Алька сообразила, что Кьер очень сильно недоговаривает.

Подвинув себе стул, она попросту уселась напротив, закинула за спину вышитый отрез шелка, совершенно испортив причудливую драпировку на груди, и велела:

– Рассказывай.

Рассказывать... Кьеру было тяжело. Он просто не привык кому-то что-то говорить. А тут – такое деликатное дело.

Выяснилось, что еще в прошлый раз, когда разыскивал Альку в землях Порядка, Кьер наведаясь в поместье Эльдора под Роутоном, где имел счастье познакомиться в Эжени, которая «оказалась настолько добра к нему, что даже угостила пирожками». Это, в общем, было впервые, когда кто-то отнесся к Кьеру не так, как он, собственно, привык. Событие – и сама Эжени, кругленькая, с пышной золотистой шевелюрой – запали в душу. И поэтому Кьер не удержался и после выполнения задания, полученного от Альки, снова завернул в поместье, где застал Эжени страдающей, рыдающей и считающей свою жизнь разбитой. Она его тоже узнала и пожаловалась, что ее жених, Эндрю, загулял, ушел к другой и, пользуясь отсутствием здесь ниата Эльдора, вообще убрался из поместья. Так что теперь она еще и за конем ниата должна присматривать. И помогать старикам. И вообще, все легло на ее плечи.

– Я хочу там жить, – наконец сказал Кьер, – в том старом доме. Я буду хорошим работником, ваше высочество. Я не только убивать умею, я еще много на что сгожусь.

Алька лишь молча кивала. Даже в своем взвинченном состоянии она видела, как в холодных глазах Кьера зажигаются теплые искорки при одном упоминании об Эжени. Что ж... наверное, Кьер тоже заслужил немного счастья. А Эжени? Она ведь угощала пирожками только тех, кто ей нравился. А с Кьером и своими горестями поделилась. Значит, он тоже пришелся ей по душе.

– Хорошо, – сказала она, – я выпрошу тебя у отца. Я... придумаю, что сказать. В конце концов, ты просто не можешь быть единственным убийцей в этих землях.

Кьер поморщился, словно прожевал что-то кислое.

– Не единственный, да. Но, во-первых, я с потрохами принадлежу Сантору, во-вторых, я все-таки лучший.

Алька махнула рукой, пробормотала:

– Это ничего. Я тебя все равно заберу. Только обещай, что не будешь ее обижать.

Ответом была улыбка – горькая, жалкая.

– Я уж наобижал за свою жизнь. Эжени... будет в полном порядке. Я просто... я хочу попробовать, как это... с кем-то жить...

Если не получится, вернусь к вам, в Эрифрею.

– Как Мариус? – строго спросила Алька, – теперь ты готов говорить?

И поразила тому, как изменилось выражение лица Кьера. Только что лучилось радостью и уверенностью – и вмиг потускнело.

– Что?! что с ним? – Алька сорвалась на крик.

– Тише, тише, да жив он, жив! – Кьер вдруг поднялся с кушетки, отвернулся. Алька видела его широкую спину, и едва сдерживалась, чтобы не наброситься на него с кулаками.

Почему тянет время? Почему?

– Я видел его дома, – глухо сказал Кьер, – Мариус Эльдор жив-здоров. Но есть кое-что, о чем я должен вам сообщить.

– Главное, что жив-здоров, – эхом отозвалась Алька.

– Он привел в дом другую женщину.

Пол так резко ушел из-под ног, что Алька и не поняла, как же так – она висит в крепких руках Кьера, а он смотрит на нее сверху, жалостливо так смотрит...

– Давайте, я вам попить принесу.

И аккуратно потащил в сторону кушетки.

– Нет! – Алька вяло трепыхалась, – поставь меня... на ноги.

– Так вы ж на ногах не стоите, ваше высочество.

– Ты... ошибся. Он не мог...

Кьер повел плечами, а потом все-таки усадил ее.

– Я наблюдал за домом день и ночь, – теперь в голосе убийцы звенела сталь, – она живет там. Голубоглазая блондинка ваших лет. И однозначно это не прислуга.

Алька закрыла глаза. Ей не хотелось видеть Кьера и отчего-то было стыдно, как будто сейчас он ворошит самые потаенные, самые грязные ее тайны. Подглядывает в замочную скважину за тем, как они с Мариусом...

И одновременно в груди рождалась боль. Страшная, жгучая. Подобно огненному смерчу она выжигала все то, что было в Альке светлого и доброго, убивая ее саму, ломая и комкая, как пламя комкает бумажный лист.

– Он не мог, – прошептала она, – не мог!

– Мне жаль, – тихо сказал Кьер, – позвать врача?

– Не нужно, – простонала она, стиснув зубы.

А в висках – пламенеющие удары пульса, один за другим.

Как ты мог, Мариус? Так быстро. Так скоро. Если ты меня любил так, как об этом говорил, то отчего же так быстро забыл?!!

И кто эта женщина? Откуда она взялась за столь короткий срок?

На миг – всего лишь на миг – в сознании промелькнула мысль о том, что все это... как-то странно. Мариус ведь... Пелену обрушил ради них. Это немало. И чтобы вот так, сразу, завести любовницу?

Но очень быстро эта мысль, заставляющая сомневаться, утонула в гудящем пламени обиды и разочарования.

– Почему, Мариус? Почему так скоро? – шептали пересохшие губы.

Кьер дал ей малиновой воды, приятно-холодной, с кислинкой.

– Я вот тоже не понимаю, – сказал неохотно, – знали б вы, что с ним творилось, когда вас украли та тварь. Он орал, что обдерет меня заживо, если вы погибнете.

Алька замотала головой. По щекам текли слезы, а в груди так болело, так ныло, что хотелось разодрать грудную клетку, лишь бы избавиться себя от этой боли.

– Иди, – прошептала она, – иди, Кьер... пожалуйста. Мне надо побыть одной.

– Я вас не могу вот так оставить.

Алька всхлипнула, попыталась вытереть слезы и перестать плакать. Но истерика рвалась наружу, снося все доводы рассудка.

– Иди, – снова попросила она, – я... клянусь, я ничего с собой не сделаю. Я же обещала... теперь уже тебе, что отвезу тебя в Роутон.

Кьер еще немного потоптался, потом поклонился и тихо вышел. Неслышно притворил дверь.

Откинувшись затылком на прохладную стену, Алька слепо уставилась в потолок.

Как ты мог, Мариус Эльдор? Почему делаешь мне больно? Не любил, значит?

Рвано выдохнула.

Нет, она в самом деле ничего с собой не сделает. Но теперь... все, что оставалось – это отправиться в Эрифрею и стать королевой.

А потом как-нибудь избавиться от Фэя. Или сдохнуть самой.

Поутру, умытая, аккуратно причесанная, разодетая в вышитые шелка, Алька стояла перед столом Сантора и говорил о том, что с радостью выйдет замуж за Флодрета, только если Сантор подарит ей Кьера в личное пользование.

Повелитель крагхов не стал возражать. Усмехнулся, глядя на взволнованную дочь и сдержанно похвалил за принятое разумное решение.

Перед ней лежал путь в Эрифрею. А пламенеющие твари прошлого были надежно заперты глубоко в душе. Они, конечно, бунтовали и требовали выхода, и оттого было очень больно, там, под ребрами, где сердце и душа. Но Алька крепилась, уговаривая себя, что быть королевой – не так уж и плохо. Да и вообще, принцессы не выходят замуж по любви. Принцессы выходят замуж за тех, кто ценит их происхождение.

Глава 4. Тени сгущаются

За маленьким окном, единственным окном анатомического театра Святого Надзора, светало. Чернильная синь сменилась фиолетовыми сумерками, и где-то там, у горизонта, пролегла нежно-розовая полоска, предвещающая рассвет.

Мариус постоянно ловил себя на том, что то и дело смотрит в это окно. Почему здесь только одно окно? Почему все немалое пространство анатомички должно непременно освещаться десятками пузатых корзинок с лайтерами? Этот искусственный, чуть розоватый свет магических кристаллов раздражал. Ложась на совершенно белую кожу мертвецов, он как будто играючи вдыхал в них жизнь. Жуткая иллюзия, от которой выворачивает наизнанку. Но старый Вислор, проводящий вскрытие, диктующий секретарю описание происходящего, привык. Ему давно уже все равно.

Их было всего трое в этом тошнотворно-розоватом пространстве анатомического театра: доктор Вислор, молоденький секретарь, который периодически бубнил извинения и склонялся над грязным ведром, и он, Мариус Эльдор, магистр святого Надзора.

Мариус трупов не боялся, привык к ним в свое время.

Но вот освещение, окутывающее иллюзией жизни то, что жить в принципе не может, заставляло его невольно отворачиваться и смотреть в маленькое окно.

Там, снаружи, было хорошо. Свежий воздух, близящийся рассвет. Где-то там осталась Алька, и дома, закутавшись в плед и приняв изрядное количество успокоительных капель, уснула Энола Дампи. Он, к сожалению, был вынужден оставаться в месте менее приятном. Магистр ведь.

Тело убитой – вернее, то, что от этого тела осталось, покоилось на столе. Доктор Вислор, весельчак и балагур за пределами анатомички, медленно ходил кругами вокруг тела, то складывал на груди свои большие руки, то начинал размахивать ими, словно ветряная мельница лопастями, то чесал лоб, откидывая назад жидкие пегие волосы. Его и без того красноватое, лоснящееся лицо, в свете лайтеров казалось неестественно румяным. Вислор останавливался, кидался к столику с

инструментами, порывисто выхватывал необходимый. Потом проделывал с телом одному ему известные замеры и манипуляции, снова откладывал инструмент и снова ходил, и ходил, и ходил.

– Не понимаю, – Мариус рассеянно слушал его задумчивое бормотание, – что б это могло быть. Состояние раны... хм... оно не похоже, чтоб ее разрубили, эту девушку. И не похоже, чтоб откусили туловище. Следов зубов не вижу совершенно. Что примечательно, магистр, так это то, что срез совершенно гладкий. То есть предмет, которым было совершено убийство, должен быть настолько острым, чтобы вот так просто взять и разрезать позвоночник. Обычным оружием так не сделаешь.

– И еще более примечательно, что вторую часть тела так и не обнаружили, – Мариус устало потер веки.

За прошедшие часы ему уже приносили записку от Илькера Фаэра с требованием встретиться и обсудить происходящее. А после – аккуратный конвертик с печатью династии Дей Флодрет, Мариус даже распечатывать его не стал, и без того было понятно: Фаэр доложил королю об убийстве, и тот желал побеседовать с магистром Надзора.

Разумеется, к королю он пойдет. Утром.

А сейчас...

– Я так понимаю, ты ничего толком не можешь сказать, – он обратился к Вислору.

Тот подкатил глаза и развел руками.

– Хорошо, – Мариус помолчал, подумал несколько минут, затем повернулся к секретарю. Мальчишка был бледно-зеленого цвета и взирал на происходящее взглядом мученика. – Запиши, что осмотр при помощи стандартных средств не дал каких-либо зацепок в этом деле. Сделаеть копию отчета и отправишь вместе с посыльным в ведомство Фаэру. Все свободны.

Вислор покосился на него обиженно, но ничего не сказал, аккуратно накрыл ветошью инструменты и вышел прочь. Секретарь поспешил за ним, прижимая папку с документами к груди. Мариус остался один на один с останками женщины, личность которой даже не установили. Если судить по юбке, она не была нищей... но и богатой тоже не была. Она могла быть просто приезжей. Такую нескоро кинутся искать.

Он сделал несколько кругов вокруг стола, мысленно усмехнулся оттого, что как будто повторял ритуал доктора. Но к утру придется что-то сказать королю, представить какие-то зацепки. В Эрифрее, в столице, не должно случаться таких вот убийств.

Странных убийств.

Понятное дело, что вряд ли это – дело рук какого-нибудь сбрендившего мясника. Вислор правильно сказал, обычному человеку и обычным оружием не сделать такой идеально-гладкий срез. Даже кости словно отполированы. Какой-нибудь сумасшедший скорее схватил бы топор и попросту превратил бы неугодную девушку в кровавую кашу. И, наконец, где вторая половина тела?..

Все это наводило на очень неприятный вывод о том, что здесь применили магию.

А если учесть, что Пелена, расплескавшись, многих наделила Даром?

Выходило, опять-таки, что убить мог и необученный маг. А мотивы... да что угодно. Начиная от ревности и заканчивая банальной душевной болезнью. Увидел в девушке монстра и жажнул стихийно, необдуманно. Хотя по действию очень похоже на заклинание «косы», раньше Стражи таким пользовались, но ведь оно сложное, необученный маг такое не провернет. Или провернет, если ему будет кто-то помогать?

Тут Мариус вздохнул и подумал о том, как хорошо, что Алечка осталась в землях за Пеленой. У Сантора, небось, не бегают полоумные маги. Или, наоборот, бегают, только не маги, а ядовитые монстры роя.

Но так, хотя бы, если снова заявится старый магистр из астрала, Альки не будет рядом. Она будет в безопасности...

Он накрыл останки простыней, еще раз посмотрел в единственное оконце. На Эрифрею стремительно катился рассвет, и если что-то предпринимать, то нужно делать это сейчас, пока город еще не проснулся.

Мариус прикрыл на секунду глаза, припоминая то место, где они с Энолой нашли несчастную, затем привычно дернул на себя золотистую путеводную нить магии. Пол резко ушел из-под ног, чтобы через несколько ударов сердца вернуться, но уже выпуклыми

бульжниками мостовой. Запах гари, привычный спутник порталов, пощекотал ноздри и развеялся.

Мариус стоял у того самого переулка. На камнях еще остались черные сгустки крови. В предрассветных сумерках расплывчатые силуэты каменных домов казались призраками, которые выстроились в шеренгу и молча наблюдают, ждут, не пойми чего.

В общем-то, надо было сразу это сделать, но тогда он почему-то решил, что правильно сперва отсечь деятельность какого-нибудь нового городского сумасшедшего. Впрочем, и теперь еще не поздно, магические поля перемещаются не слишком быстро, и следы заклинания, если таковое имело место, еще не успела разлететься далеко.

Мариус поморгал воспаленными глазами, открывая свое восприятие мага. Сразу обычный мир подернулся серым, утратил краски. Его словно накрыло пеленой, сотканной из тончайшей пыли. И одновременно с этим стал прекрасно виден магический слой реальности: переливчатые, похожие на облака, поля, сверкающие каналы, полные магии, кое-где одиночные куски кем-то и когда-то использованных заклинаний. Остатки, как их называют в Надзоре. И все это медленно плыло, вращалось, видоизменялось, переливалось всеми цветами радуги. Мариус не уставал любоваться всем этим; до падения Пелены ничего такого не было, только свой собственный резерв, только то, что туда закачали.

Он еще раз окинул взглядом ближайшие поля. Всего три, два спокойных, так похожих на безмятежные облака, плывущие в летнем небе. Третье же закручивалось спиралью, и по нему то и дело скользили алые сполохи – как молнии поблескивают в надвигающейся буре.

Тут Мариус с досадой подумал о том, что если здесь побывал Фаэр, то наверняка он тоже мог обратиться к изучению остатков, да еще и подчистить там все то, что лично ему не понравилось. Впрочем, Фаэр мог и не знать про остатки и про их существование, потому что даже не всем Стражам Надзора о них было известно. Только тем немногим, кто был приближен к Магистру. Ну и Мариусу заодно. Он же был как сын.

Поэтому Мариус решил, что пока будет исходить из того, что Фаэр не умеет работать с остатками, и ничего тут не напортил, не

наследил в магическом слое.

Потянувшись к измененному магическому полю, Мариус без особого труда подвинул его к себе ближе и, стоя прямо под ним, принялся разглядывать снизу. Определенно, поле было искажено из-за того, что где-то в нем застряли остатки сильного заклинания, отработавшей свое и уже развалившейся структуры. Мариус сосредоточился, погружаясь в радужные завихрения. Откуда в них столько красного? Обычно поля спокойны, отливают голубым и индиго, или розово-золотистые, перламутровые. А с этим полем, очевидно, не все в порядке.

Предчувствие не обмануло.

Внутри поля застрял жесткий магический конструкт, все равно что кость в заливном. Приготовил тонкую петлю, осторожно, стараясь не повредить фрагмент остатка, вытянул еще ближе к себе. Оставалось опознать, что за заклинание использовалось: кровавые линии, четкие, широкие. Видно, что остаток – словно фрагмент октаэдрической основы...

И тут Мариуса передернуло. Он узнал... Все же узнал этот конструкт. А узнав конструкт, узнал и автора.

Он вывалился из магического слоя, пошатнулся, потом кое-как добрал до ближайшего дома и оперся о стену.

В самом деле, ну кто бы сомневался? Наивно было полагать, что магистр успокоится и будет сидеть в своем астрале, постепенно сливаясь с ним, развоплощаясь как личность.

Нет. Тварь настырно лезла в мир живых.

Мариус зажмурился. Воспоминания хлынули на него как вода из прохудившейся бочки. Горькая, затхлая вода.

...– Видишь, Мариус, если переставить вот эту точку притяжения сюда, то получится обычная «Коса». А если вот сюда, то ход лезвия усилится многократно. Этот конструкт легко будет резать и камни, и кости. Это я придумал недавно. Так заклинание «косы» станет куда более эффективным.

– Ублюдок, какой же ты ублюдок, – выдохнул Мариус.

Никаких сомнений не осталось в авторстве того, чей остаток засел в магическом поле. Только вот... как он это сделал? Неужели прямо вот так, из астрала? Или снова завладел чьим-то телом? И как же жалко ту безымянную несчастную, что подвернулась под руку злобной

твари. Она не была ни в чем виновата, она просто оказалась в неправильном месте в неправильное время.

И еще... Не было сомнений и в том, что этот знак был оставлен именно ему, Мариусу. Мол, не расслабляйся, я приду за тобой.

А король будет требовать искать убийцу.

А Фаэр... тоже будет наседать, и тоже насчет убийцы.

И ведь не расскажешь им, в чем здесь дело. Потому что то, что было между Мариусом и его учителем, оставалось только между ними – и разрешиться могло тоже только ими.

Орвил Дей Флодрет традиционно принимал в оранжерее. На сей раз, правда, возился не с орхидеями, а с какими-то мелкими желтыми цветочками, названия которых Мариус не знал и знать не хотел. Белоснежная рубашка его величества была изрядно перепачкана землей, рукава небрежно закатаны, открывая крепкие предплечья. Король сидел на низенькой скамеечке и, аккуратно извлекая цветочки из грунта, размещал их в пузатые керамические горшки.

Стоило Мариусу подойти ближе, как Флодрет обернулся, недовольно сверкнул глазами, и кивнул напротив. Там стояла вторая скамеечка, такая же маленькая и низкая.

– Садитесь, магистр.

Мариус молча повиновался. Вытянул гудящие ноги, спиной откинулся на ствол магнолии. С этого места отлично был виден строгий профиль Флодрета, то, как он хмурит брови, сжимает губы. Несколько минут его величество молчал. А Мариус просто ждал, потому что не хотел рассказывать о том, о чем королю знать и не следовало.

– Фаэр мне все уши прожужжал убийством, – наконец сказал Флодрет, не глядя на Мариуса, – а особенно тем, что вы не желаете выдать тело для исследования.

Мариус пожал плечами.

– Пусть забирает, ваше величество. И в мыслях не было что-либо утаивать от королевской службы безопасности.

Флодрет вздохнул, отложил в сторону ком грунта с цветочками и повернулся к Мариусу. Руки устало положил на колени – в земле, пальцы подрагивают.

– И что вы думаете обо всем этом?

В светлых глазах короля поблескивал ледок, он хмурился.

– Это дело рук мага, – солгал Мариус, – возможно, кто-то из новых. Но почему он это сделал? Кто знает? Мотивом могло стать все, что угодно.

– Понятно, – сказал король, чуть подумав, – я передам ваше мнение Фаэру, пусть разошлет осведомителей по городу. Хотя он и без того весьма озабочен поисками Дампи.

– Я подключу к поиску своих людей, – пообещал Мариус.

А сам подумал, что – да, это он может и должен сделать, потому что наверняка магистр орудует не сам из астрала, а временно занимая чье-то тело. И вот отловить это тело, бродящее со стеклянным взглядом, было бы неплохо.

– Кофе хотите? – вдруг спросил король, – я еще не завтракал.

– Не откажусь, ваше величество.

Кофе – это было как раз то, что нужно, когда глаза словно пылью затрушены, а в голове – отвратительная муть, не имеющая ничего общего с мыслями.

Флодрет поднялся, отряхивая руки, кивнул в сторону выхода.

– Идемте, магистр.

И так устало это прозвучало, что Мариус почти понял, отчего его величество копается с цветочками. Оттого, что сил почти не осталось, оттого, что и от человека в нем уже мало чего, все выдавила тяжесть короны. А цветочки, возможно, возвращали его – хотя бы в мыслях – в те времена, когда он был еще только принцем, и никакие заботы не лежали на его плечах. Его величеству очень хотелось побыть просто человеком.

Пока шли сквозь анфилады светлых комнат, Флодрет молчал. А в маленькой уютной гостиной уже был накрыт стол, и лакеи в темно-зеленых бархатных ливреях спешно расставляли на свежей скатерти посуду из тончайшего белого фарфора. Пахло свежим кофе и лимонами. У Мариуса, который в последний раз ел вместе с Дампи, даже рот слюной наполнился, он невольно поискал взглядом что-нибудь более существенное, чем кофе и даже обрадовался, увидев тартелетки с паштетом и сочными ягодками клюквы. Вот такая человек примитивная животинка: что бы ни происходило, как бы тяжело не было – а голод свое берет.

– Прошу, – с усмешкой сказал Флодрет, усаживаясь за стол, – располагайтесь, магистр. Так уж вышло, что мне с вами приятно беседовать. Наверное, потому, что вы далеки от двора, и вам по большому счету наплевать на все, что тут творится.

– Отчего же, – пробормотал Мариус, понимая, что король прав и возразить особо нечего.

– Если бы вы были заинтересованы, я бы с вами не разговаривал, – добродушно заметил король.

Мариус устало потер глаза. Кофе было очень кстати. Можно будет еще день бегать и заниматься делами. Он теперь магистр Надзора, ничего не поделаешь.

– Вы так и не рассказали, удалось ли спасти вашу невесту.

Мариус едва не подавился кофе. Посмотрел на короля – Флодрет смотрел совсем незло, даже как-то мягко, по-доброму. И совершенно не понимал, что слова, как скальпель, вскрывают еще свежую рану.

Ту самую рану, которая уже вряд ли затянется, а если и затянется, будет нарываться, вскрываясь раз за разом. Сможет ли он забыть Алайну? Никогда. Сможет ли он подвергать ее жизнь опасности? Нет, и еще раз нет.

– Мы расстались, – буркнул Мариус, сверля взглядом кофейную пенку в чашке.

– Вот как, – проронил Флодрет, – мне жаль. Правда, жаль. Но она хотя бы не пострадала, когда ее утащили твари?

Мариус вздохнул. Покосился на паштет, и понял, что есть уже совершенно не хочется. Как отрезало.

– Она жива, ваше величество, жива и здорова. Но мы расстались. Понимаете, мало какой девушке понравится вот так жить, когда тебя хватают твари?

– Но в этом не было вашей вины, магистр Эльдор, – строго сказал король, – что ж вы, не могли это объяснить своей невесте? Если она вас поэтому оставила, то, простите, она глупа. Непроходимо глупа.

– Нет, – Мариус покачал головой, – она не глупа, нет. Это я... ее бросил, ваше величество. У меня на то были причины.

– О которых мне знать вовсе необязательно, – закончил за него Флодрет, – что ж, надеюсь, у девушки не будет больше никаких неприятностей.

«Для нее сейчас я – одна сплошная неприятность», – подумал Мариус, а вслух поинтересовался:

– Как поживает бабочка вашей дочери?

Флодрет усмехнулся, подцепил с тарелки маленький пирожок.

– Просто прекрасно. Лучше всех, магистр. Радует одно: тварь хотя бы не растет. Порхает себе, жрет мясо. Леону ни разу не покусала. Да и вообще, никого не покусала...

«Это же Алечка ее вызвала, – он невольно улыбнулся, – разве могла моя добрая птичка вызвать что-то дурное или опасное?»

– Я собрался жениться, – вдруг сказал Флодрет.

– Поздравляю вас, ваше величество.

А сам подумал с легкой обидой: мне вы жениться не дали, и теперь вот моя Алечка так далеко. А вы женитесь. И как же напряженная обстановка в государстве?

– Энола... я говорил ей о том, что могу заключить брак по политическим соображениям, – продолжил король, – как думаете, могла она именно поэтому пытаться мной управлять?

Мариус пожал плечами.

– Все зависит от того, что вы обещали самой ниате Дампи, ваше величество. Я так думаю.

Флодрет отпил глоток кофе и просто сообщил:

– Я ничего не обещал ниате Дампи. Но, если бы мне пришлось жениться... в угоду государственным интересам, Энола ничего бы не потеряла. Я бы как-нибудь сделал бы ребенка королеве, и на этом бы наши отношения благополучно завершились. Вы же понимаете, что такое политический брак?

– А ниата Дампи знала об этих ваших намерениях? – Мариус не стал прятать усмешку, – знала о том, что ничего для нее не изменится, и вы ее не отошлете прочь?

– Ниата Дампи, – тяжело произнес король, – умная женщина. Она понимала, что король не имеет права делать то, что удобно или хочется ему. Королю приходится действовать только в интересах государства – иначе это уже не король.

– Тогда, если она умная женщина, к чему ей... было все это?

– Не знаю, – устало выдохнул Флодрет, – не знаю... и от этого испытываю сильное желание ее придушить. За то, что сбежала, за то, что не объяснилась.

– Если бы она осталась объясняться, ее бы бросили в тюрьму, – предположил Мариус, – Фаэр бы ее заклевал, понимаете?

Флодрет молча прихлебывал кофе и смотрел куда-то сквозь Мариуса.

Его красивое, строгое лицо как будто окаменело. Он размышлял. А в глазах – отблески глубокой боли, от которой душа кровоточит.

– Мы бы правильно решили все с Энолой, – пробормотал Флодрет, – но она вдруг сподобилась сделать глупость... как непохоже... на нее... Впрочем, – тут он встряхнулся, растянул губы в улыбке, – раз Энола Дампи предпочла стать государственной преступницей, она и мне не оставила иных альтернатив, кроме как жениться.

– Я ее знаю, ту особу, которой так повезло? – спросил Мариус.

– Нет, конечно же, нет, – наигранно-весело ответил король, – вы ее ни разу не видели. Впрочем, я тоже.

Беседа с королем оставила смешанные впечатления.

Не совсем было понятно, зачем вообще Флодрет что-то рассказывал о своих планах. Возможно, ему просто нужно было поговорить хоть с кем-то. Леона Дей Флодрет слишком мала, чтобы обсуждать королевскую женитьбу, а все остальные – как неоднократно отмечал Флодрет – имели те или иные интересы в жизни дворца. У Мариуса таковых не было. Да, по большому счету, Святой Надзор всегда был слишком могущественным, чтобы обращать внимание на подковерную возню королевской свиты. Мариус мог себе позволить не думать о том, что творится в стенах дворца.

А Флодрета было откровенно жаль. Не нужно быть провидцем, чтобы понять: его величество вряд ли сможет забыть Энолу Дампи. И больно ему оттого, что думает плохо о любимой женщине. А плохо думает, да. Искренне верит в то, что она пыталась им управлять через тот странный артефакт. Может, и правда пыталась? Поняла, что рано или поздно король приведет королеву, и что, скорее всего, не она будет этой королевой, ну и решилась...

Нет, все это было неправильным. Пустые домыслы.

Мариус заглядывал в глаза ниаты Дампи и видел на их дне боль и страдание оттого, что король несправедливо обвинил ее в преступлении. Может быть, ее бы и роль фаворитки вполне устроила,

возможно, она и не просила о большем. А вышло так, что от нее попросту избавились. Кто? С какой целью?

И тут, словно ответ на все вопросы, в сознании всплывало только одно имя: Фаэр.

У него были все мотивы. Он не любил Энолу Дампи, он хотел войны, хотел золота земель за Пеленой, он вполне мог пожелать воздействовать на короля магически, чтоб поссорить правителей. По большому счету, оставалось только выяснить, как именно Фаэр провернул все то, что провернул. И на самом деле именно этим и надо было заниматься. Но – Магистр. Убийство. Необходимость задавить тварь астрала, пока та не задавила его, Мариуса, не выкинула из тела...

Он медленно сошел с мраморного дворцового подъезда. Время шло к полудню, солнце светило ярко, тот жиденский снежок, что успел нападать за зиму, таял, растекаясь блестящими лужицами. И даже здесь, на площади, было слышно, как поют синички.

Мариус вдохнул полной грудью, прищурился на яркое небо. Пахло весной. Где-то неподалеку журчала вода, и легкий теплый ветер навевал мечты о далеких странствиях и дивных местах, в которых так хотелось побывать. И Мариус сдался – всего на секундоочку, прикрыл глаза, позволил себе помечтать о том, как идет за руку с Алькой по узким улочкам южного города, и что у его любимой птички приятно округлившийся животик...

Он стиснул зубы, почти кроша эмаль, и выбросил из головы все эти сладкие мечты. Если что и будет, то лишь после того, как не станет Магистра... Да и то, вряд ли Алька простит, позволит быть рядом. И торопливо зашагал прочь от дворца, по площади, к высокой ажурной ограде.

Пока брел по городу, немного успокоился. Блестели стекла витрин, оштукатуренные стены подсохли и посветлели, нет-нет, да по водосточным трубам грохотал размерзшийся и падающий вниз лед. Мариус подумал немного, и завернул в кондитерскую. В конце концов, дома у него жилипо крайней мере две женщины, которым требуется сладкое. Первой была маленькая Лива, которая так и не заговорила, а только тискала своего пушистика. В глазах – застарелая боль, которую непонятно как вытравить. Печать, оставшаяся навсегда после посещения подвалов Надзора.

Второй женщиной была Энола Дампи, страдающая, с разбитым сердцем, да еще и столкнувшаяся с половиной трупа. Бывшая фаворитка его величества тоже нуждалась в утешении, и Мариус, который по-прежнему не знал лучшего средства от печалей, чем конфеты, решил идти проторенным путем. Алька... тоже любила сладкий шоколад.

Разница была лишь в том, что кормление конфетами Алечки обычно заканчивалось чем-то совершенно неприличным. А вот Энола просто наестся сладкого, запьет крепким горьким кофе и, может быть, перестанет кутаться в плед и приступит к изготовлению тех артефактов, без которых не уничтожить старого магистра.

...Это был маленький магазинчик. Солнце заглядывало в арку широкого окна, заливало светом стеллажи, на которых были расставлены коробки со сладостями, играло бликами на золотистых обертках, на буквах. Мариус долго стоял и выбирал, что бы такого купить, и отчего-то снова подумал о короле. Тот прятался от забот в оранжерею, а Мариусу вдруг захотелось остаться навсегда в этом шоколадно-золотистом мире, и никогда не знать ни Надзора, ни Магистра. Тоска грызла его, раздирая внутренности стальными когтями. Снова хотелось забыться, а если возвращаться к жизни – то чтобы голова была на коленях у Альки, и чтоб ее тонкие пальчики перебирали волосы, гладили по лицу, а потом она бы его поцеловала.

«Извольте просыпаться, ниат Эльдор».

И в самом деле, подумал он. Пора бы заканчивать с глупыми мечтами, нужно заниматься делом.

Мариус купил коробку маленьких шоколадных пирожных с ванильным и малиновым суфле, коробку лесных орехов в шоколаде, зефир и пастилу. Добродушная продавщица упаковала все эти дивные приобретения в хрустящую коричневую бумагу, перевязала темно-коричневой шелковой ленточкой, Мариус снова вынырнул в яркий день...

И почему-то почти не удивился, услышав за спиной знакомый шелестящий голос, который принадлежал Фаэру.

– Магистр Эльдор! Ну-ка, подождите меня. Как дивно, что я вас встретил, в неформальной, так сказать, обстановке!

Мариус чуть замедлил шаг, но не остановился. Фаэр нагнал его, пошел рядом, громко сопя. Мариус молча покосился на него и с

некоторым злорадством решил, что выглядит Фаэр весьма так себе. Блеклые глаза покраснели, лицо осунулось. Да и в целом, был он непривычно растрепанным и растерянным. Совсем не тот щеголь, который встретил их с Алькой у школы Энгера Фирса.

– Все свои пожелания можете передать моему секретарю в Святом Надзоре, – доброжелательно сказал Мариус, – видите, я сейчас не на службе.

– Да ладно! Я знаю, вы от Флодрета сейчас. Небось, получили по самое не могу, м?

– Хотелось бы знать, за что.

– За сокрытие улик, разумеется, – пропыхтел Фаэр.

Он явно не успевал за Мариусом, его брала одышка. Наконец сдался:

– Не торопитесь вы так, Эльдор. Разговор есть.

– Мне совершенно не о чем с вами говорить, – Мариус пожал плечами, – как я уже сказал, все пожелания через моего секретаря. Тело... вернее ту часть, которая была найдена, вам привезут сегодня же. Исследуйте.

– Да подождите вы! – Фаэр даже схватил его за рукав, – ну, право же. Чем я вам так насолил? Вот лично вам?

Пришлось остановиться. Мариус оглядел Фаэра и еще раз подивился тому, как за эти дни сдал этот щеголь. И в блеклых, чуть навывкате, глазах растерянность. Или... страх? Чего он может испугаться, Фаэр-то?

– Вы дурно отнеслись к моей невесте, – наконец сказал Мариус, отвечая на вопрос, – отчего я должен хорошо относиться к вам?

– Ну и где она, эта ваша невеста? – задиристо спросил Фаэр.

Мариус прищурился. Ему захотелось Фаэра ударить, а еще лучше – придушить. И плевать, что он какой-то там маг, уж не Магистру Надзора его бояться. Но за годы, проведенные в том самом Надзоре, Мариус четко уяснил для себя следующее: чтобы кого-то уничтожить, вовсе необязательно торопиться и махать кулаками. Можно все сделать куда изящнее, эффективнее и с пользой для себя и других.

– Мы расстались, – сквозь зубы процедил он, – довольны?

– На самом деле нет, не доволен, – Фаэр покачал взлохмаченной головой, – и на самом деле мне глубоко наплевать, с кем вы там

любите, магистр. Я хотел спросить, что вы думаете об этом убийстве.

– Неужели?

Вот не верилось, совсем не верилось в то, что Фаэру только это и интересно.

– Не поверили? А зря. Эрифрея – это и мой город. И когда вдруг обнаруживается половина женщины, это как-то уж очень... вызывающе, что ли?

Мариус пожал плечами и переложил коробку со сладостями под другую руку. Ему совершенно не хотелось продолжать диалог, хотелось, наконец, вытянуться на кровати и подремать хотя бы часок.

– Магический удар, – все же сказал Мариус, – но я понятия не имею, кто это мог сделать. Заклинание было таким, что новичок на это вряд ли способен.

– Из сильных магов только мы с вами, – Фаэр подмигнул, – что вам сделала та женщина, м?

– Не городите чепухи, – поморщился Мариус, – это даже не смешно. Весь вечер я провел с девушкой, в ресторане. Да вы меня там тоже видели. И, между прочим, я могу тот же вопрос и вам задать. Вы как раз уходили из ресторана, и у вас было время... проверить все это.

Фаэр ухмыльнулся, провел рукой по волосам, приглаживая их. Пальцы у него заметно дрожали. Нервничал. С чего бы?

– Шутки вы не понимаете, Эльдор!

– Глупых шуток – не понимаю, извините.

Да когда же он отстанет?

– Послушайте, а вот вы в самом деле считаете, что земли за Пеленой не должны присоединиться к нашим землям? – вдруг спросил Фаэр.

– Его величество так считает, – Мариус уже начинал утомляться и искать повода, как бы отделаться от назойливого Фаэра.

Внезапно тот шагнул вперед, почти вплотную, вцепился в предплечье и, дыша в лицо чем-то кисло-горьким, быстро проговорил:

– Король не вечен. Вам не кажется, что лучше быть на стороне тех, кто будет при власти?

И тут же, резко отшатнувшись, добавил беспечно:

– Подумайте над моим предложением, ниат Эльдор. Подумайте. Лично мне вы кажетесь умным человеком, который в нужное время

выберет правильную сторону. Будет жаль видеть в вас врага.

– Да вы пьяны, Фаэр, – Мариус усмехнулся, – идите, проспитеесь. И меня отпустите. Я всю ночь на ногах, отдохнуть хочу.

– Подумайте, – внезапно твердо повторил Фаэр.

Он усмехнулся, показывая мелкие острые зубы, затем развернулся и пошел прочь. Солнце играло на зеленом бархате его сюртука, на золотом шитье. Цвет королевского дома, как сказала тогда Алечка. Мариус долго смотрел ему вслед. Он думал, что Фаэр все же казался перепуганным. Что его могло испугать?

Вернувшись в дом Магистра, отперев дверь своим ключом, Мариус первым делом прошел в спальню – их с Алечкой спальню. Усталость брала свое, кровать, застеленная новым, нежно-лимонным покрывалом, так и манила. Мариус переоделся в домашнее, при этом аккуратно повесив сюртук в шифоньер, в туалетной комнате поплескал в лицо воды, затем взял сверток со сладостями и двинулся вниз.

Телора занималась тем, что начищала кастрюли. Лива сидела за столом и рисовала, а белый пушистик, названный Шмяком, разместился у нее на плечах, обнимал шею, словно диковинный воротничок. Солнце купалось в отросших, медно-рыжих пушистых волосах девочки. Они вились мелкими пружинками и торчали во все стороны, так что Лива напоминала одуванчик. У Мариуса горько кольнуло под сердцем. Он ведь... так хотел, чтобы их с Алькой детки... ну, или хотя бы один ребеночек, вот так, с карандашом, прикусив от усердия кончик языка... слишком много хотел?

– Ниат? – Телора отставила кастрюлю, подошла и коротко поклонилась, – что желаете?

Мариус посмотрел на нее, мимоходом задался вопросом – а не затаила ли на него обиду эта женщина за то, что Алька больше здесь не живет? – и не стал задерживаться на этих мыслях. Даже если и затаила, пусть... он виноват перед Алькой, это главное.

Он потер переносицу, еще раз посмотрел на Ливу. Затем молча поставил на стол коробку, удостоился заинтересованного взгляда блестящих черных глазок.

– Иди сюда, помоги развернуть, – позвал девочку.

Лива неохотно отложила карандаш, пересадила Шмяка на стол и подошла. Стол был довольно высок, Ливе пришлось привстать на

цыпочки, чтобы дотянуться до верха коробки. Мариус не стал торопить, и помогать не стал – пусть сама разворачивает. Лива похрустела оберточной бумагой, восторженно пискнула и прижала к груди коробку с конфетами.

– Это тебе, – в нем медленно поднимало голову желание как-то приласкать несчастного ребенка, который видел слишком многое. Мариус осторожно погладил Ливу по голове, приминая торчащие рыжие пружинки, – я только зефир заберу. Тут еще одна дама страдает...

Поймал осуждающий взгляд Телоры. Нет, она ничего не спрашивала. Но, понятное дело, видела в Эноле Дампи замену ее драгоценной принцессе. Слишком быстро, слишком торопливую замену...

Мариус вздохнул, выудил коробку с зефиром и побрел прочь из кухни. На ладони осталось сладкое воспоминание от прикосновения к мягким волосам. Потом – быстрый топот башмачков, и на поясе сомкнулись тонкие, словно прутики, ручки. Лива прижалась к его боку всем худеньким телом, заглядывая в глаза, благодарно улыбаясь.

«Хорошо хоть, руки не целует», – подумал Мариус, а вслух пробормотал, – иди, куколка, иди. Конфеты в твоём распоряжении.

Потом он прошел в гостевую спальню. Что-то подсказывало, что Энола Дампи еще там. Он постучался, дождался ответа, и вошел. Собственно, примерно это он и ожидал увидеть после того дивного вечера, когда они пытались смотреть на звезды.

Энола полулежала среди подушек. Не юная блондиночка, настоящая Энола Дампи, уставшая, темноволосая, растрепанная. Артефакт личины бесполезной безделицей грустил рядом, на табурете. Платье Энолы лежало на полу – видимо там же, где она его оставила, раздеваясь. Мариус помялся на пороге, не зная, имеет ли он право входить к женщине, которая одета лишь в сорочку и пеньюар, но Энола махнула ему рукой, мол, проходите, не стесняйтесь, и он вошел.

Энола Дампи – настоящая Энола Дампи, а не курносенькое недоразумение с наивными голубыми глазами – ему нравилась. Ну, бывает же так, что встречаешь человека, и внезапно чувствуешь к нему расположение, которое, впрочем, никакого отношения к физиологии не имеет. Мариус надеялся, что примерно то же Энола Дампи чувствует и

по отношению к нему. Если это так, то, по крайней мере, не навредит умышленно.

Он подошел к кровати и положил на край коробку с зефиром.

– Это что? – Энола заинтересованно повертела в руках подарок и улыбнулась, тепло и сердечно, – вы меня решили раскормить?

Мариус пожал плечами.

– Вовсе нет, ниата Дампи. Я подумал, что зефир поможет вам забыть события прошедшей ночи.

– Забудешь тут, – пробурчала она и открыла коробку, – но в одном вы правы, ниат. Сладкое действительно делает нас счастливее. Ненадолго, но делает. Садитесь вы, Пастыря ради, не стойте надо мной, как над покойником.

И с удовольствием откусила кусок от зеленоватой зефирки. Потом, опомнившись, протянула коробку Мариусу.

– Берите и вы. Вам тоже не помешает кусочек кратковременного счастья.

Через несколько минут они вместе жевали зефир, Энола лишь заметила, что потом нужно будет пойти на кухню и залить все это вредное для фигуры безобразие чашечкой-другой кофе.

– Я был у Флодрета, – признался Мариус.

Рука Энолы, в которой она держала пухлую зефирку, заметно дрогнула.

– Да? Ну и как... он?

– Не в самом лучшем расположении духа. Энола... он когда-нибудь вам говорил, что может жениться? Из политических соображений?

Дампи повернулась и прямо посмотрела на него. В ее темных умных глазах стыла печаль.

– Вы позже могли об этом спросить? Когда я объемся сладкого и буду совершенно счастливой женщиной, м?

– Простите.

Она усмехнулась, отчего стали видны тонкие морщинки в уголках глаз и у крыльев носа.

– Конечно, мы с ним этот вопрос обсуждали, – сказала она, – я все понимаю. Но он обещал мне, что для меня ничего не изменится, а жена... что ж, задачей жены будет родить еще одного ребенка, желательно, мальчика.

– А вы, простите, не могли этого сделать?

– Родить мальчика? – Дампи приподняла бровь, – конечно, могла бы. И сейчас могу. Но место королевы, оно, понимаете, для той девицы, которая будет как-то выгодна королю. А рожать бастардов как-то не очень хочется. Что еще говорил вам Флодрет?

– В основном, спрашивал об убийстве и почему я Фаэру не отдал тело. Я обещал отдать. Все равно из тела больше ничего не выжмешь, а я... я и так знаю, чьих рук все это дело.

– Наш Магистр протиснулся сюда из астрала? – спокойно спросила Дампи.

Мариус кивнул.

– Я видел остатки его личного заклинания. Это он, вне всяких сомнений.

– Интересно только, он это сам вытворяет, или вынужден заимствовать чье-то тело? – лицо Энолы сделалось задумчивым.

Мариус пожал плечами.

– Не знаю пока. Скажите, Энола, то, что вас вышибли из гильдии артефакторов и объявили преступницей, кому это могло быть выгодно?

Женщина покачала головой. Ее крупные руки лежали поверх одеяла, поверх полупустой коробки с зефиром.

– Да кому угодно, Мариус. Быть представителем гильдии при короле, да еще и входить в магический совет – это лакомый кусочек. Желающих на мое место всегда было много, но до определенного момента я справлялась. Даже смешно, считала себя неуязвимой. А вон оно как повернулось.

Ее голос сорвался, и Энола отвернулась. Выглядела она так жалко, что на миг захотелось ее обнять за плечи, погладить по спине и сказать, что все будет хорошо. Они справятся. Но Мариус понимал, что не имеет никакого права обнимать Дампи, хотя бы потому, что она принадлежала другому мужчине, а сам он, как ни крути, другой женщине. Поэтому он осторожно коснулся ее локтя и сказал:

– Идемте на кухню, Энола. Там еще сладости есть, если их Лива еще не съела. Ну и кофе.

Дампи фыркнула, покосилась на него, а Мариус в который раз подумал, какой у этой женщины острый рысий взгляд.

– Какой там кофе, ниат Эльдор. Шли бы вы в кровать... А ближе к вечеру я жду вас в новой лаборатории.

– В новой? – Мариус удивленно моргнул.

– Ну конечно, в новой. Я имела наглость занять ваш подвал. Ну, в самом деле, вы же не думаете, что я до полудня валялась в кровати? Я много чего успела сделать.

Мариус не стал спорить. Он просто пошел к себе, забрался под одеяло и, на удивление довольно быстро заснул. А когда снова открыл глаза, за окном стемнело, и все освещение спальни составляла маленькая корзинка с лайтерами. Он еще немного полежал под одеялом. Мысли текли медленно и лениво, словно равнинная река. Кому было выгодно так подставить Дампи? Почему Фаэр выглядел изрядно перепуганным? Если боится, что заговор будет раскрыт, зачем все это говорил ему, Мариусу? Или вовсе не угроза раскрытия заговора так его напугала? Но тогда что? И, наконец, на ком собрался жениться Флодрет? Чьей дочурке так повезло?

Мариус прислушался. Где-то внизу дома раздавались голоса, кажется, о чем-то спорили Аманда и Бертран. За окном, грохоча колесами по булыжникам, прокатилась повозка.

Вставать не хотелось. Лучше было бы спать, и в снах видеть Альку. Но Мариус все ж таки сел на постели, припоминая, что Энола его звала в лабораторию. Напротив, на стене, висело зеркало – и в неверном золотистом свете лайтеров Мариус видел самого себя, бледного, уставшего, недовольного...

Взъерошил коротко стриженные волосы.

Еще раз глянул на себя в зеркало.

Сунул босые ступни в мягкие домашние туфли.

Как же не хватает Альки, чтоб рядом, чтоб ощущать тепло ее тела, такого близкого и родного...

Но он даже думать о ней не должен. Надо помнить, что магистр – хитрая тварь, способен прикоснуться к его мыслям.

Еще один взгляд в широкое зеркало – и внезапно комната качнулась, резко дернулась вбок. Зеркальная поверхность пошла мелкой рябью, отражение комнаты оплывало, отваливалось клочьями, открывая... просто черный прямоугольник, в котором не было ничего, кроме тьмы.

Заклинание щита далось легко. Слишком часто его приходилось ставить, и поэтому Мариус выплел его, не раздумывая. И тут же,

черпнув свободной магии, наполнив свой резерв до краев, заставил себя подняться, двинуться к открывшемуся провалу в никуда.

Если там магистр – тем хуже для него.

Тихий смех на границе рассудка. Колкие мурашки по коже.

– Выходи, – сказал Мариус вслух, – ты жалкий трус. Боишься меня.

И он в самом деле хотел, чтобы то, что сидело по ту сторону стекла, в самом деле вылезло в этот мир. Потому что тварь астрала слаба вне своей привычной среды, и уничтожить ее здесь будет проще простого.

Энола говорила, что магистр неизбежно будет деградировать.

Хотелось бы, чтоб это произошло как можно быстрее, чтоб повелся на оскорбление, чтобы вышел...

Тварь тихо смеялась, противно хихикала, едва касаясь сознания.

– Ты жалок, – вслух сказал Мариус, – ни на что не годен.

Тьма в зеркале дрогнула, поплыла, поблескивая масленистыми бликами, сворачиваясь в водоворот.

«Получил мой подарочек, Мариус?»

– Это разрубленную девку, что ли? – нарочито-небрежно, не показывая вмиг проснувшийся страх.

Его самого начинало трясти – от напряжения, от неизвестности, от того, что понятия не имел, на что способен Магистр.

«На этот раз я убил эту. В следующий раз... ты можешь найти совсем, совсем другую».

– И кого же? – сил едва хватало на то, чтобы голос не дрожал. Понятное дело. Кого именно имел в виду Магистр.

«Твою... твою девку получишь в подарок».

– Ты идиот, – откровенно сказал Мариус, моля Пастыря, чтоб Магистр действительно деградировал и не почуял подвоха, – в прошлый раз та девка, моя невеста, предала меня, выпустив тебя. Я ее прогнал. Если ты моешь смотреть в наш мир, то можешь увидеть, что ее больше рядом нет.

«Другая есссссть», – как будто обиженно прошипел Магистр.

А Мариус мысленно выдохнул. Значит, помаленьку глупел тот, кто смог стать бессмертным. Прежней Магистр, несомненно, увидел бы подвох.

– Содержанка, – хлестко бросил Мариус, – ничего ты не выиграешь, тварь. Рядом со мной нет больше никого, кто был бы мне действительно дорог.

Воронка в зеркале, черная, глянцевая, замедлилась и начала выравниваться.

«Я подожду. Я могу ждать долго... очень долго...»

– Если тебе так просто выйти из астрала, в чем дело? Выйди и сразись со мной, – сказал Мариус, вкладывая в голос все презрение, на которое был способен.

«Я выхожу там, где меня об этом просят».

Дело принимало совсем интересный оборот. Кто просит?

«Так что я подожду»

И все. Магистр исчез так же быстро, как появился. Зеркало разгладилось, в нем снова отражалась спальня и сам Мариус – взъерошенный, с совершенно безумным взглядом.

Напряжение схлынуло.

Он попятился, чувствуя, как дрожат и подгибаются колени. Потом просто рухнул на кровать, хватая ртом вязкий и горький воздух.

Надо было... как-то обдумать все происшедшее, но мысли скакали словно сумасшедшие белки. Сжал кулаки, так, что ногти впились в ладони. Как-то... прийти в себя. Заставить себя думать.

По сути, что только что стало известно?

Во-первых то, что магистр, похоже, стал терять хватку и изрядно подрастерял прежней проницательности.

Ну, а во-вторых... Скорее всего, он не мог сам выходить из астрала, а пользовался чьим-то телом. Или телами.

«Где меня попросят». Хм...

Мариус сделал еще один глубокий вдох. Выдохнул. А потом рассмеялся. Собственно, выходило так, что их с Энолой дела не так уж плохи на самом деле. И, значит, одолеть Магистра будет не так уж и невозможно.

Дом, в котором король изволил поселить Мариуса, был небольшим, но – как было известно Мариусу – обладал одним несомненным достоинством в виде двухуровневого подвала. Прежний Магистр, который много лет назад казался самым лучшим в мире наставником, время от времени брал Мариуса к себе. Теперь,

припоминая прошлое, Мариус вылавливал из пестрой мешанины воспоминаний мелочи, на которые тогда попросту не обращал внимания: у Магистра была приходящая прислуга, которая прибиралась в доме, но не было поварихи, которая бы готовила. Да и вообще, Магистр никогда не ел в присутствии своего воспитанника, самое большее, что себе позволял – свежесваренный кофе. Мариус тогда и пристрастился к этому напитку, потому что, бывало, подолгу сживал за книгами, а ничего съестного в доме не водилось. Очень редко, правда, Магистр вспоминал, что его ученик бывает голоден, и тогда посылал какого-нибудь мальчишку в ближайшую таверну. И сам никогда ничего не ел, но тогда почему-то это казалось в порядке вещей. Кто ж мог представить, что все окажется таким, каким оказалось?

А подвал свой Магистр Надзора использовал как площадку для тренировки воспитанников. Гасил освещение и заставлял мальчишек сражаться практически вслепую. В результате Мариус Эльдор знал, считай, каждый камень в подвале, и ему не составило труда разыскать Энолу Дампи.

Это было невероятно, но за день она умудрилась повернуть то, на что у многих уходят месяцы, а именно – превратить пустое, промозглое помещение во вполне приличную лабораторию артефактора. Первое, что пришло в голову, так это – Бертран наверняка спину потянул, перетаскивая все имущество вниз. Следующее, о чем подумал Мариус – как же хорошо, что у прежнего Магистра хватило соображения организовать добротную широкую лестницу в подвал. Ну и, наконец, не сдерживая улыбки, Мариус представил себе, как Энола заставляет Бертрана тащить сюда старый стол из гостиной, а Бертран и Аманда пытаются сопротивляться напору голубоглазой нахалки.

В лаборатории Энолы было уютно. Она заняла самое большое подвальное помещение, как раз под обеденным залом. Развесила по стенам, сложенным из крупных каменных блоков, гроздь лайтеров – откуда взяла? Кладовую опустошила, не иначе. Ближе к стене стоял стол, уже заваленный свитками, непонятными механизмами, подставками под эти самые механизмы, инструментами, похожими на пыточные. В углу оказался собранным перегонный аппарат, хитрое сплетение стеклянных и медных трубок, в которых уже что-то тихо булькало. И запах, запах подвала изменился: теперь вместо пыли и

сырости – каленое железо, что-то приторно-сладкое, странная и неуместная цитрусовая нотка.

Сама Энола Дампи, без личины, восседала за столом и сосредоточенно что-то черкала на бумаге, то и дело поглядывая в сторону пыхтящего и булькающего аппарата.

Мариус подошел к столу, заглянул в бумаги, но не понял ровным счетом ничего. Он не был сведущ в артефакторике. Да и условные обозначения здесь применялись совсем другие, не похожие на те, которыми пользовались маги.

Энола бысто глянула на него, было видно, что мысли ее далеки и от самого Мариуса, и от подвала. Взгляд был отсутствующим.

Мариус развел руками.

– Я потрясен. Как это вы заставили Бертрана и Аманду все это сюда перетащить?

Несколько минут она не отвечала, что-то быстро черкая в своих записях. Потом все-таки отложила листки, устало улыбнулась.

– А, это... Я никого не просила, я сама все перенесла. От них дождешься помощи, как же. Аманда видит во мне случайную вашу любовницу, а Телора... Не удивлюсь, если однажды она меня ножом пырнет. Она слишком любила вашу невесту, чтобы вот так спокойно принять какую-то содержанку.

– Полюбопытствую, как это вам удалось, – Мариус еще раз огляделся.

Неужели Энола сама стол приволокла?

– Так я еще в вашем кабинете себе спаяла артефакт невесомости, – она самодовольно улыбнулась, – после этого я могла стол нести на одном мизинце.

Мариус, не зная, что отвечать, прошелся по лаборатории. Обратил внимание на две широких и длинных доски на полу, сброшенных поперек нескольких веревок. Затем обернулся к Эноле и сказал:

– Ко мне из зеркала приходил магистр. Угрожал, что пострадают те, кто рядом.

– Засранец, – невозмутимо прокомментировала Энола, – ничего, не расстраивайтесь. Мы на него найдем управу. Очень скоро.

Она выбралась из-за стола, подошла к перегонному аппарату и извлекла оттуда склянку, полную прозрачной синей жидкости. Поцокала довольно языком, глядя сквозь жидкость на свет.

– Отлично. Чистая вытяжка. Достаточно чистая, чтоб ее использовать.

– Что это? – Мариус подошел, сунул было нос в результат работы Дампи, но она ловко убрала склянку.

– Но-но, не дышите туда, магистр. Нельзя... Что еще сказал вам ваш бессмертный приятель?

– Он сказал, что появляется там, где его вызывают, – он поморщился. Знать бы еще, где вызовут в следующий раз.

Дампи хмыкнула, устремилась со склянкой к столу, закупорила ее пробкой, выточенной судя по всему из кварца.

– Использует чужие тела? – в ее голосе слышалось сомнение, – но тогда... это ведь очень его ограничивает. И это же значит, что ему не так-то просто причинить вред кому-то из нас. Вряд ли его «вызывают» все подряд, как думаете?

– Хотел бы я знать, кто его вызвал в прошлый раз, когда погибла та женщина, – пробормотал Мариус, – а могу я... что вы делаете? Вот эта жидкость, это что?

Дампи отставила склянку, оперлась ладонью о стол и, смерив Мариуса внезапно смешливым взглядом, изрекла:

– Ну, как что? Мы с вами договорились, что вы становитесь архимагом, то есть сущностью куда более сильной, чем обычный маг. Тем, кто не пострадает, попав в астрал. Тем, кто может туда вообще попасть.

Несколько опешив, Мариус промычал что-то невнятное. Но Энола все растолковала по-своему.

– Вон, я уже и экспериментальный стенд подготовила. Ляжете на доски, я вас зафиксирую, введу сыворотку. Не уверена, что процедура будет приятной, но... Я ее изготовила исходя из точных расчетов и опираясь на старинные рецепты... Так что погибнуть вы не должны.

И развела руками.

– Ну а что делать? Надо как-то справляться с этой тварью. По-другому не получится.

Мариус подозрительно покосился на склянку, которая спокойно стояла на краю стола. Затем посмотрел на Энолу. Женщина с воодушевлением открыла контейнер и достала оттуда цилиндрическую стеклянную трубку с длинной иглой и поршнем.

– Вы... собираетесь это вводить в... меня? – внезапно охрипнув, спросил Мариус.

– Естественно, – Энола доброжелательно улыбнулась и кивнула, – а как еще? Других способов не придумали.

Мариус и сам не понимал, отчего ему так смешно. Казалось бы, все предельно серьезно. Энола Дампи готовит какой-то препарат, который позволит ему пройти в астрал и убить магистра. Но смех так и рвался из горла. Горький такой, на грани истерики.

Все повторяется, не так ли?

Сперва Магистр истыкал тебя трубками, чтобы из обычного мальчика сделать мага. Теперь вот, Энола Дампи хочет накачать неведомой дрянью.

– Вы уверены в том, что я переживу процедуру? – спросил он.

Нет, не то, чтобы он был сильно против.

И все это... казалось необходимостью.

Но вот так, позволить влить в себя не пойми что?

С другой стороны, Магистр проделал то же самое. Ну и ничего не случилось. Мальчик выжил.

Энола задумчиво теребила рукав, переводя взгляд то на Мариуса, то на свои бумаги.

– Я, конечно, ничего гарантировать не могу. Но мы начнем с маленьких доз. Посмотрим, как пойдет процесс. Ну же, не бойтесь. Подумайте о том, что, чем скорее вы избавитесь от твари, тем скорее вернете вашу невесту.

– Я вообще не уверен в том, что ее верну, – проворчал Мариус.

И все же... Энола была права.

Он слишком многое потерял, чтобы вот так, бросить все на полпути.

– Вернете, я хочу, чтоб вернули, – сказала Энола, – а я верну себе своего короля, когда мы выведем Фаэра на чистую воду. Ну так что? Мы можем начать прямо сейчас. Чего время тратить?

...И он согласился. В самом деле, к чему лишнее время терять? И это тогда, когда каждая минута вдали от Альки выпивает его досуха, лишает живых, нормальных ощущений? Ни запахов, ни вкуса, ни цвета – ничего. Все поблекло и выцвело.

Мариус послушно лег на доски, и Энола аккуратно, но крепко привязала его – так, что и пошевелиться не мог. Потом она закатала

ему рукав рубашки, перетянула плечо тонким ремешком.

Сказала:

– Поработайте кулаком, ниат Эльдор. Давайте, пальцы сжали-разжали, и так несколько раз.

Чувствуя затылком неровно струганную доску, Мариус послушался. Он лежал на полу, в подвале, сжимал и разжимал кулак и старался задавить внезапно проклюнувшиеся ростки страха.

А что, если Энола где-нибудь ошиблась? А вдруг введенное ему средство приведет к непоправимым последствиям?

Дампи, стоя у стола, неспешно набирала из склянки жидкость.

– Уверены? – только и спросил он, когда локтевого сгиба коснулась холодная игла.

– Не волнуйтесь, все будет хорошо, – пробормотала женщина, вводя иглу в вену.

Мариус только сжал челюсти, когда в руку потек жидкий огонь.

– Из чего... вы все это делали, м? – прошептал, глядя в потемневшие глаза Энолы Дампи.

– Долго объяснять, – также шепотом ответила она.

Мягко выдернула иглу и придавила место укола кусочком марли.

– Все будет хорошо, Мариус. Доверьтесь мне.

– Я стараюсь, – выдохнул он.

Рука... уже вся горела. Жидкое пламя расползлось вверх, к плечу, и одновременно вниз, к запястью.

– Больно, – пожаловался Мариус.

Энола бытро опустилась рядом на колени, положила ему руку на лоб.

Пальцы у нее были просто ледяными. И лицо выглядело встревоженным.

– Я все рассчитала правильно. – сказала она как будто самой себе, – но я не могу предсказать, что вы испытаете. Магом, поди, тоже не сладко было становиться?

Жар достиг плеча и теперь расплывался по левой стороне груди. Все скорее и скорее.

Мариус выругался, уже не обращая внимания на присутствие ниаты. А если она ошиблась? Не сдохнуть бы... слишком рано, столько дел не сделано. Магистра не убил. И даже ребенка не завел.

Его начало трясти в ознобе. Мышцы скрутило судорогой, острой и болезненной.

– Платок, – прохрипел из последних сил, стараясь не орать.

– Что? Зачем?

А потом она поняла. Быстро достала носовой платок, скрутила его валиком и сунула Мариусу в рот. Он его прикусил и откинулся назад. Теперь уже все тело горело, ему начинало казаться, что сейчас и кожа слезет пузырями, начнет лопаться, и на пол потечет сукровица.

Потолок стремительно вращался над головой, боль накатывала волнами, все сильнее и чаще.

«Она наверняка ошиблась с препаратом», – мелькнула последняя здравая мысль.

И Мариус начал проваливаться в яму, полную огня, из которой больше не было выхода.

Глава 5. Роза Эрифрей

Пожалуй, давно Алька не пребывала в столь безнадежном, глухом, тоскливом отчаянии. И даже перспектива стать женой Орвила Дей Флодрета не причиняла такую боль, как новость, принесенная Кьером. Две ночи – целых две ночи до того, как она должна была покинуть дворец Сантора – Алька не могла уснуть, ворочалась до рассвета, и все думала, думала... Какая она, новая женщина Мариуса? Внешне, со слов Кьера, похожа на бывшую жену. Блондинка. Молоденькая и милovidная. Но ведь все это... только внешне. Что Мариус в ней нашел такого, что она так быстро заменила ее, Алайну?

Нет, конечно же, Алька понимала, что провинилась.

Но чтоб вот так... через несколько дней, привести в свой дом другую? Это как-то даже чересчур. А говорил, что любит. Наверное, неправильная это была любовь. Да и она сама... неправильно полюбила человека, которого почти не знала. Ухитрилась влипнуть так, что и самой ее почти не осталось, утонула в этой болезненной привязанности, которую теперь при всем желании ох как нелегко разорвать.

И Алька не могла понять, чем Мариуса подкупила другая женщина. А еще... постоянно, перед глазами, то, как он мог ее целовать, эту блондинку. Или как, возможно, расшнуровывает ее корсет. Или, что было вообще невыносимо, как его смуглые пальцы, длинные, сильные, ложатся на точеное белое плечо, сдвигая вниз тонкую бретельку сорочки...

Это было невыносимо. В груди словно образовалась дыра. Кто-то выдернул ее сердце, и осталась лишь рана с обугленными краями. И ощущения запахов, вкуса, всего переменились: малиновая вода кажется горькой, от одного запаха мяса начинает тошнить, до того он кажется отвратительным. При этом Алька не чувствовала себя больной: тело оставалось сильным, мысли – ясными. Просто такое вот легкое недомогание. Только в груди постоянно болело, а глаза так просто пекло от постоянных слез.

Так нельзя, ваше высочество, говорили ей служанки.

Не нужно так бояться брака с владыкой земель Порядка, нашептывали они.

Все будет хорошо...

Алька молча кивала и не пыталась объяснить им, что тоскует и плачет совсем не потому, что отец вот так, не спросив, разом решил ее судьбу. Вряд ли они поймут. Да и не нужно им знать лишнего.

Но как быть с собственной болью?

В то утро, когда архаанов уже готовили к полету, к ней в спальню пришли улыбчивые и смешливые девушки. Принесли новую одежду, белоснежный шелк, тонко расшитый золотыми нитями. Это были ставшие привычными шаровары, мягкой драпировкой лежащие вокруг бедер, тонкая туника с длинными узкими рукавами и очень скромным вырезом и традиционное полотно, расшитое по краям золотыми диковинными цветами, которое укладывали на груди красивыми и необычными складками, обматывали краями талию, а один конец оставляли свободно свисающим за спиной. На шее у Альки застегнули тяжелое ожерелье из круглых голубоватых камней в грубой золотой оправе, потом тщательно завили волосы, закрепили в прическе тонкую диадему с такими же камнями, а поверх закрепили тончайшее полупрозрачное покрывало. На ноги Альке одели мягкие парчовые туфельки.

Потом ее под руки вывели из комнаты, снаружи ждал Сантор, привычно в красном с золотом. За его спиной, смиренно опустив голову, стоял Кьер, в простой рубахе и штанах, и, что бросилось Альке в глаза – так это то, что на шее у него был застегнут широкий ошейник, а цепочку Сантор держал в руке.

Повелитель смерил Альку любопытным взглядом, покачал головой.

Алька тоже посмотрела на повелителя крагхов, который оказался ее отцом. Как странно – она не чувствовала к нему ничего. Ни любви особой, ни ненависти, ни какой-либо обиды. Наверное, ненавидеть Сантора мог Кьер, его светлые глаза были как горящий лед, обжигающе-холодные. А вот она... Не за что было Сантора ненавидеть. Пожалуй, единственное, что чувствовала Алька к своему отцу – это вялое удивление. Все о том, что как такое могло получиться, что она оказалась дочерью повелителя земель за Пеленой. Ну и когда-

то, уже давно, ей было жалко Сантора, когда он собственноручно заставил свою жену принять яд.

– Ну, что ж, – нерешительно пробормотал Сантор, окидывая Альку пристальным взглядом, – хороша, только бледновата. Глупостей не натвори. Ты – залог мира, помни об этом.

Она кивнула.

– Да, я помню, что залог мира. Думаю, что буду вести себя так, как тебе бы хотелось.

И посмотрела на Кьера, тот как раз поднял голову и смотрел прямо на нее. Уголок его рта нервно дергался.

– Ты мне его отдаешь? – Алька указала на раба.

Сантор пожал плечами и протянул ей конец стальной цепочки.

– Да, как и договорились. Он твой. Делай с ним, что тебе угодно. Я бы посоветовал первое время держать его при себе. Мало ли что там, во дворце.

Цепочка оказалась холодной наощупь, Алька механически сжала пальцы. А затем, вдруг опомнившись, спросила:

– А Рон? Он разве не придет меня проводить?

– Он тебя ждет на площадке, вместе с архаанами, – голос Сантора потеплел, – там же твое сопровождение и Фэй.

«Куда ж без него», – раздраженно подумала Алька.

Похоже, Лиар Фэй в самом деле решил следовать за ней, чтобы проследить, как Алька будет выполнять его желания.

«Липучка», – она невольно поморщилась.

Отчего-то вспомнила, как Фэй едва не поцеловал ее там, на плато. Это было настолько неприятно, до омерзения, что ее передернуло. Ну уж нет. Она, конечно, слабая женщина, но что-нибудь придумает, чтобы избавиться от верховного мага. Пусть даже придется его убить.

– Идем, – сдержанно напомнил Сантор, – твои вещи поедут следом за тобой.

И, развернувшись, подал пример, широко зашагал по коридору. Алька виновато посмотрела на Кьера, ей стало стыдно оттого, что она вынуждена его вести на поводке, как злого пса. Наверное, сам Кьер тоже чувствовал себя униженным, но, поймав его взгляд, Алька увидела, как бывший уже раб Сантора быстро улыбнулся и ей кивнул, мол, все в порядке.

– Пойдем, – одними губами произнесла Алька, ей вовсе не хотелось тянуть цепочку, чтобы все видели, что Кьер в ошейнике. Ей так и хотелось ему сказать, мол, потерпи еще немного, и я тебя отпущу. Теперь уже навсегда. А со своими неприятностями справлюсь сама...

Впрочем, единственной серьезной неприятностью здесь был Лиар Фэй, но относительно него Алька уже приняла хоть и неприятное, но все же решение. Уж кто-то, а Фэй не будет ей командовать...

Они вышли на одну из открытых террас дворца. Там их ждало несколько придворных, наиболее близких Сантору. Авельрон стоял рядом с одним из архаанов и гладил того по большой, в хитиновых щитках, морде, совершенно не обращая внимания, как с хищных жвал капает ядовитая слюна. Алька невольно усмехнулась. Наверное, Авельрон тоже умеет становиться ядовитым, иначе опасался бы яда. А сама она... Тоже преуспела по части магии крагхов. Все оказалось даже проще, чем она предполагала. И, ежели что, у нее найдется неприятный сюрприз для Фэя, о котором никто не знал.

В этот миг Авельрон посмотрел на нее, их взгляды встретились. Бледные губы брата тронула едва заметная виноватая улыбка. Наверное, ему все-таки было немного жаль сестру, которую отдавали, словно вещь. С другой стороны, теперь он оставался единственным наследником Сантора, так что от отъезда Альки Авельрону была одна сплошная польза.

Оторвавшись от архаана, Рон неторопливо подошел к ней и быстро обнял, притянул к себе, глядя по спине.

– Сестренка, – прошептал хрипло, – не бойся. Все будет хорошо.

– Будет. – согласилась она, хотела отстраниться, потому что уже и не знала, как относиться к Рону.

Она пожертвовала ради него всем. Но, возможно, он только и думал, как от нее избавиться? Пастырь ему судья.

Авельрон удержал ее, притиснул к себе.

– Прости меня, я не смог помешать отцу. Я ничего не решаю, Алька. И пожалуйста, не думай, что я рад тому, что ты уезжаешь. У меня нет планов на престол этих земель. Это чтоб ты знала.

Она обмякла в его руках. Вот, значит, как. В свои планы Рон ее не посвящал. Никогда.

Ей снова стало стыдно – но уже оттого, что дурно думала о брате.

– Возможно, король Флодрет – не самая плохая кандидатура на роль мужа, – прошептала она, а затем взгляделась в глаза Авельрону, прозрачные, серые, такие же как у нее. – Мы еще увидимся?

– Я не знаю, – честно сказал он, – у меня много планов на будущее, и они не имеют ничего общего с этими землями.

Алька наконец отстранилась. Горло саднило, и почему-то именно сейчас захотелось плакать. Она бы и захныкала, но за спиной раздался густой бас повелителя.

– Ну что, пора? Иди, обниму тебя напоследок.

Она повернулась к Сантору, и он тоже обнял ее, прижал к груди так, что Алька услышала стук его сердца. Слишком быстрый, суматошный. Неужели... король крагхов тоже переживал вместе с ней?

– Маленькой не обнимал, так хоть теперь... – быстро шепнул он ей в макушку, – давай, дочь. Покажи всем, что ты достойна быть королевой.

Алька вздохнула. Скорее всего, что под словом «всем» Сантор подразумевал одного-единственного, того, кто привел в свой дом другую.

– Вы позволите? Нам пора, архааны заждались, – прошелестел рядом Лиар Фэй.

– И правда, пора, – вздохнула Алька.

Она решительно оторвалась от Сантора и направилась к самому крупному архаану, ведя за собой Кьера.

– Он должен лететь отдельно! – услышала исполненный негодования голос Фэя.

– Раб моей дочери полетит там, где угодно ей, – раздалось насмешливое, Сантора.

Алька ухмыльнулась. Ну хоть здесь поддержал.

На шее и меж крыльев архаана было закреплено два седла. Она забралась в первое, подобрала поводья. Фэй научил ее управляться с тварями роя, Алька прекрасно чувствовала сознание архаана. Он был послушен и готов выполнять любое требование. Она дождалась, пока в заднее седло заберется Кьер, пока на соседнего архаана взгромоздятся Лиар Фэй и незнакомый охранник. А потом улыбнулась и помахала рукой Авельрону и Сантору. Надо было лететь, ничего не поделаешь.

Архаан покорно замахал крыльями, взбивая целое облако красноватой пыли. Провожающие пятились, прикрывая лица

широкими рукавами.

– Ну что ж, полетели, – прошептала Алька.

Зеленоватая светящаяся точка, разум и сущность архаана, были у нее как на ладони, и ей было достаточно направить мысленный импульс, чтобы тварь рванула вверх, к чистому, умытому небу.

В лицо хлестнул ветер, холодный, злой. Алька тут же пожалела, что не оделась теплее. Но полет предполагался очень коротким, дальше архааны должны были прогрызть портал, чтобы вывалиться из него прямо у дворца Флодрета. Для того, чтобы направить архаана в портал, нужно было очень хорошо представлять, куда именно нужно переместиться. Для Альки это было несложно, дворец она помнила.

Но сейчас... у нее были немного иные планы, и она даже хихикнула, вообразив, как неприятно будет Фэю, когда он вывалится у дворца. Один.

Алька обернулась к Кьеру, успела заметить, что позади взлетает второй архаан.

– Мы немного изменим маршрут, – крикнула она, – сейчас, вот сейчас...

Место, где она была счастлива, так и стояло перед глазами.

Полет сквозь портал не занял много времени. Алька мысленно успела посчитать до десяти, вокруг полыхало зеленоватое свечение. Архаан летел как будто сквозь молнии, но их блеск не был острым, не заставлял щуриться. Молнии скорее походили на ворсистые нитки, толстые волокна, корни неведомого растения, повисшие в кромешном мраке. Сквозь их плетение и продирался архаан, он даже перестал взмахивать крыльями – просто несся сквозь дыру в пространстве. Фэй говорил Альке, что они как-то прогрызают червоточину в ткани мира. Судя по тому, что крылья архаан демонстративно прижал к бокам, что-то такое и происходило.

А потом впереди темнота треснула, зеленым брызнула в разные стороны, и архаана вынесло в чистое небо, лишь у горизонта укутанное ватными облаками.

Алька быстро посмотрела вниз и рассмеялась. Да, там, далеко внизу, темнела деревянная крыша старого дома Мариуса, и вверх тянули ветки искореженные временем и ветрами яблони. Снег уже стоял, лишь кое-где белели пятна. И ветер был удивительно теплым,

ласковым, как будто зима уже заканчивалась. Впрочем, Алька точно знала, что морозы еще вернутся. А сейчас... просто оттепель, так частенько бывало в Роутоне.

Она обернулась, посмотреть на Къера. Он тоже смотрел вниз, лицо напряжено, ветер разметал светлые волосы.

Интересно, как Эжени отнесется к тому, что Къер останется в доме?

Хотелось надеяться, что положительно. Впрочем, Алька была готова взять Къера в столицу: лишний преданный человек никогда не помешает.

Она направила архаана вниз, туда, где он мог приземлиться меж яблонь. Тварь тяжело опустилась, захлюпала под лапами грязь. Снег-то стаял, осталась голая и мокрая земля. Алька с сожалением посмотрела на свои туфельки и осторожно принялась спускаться, но Къер ее опередил, легко подхватил на руки.

– Испачкаетесь, – сказал, преспокойно шагая по грязи.

– Спасибо, – смущенно пробормотала Алька. Уж Къер еще на руках ее не носил, было непривычно. Она осторожно обхватила его за шею, а затем, спохватившись, отстегнула цепочку от ошейника и открыла замочек. Ошейник упал в грязь.

– Не хочу, чтоб тебя в этой пакости видели, – пояснила Алька.

Къер улыбнулся уголками рта, донес ее до дорожки, отсыпанной мелким гравием, и поставил на ноги. Алька огляделась, и сердце затопила сладкая боль: как раз неподалеку была старая беседка, где они с Мариусом... Впрочем, неважно. Она должна понимать, что в этом месте все будет будить воспоминания, горько-сладкие, и сожаления о том, что так и не сбылось.

– Пойдем, – решительно сказала она Къеру, – надеюсь, Эжени дома.

Они молча добрались до черного хода. Алька думала о том, что не нужно ей показываться на глаза Марго и Робину. Тогда придется им все рассказать, а они... особенно Марго, они не поймут, почему все так случилось. Объяснять же просто было выше ее сил.

Поэтому, прежде чем стучаться, Алька на цыпочках подкралась к окну, заглянула в кухню. Она ведь делала так однажды, когда еще была с крыльями, когда летела спасать Мариуса. И все зря. Не досталось им счастья.

Эжени была на кухне одна. Ожесточенно крошила капусту и ссыпала ее в кадку. Альке показалось, что ее единственная подруга похудела, осунулась и как будто потемнела лицом. Совсем мало осталось от той сдобной булочки, к которой все привыкли. Убедившись, что ни Марго, ни Робина поблизости не было, Алька тихо отворила дверь и вошла, поманив за собой Къера.

Он... шагнул через порог так, словно переступал пламенеющую черту. Возможно, для него все так и было. Алька молча взяла его за руку и потянула за собой.

Даже дышать здесь было больно: все пахло упущенным счастьем. Старое дерево, книги, шоколад... Мариус Эльдор и его старый дом.

И на кухне все было по-прежнему. Эжени стояла к ним спиной. Ее золотистые косы, уложенные калачиками, весело искрились. Алька негромко ее позвала, девушка резко обернулась, выронила нож из рук и охнула.

– Алечка!

Еще через несколько мгновений Алька оказалась в теплых, пахнущих ванилью и сдобой объятиях Эжени.

– Да как же... хоть бы предупредила... а где ниат Эльдор? Надо же... Марго позвать. Она так часто о тебе вспоминает, ждет, когда в доме маленькие ножки будут топтать.

И так требовательно заглянула в глаза, что Альке стало стыдно – оттого, что все у нее неправильно.

– Эжени, – сипло прошептала Алька, – прости, но... ничего этого не будет. Мы расстались.

– Как расстались? – прозвучало почти обиженно.

Эжени отстранилась, все еще держа Альку за плечи. Окинула ее пристальным взглядом – ожерелье, диадему, одежду...

– Что случилось, Алечка? – быстрый взгляд в сторону Къера, который топтался в пороге кухни, – и это... он с тобой?

Алька покачала головой.

– Так сразу и не расскажешь. – говорить было горько, и еще горше было видеть... разочарование в светлых глазах Эжени. Потом все же решилась, – он меня оставил, Эжени. Я... конечно, я провинилась. Но... мне кажется, он мог бы простить, если бы любил.

– Да он и любил, не сомневайся, – вдруг оборвала ее подруга, – я не видела мужчины, который бы любил сильнее, чем ниат Эльдор. Как же так? Ну почему?

Алька выдавила улыбку, махнула рукой.

– Если хочешь, я задержусь. Все тебе расскажу. Только не зови Марго, не хочу ее расстраивать.

Она видела, как Эжени еще раз осторожно покосилась на Кьера.

– Ты теперь... с ним?

– Что? А, нет, конечно же, нет. И об этом тоже я хочу с тобой поговорить.

Эжени тряхнула косичками, затем вытерла руки о полотенце.

– Хорошо, хорошо. Пойдем, поговорим. А вы, – и внезапно Эжени очень церемонно поклонилась Кьеру, – подождите нас здесь.

Кьер пожал плечами и промолчал.

...Пока шли по темному коридору, Алька остановилась около своей бывшей комнаты. Толкнула дверь и едва не разревелась в голос. Ничего здесь не изменилось. Все та же идеально застеленная кровать, занавески на чистом окне. И мамина вазочка на столе...

– Все, как было у тебя, – внезапно ломким голосом сказала Эжени, – эта комната всегда тебя ждет... что бы ни случилось.

– Спасибо. Спасибо тебе...

– Куда пойдём?

– Так, чтоб Марго меня не видела, – прошептала Алька.

– Тогда в кабинет Эльдора.

...Ей было больно даже находиться в этих стенах. Все дышало им, все будило воспоминания. И этот кабинет... Здесь он в первый раз поцеловал ее. И даже больше, чем просто поцеловал. А она тогда не сопротивлялась, думала, что Эльдор – мужчина, но всего лишь один. Лучше, чем работа в борделе. Все стояло перед глазами так, словно было вчера.

– Алайна, теперь ты ответь. Зачем тебе все это? Зачем ты заставила меня забыть о ненависти? Зачем заставила думать о тебе, м?

– Я... я не хотела, не хотела ничего такого.

– Не хотела, но так получилось, и я тоже не знаю, как быть со всем этим, потому что я приор Святого Надзора, а ты все же двулика.

– Ну так... сделайте, что вам хочется, я ведь ваша рабыня, вы имеете на меня все права.

– И за кого ты меня держишь?

– Садись, – Эжени указала на кушетку, – ты меня очень расстроила, Алечка. Я так хотела, чтоб хотя бы у тебя все сложилось хорошо.

Алька вздохнула. Уселась. А потом рассказывала, долго, обстоятельно, почти ничего не утаив, умолчав лишь про магистра, потому что Эжени все равно не поймет. И – вот странное дело – как будто стало легче. И сердце почти перестало рыдать кровавыми слезами.

Потом Эжени долго молчала, обдумывая услышанное.

– Значит, ты едешь, чтоб выйти замуж за короля, – наконец уточнила она.

Алька горестно кивнула.

– Так ты будешь нашей королевой?

– Мне не очень этого хочется, – прошептала Аллька, пряча глаза, – но я...

– Не видишь иного выхода, раз уж Эльдор от тебя отказался. Вот ведь... Как под юбку лезть, так не отказывался, м?

– Я сама... была непротив, – Аллька пожала плечами, – и на самом деле это не важно. Вернее, важно, но не это. Я была с ним не потому, что надеялась на удачное замужество. Я была с ним, потому что любила. Потому что не могла без него дышать, понимаешь?

– Мужики, – подытожила Эжени и горестно покачала головой, – все оно... вот так. Но, наверное, королевой тоже неплохо быть?

– Он уже завел любовницу, – едва слышно выдавила Аллька. Щеки пылали, но она решила, что должна выложить подруге все.

– Ты станешь королевой, – задумчиво повторила Эжени и подняла на Алльку посветлевший взгляд, – став королевой, ты той любовнице можешь не только патлы выдергать, а даже голову отрубить.

– Но если он... ее любит? Зачем?

– Ой, дурочка ты, Алька, – усмехнулась Эжени, – месть бывает сладка. Только мне за «дурочку» голову не отруби, став королевой.

– Мне не нужна месть, мне нужен Мариус, – Алька вздохнула.

Она еще раз огляделась. Нет, находиться здесь было просто невыносимо. И запах... он все еще витал здесь, хоть Мариус был далеко. Снова захотелось плакать.

– Ну, ну, – прошептала Эжени, обнимая ее, – не печалься. Все проходит, милая. А ты... ты всегда была сильной. Мало кто может вынести все то, что тебе выпало. Но ты смогла. И победила. Одолеешь и это.

– Хочешь, я тебя во дворец возьму? – всхлипнула Алька, утыкаясь носом в мягкое плечо.

– Меня? Нет, что ты. Мне здесь нравится. Только вот... Эндрю, паршивец, ушел. Так что я теперь еще и за конем смотрю. А нанимать нового работника без ведома ниата Эльдора не могу.

– Эжени, – прошептала Алька, – вот, теперь об этом... Я хочу оставить в поместье того мужчину, который со мной. Так получилось, что он не был вольным человеком, и мне его... подарили. Но я хочу, чтоб ему было хорошо, поэтому даю ему полную свободу и оставляю здесь. Ты не будешь против? Он будет тебя во всем слушаться, и не доставит никаких неприятностей.

Она отстранилась и вдруг, к великому своему удивлению заметила, что Эжени покраснелась.

– Этот ниат? Он что... – голос подруги упал до шепота, – он был рабом?

– Королевским, – пояснила Алька, – и лучшим убийцей.

– Он не захочет здесь оставаться, – с сомнением в голосе сказала Эжени, – ему, небось, в столице интереснее будет.

– Он хочет остаться здесь, – Алька сделала ударение на слове «хочет», – видимо, впечатлился твоей стряпней. Так ты не против, если я его здесь оставлю?

– Я... нет, конечно же, нет, – щеки Эжени стали похожи на две помидорки, – но это так... странно. Я думала, это богатый ниат.

Алька вдруг подумала, что наверняка Эжени мечтала выйти замуж за ниата с толстым кошельком. Так зачем ей бывший раб?

Стало горько и обидно. За Кьера, который просился в это поместье с надеждой на спокойную и счастливую жизнь, за Эжени,

которая на деле оказалась недалекой охотницей за богатым мужем...

Алька вздохнула и поднялась.

– Знаешь, наверное, это и правда плохая идея, оставлять Кьера здесь. Наверное, он тебе и в самом деле не нужен. А тебе надо просто прислать работников... Его я заберу с собой в столицу.

– погоди! – пальцы Эжени вдруг впились в запястье, – Алка... То есть ваше высочество... Ты... вы неверно поняли. Я думала, что это состоятельный ниат, потому что он так себя вел. И я... я буду рада ему любому, клянусь. Возможно, здесь ему будет гораздо лучше, чем в Эрифрее...

И сникла. А у Алки от сердца немного отлегло. Значит, Кьер мог рассчитывать на спокойную жизнь в Роутоне.

– Хорошо, – сказала она, – я очень рада... Пожалуйста, не обижай его. Он... ему досталось изрядно.

Эжени промолчала, но посмотрела так, что стало ясно: Кьера будут откармливать с удвоенным усердием. Пирожками, кулебяками, печеным мясом и прочими вкусными вещами.

– Мне надо отправляться дальше, – горько прошептала Алка, – пожалуйста, сохрани мою вазочку. Пусть она будет здесь... Мой дом был здесь, Эжени...

– Иди ко мне, милая.

В мягких объятиях Эжени было уютно, и уходить совершенно не хотелось. Но Алка понимала, что промедление может дорого стоить: Фэй наверняка уже поднял на ноги весь дворец. Как же так, принцесса потерялась. Алка еще раз окинула взглядом кабинет Мариуса, шмыгнула носом и направилась к двери. Чувство было такое, что она покидала этот дом теперь уже навсегда.

Кьер терпеливо дожидался их на кухне. Он даже не присел, просто стоял и смотрел в окно, но мгновенно обернулся, едва слышал их шаги.

Алька подошла к нему.

– Вот, – сказала значительно, – ты остаешься здесь. Правда, придется выполнять указания этой фье, она здесь главная в отсутствие магистра Эльдора. Очень надеюсь, что не услышу от нее никаких дурных новостей.

Кьер смотрел мимо нее, прямо на Эжени.

– Я буду стараться, – хрипло сказал он с легким поклоном, – никаких нареканий не будет.

– Эжени? – Алька повернулась к подруге и поняла, что та тоже смотрит вовсе не на нее. На Кьера. Смотрит с теплом и... надеждой?

– Мы разберемся, – тихо сказала она, – я очень рада снова видеть фьера. Очень рада.

Алька развела руками. Ну хоть кому-то будет хорошо. А ей – ей настала пора двигаться дальше, во дворец.

– Тогда до свидания, – тихо сказала она. Еще раз окинула взглядом кухню и пошла прочь.

Правда, ее быстро догнал Кьер.

– Спасибо, ваше высочество.

– Не за что, – она хмыкнула, – зачем ты за мной идешь? Оставайся.

– Так туфли испачкаете, – упрямо сказал он, – грязно в саду...

Алька хорошо помнила, как выглядит площадь пред королевским дворцом, поэтому ей не составило труда обозначить для архаана цель, точку в ткани пространства, куда было нужно попасть.

Он вывалился сквозь прореху в пространстве, и сверху Алька увидела темно-зеленую крышу дворца, аккуратно выстриженные шары кипарисов, маленьких человечков далеко внизу и архаана Лиара Фэя, ожидающего во внутреннем дворе.

Алька не стала оригинальничать, направила своего во внутренний двор. Маленькие человечки внизу разбежались кто куда. Все, кроме одного, который стоял на крыльце, выходящем во внутренний двор, и, задрав голову, смотрел на небо. Лиар Фэй собственной персоной.

Алька невольно поморщилась, понимая, что сейчас верховный маг будет недоволен. Да и вообще, непонятно, как отнесся король к ее столь существенной задержке. Поэтому, когда архаан опустился на землю, Алька нацепила самую вежливую улыбку и аккуратно сползла на землю – чтобы тут же упереться взглядом в темно-синюю одежду Фэя. Он уже был рядом и пристально смотрел на нее. Молча.

– Прошу прощения, – пробормотала Алька, – вот, задержалась. Надеюсь, его величество Флодрет не слишком разгневался?

– Его величество Флодрет ждет вас, – прогнусавил Фэй, – извольте объясниться, где вас... носило, и куда пропал раб Сантора.

От взгляда Фэя прямо-таки мурашки по коже побежали. Жутковатый тип... И ей придется противостоять ему. А то ишь, править решил. Вдохнув поглубже, Алька сказала:

– Во-первых, Кьера мне подарил отец, так что теперь это мой раб. А во-вторых, я оставила его охранять свое имущество. Кьер будет в Роутоне вплоть до моего распоряжения.

А про себя закончила «которое никогда не поступит».

Лиар Фэй поморщился, словно съел неспелое яблочко.

– Насколько мне известно, ваше высочество, в Роутоне есть только имущество магистра Надзора.

– Вы ошибаетесь, Фэй, – в тон ему, церемонно, ответила Алька, – там и мое имущество тоже.

Не беда, что имущество заключалось в маленькой фарфоровой вазочке. Главное – оно было. И поэтому Алька совершенно не врала Фэю.

Тот устало вздохнул, потер переносицу.

– Послушайте. Я не хочу препираться по пустякам, но... вы поступили неосмотрительно, настолько задержавшись. Мне пришлось объясняться с Флодретом. Да и... понервничать вы меня заставили. Думал, не случилось ли чего. Даже собирался пытаться вас искать.

– А что может случиться во время полета архаана? – Алька удивленно заморгала.

– Пока ничего не случалось, – Фэй снова посмотрел на нее, отгаивая, – но мы только недавно начали пользоваться магией роя. Можем что-нибудь не знать.

– Хорошо... Хорошо, – она снова улыбнулась, через силу, – так вы меня сопроводите к его величеству?

Она быстро огляделась. Во внутренний двор постепенно стекались придворные и охрана, поглазеть на принцессу, а заодно и на чудовищ. Алька поежилась под любопытными взглядами и невольно вцепилась в локоть Фэю. Шепнула:

– Идемте, пожалуйста. Не хочу, чтоб на меня так глазели.

– Но это неизбежно, – он усмехнулся и незаметно погладил ее по запястью, – вам предстоит знакомство с королевским двором. Там на вас будут смотреть все.

– Ну, все равно. Давайте уже пойдём к его величеству. Устала я от этого всего... Хочу наконец его увидеть и покончить с этим.

Фэй хмыкнул и ничего не ответил. Просто взял ее под локоть и повел к мраморным ступеням, а потом, уже понимаясь, пробурчал:

– Где это вы так вымазались? Следы на полу оставлять будете.

Алька промолчала. Не будет она рассказывать о том, что в поместье под Роутоном грязновато, и земля размякла от тающего снега. Воспоминания о Роутоне казались такими чистыми, такими личными, что отдавать их Фэю не хотелось совершенно.

Они прошли сквозь высокие стеклянные двери, и там, в высоком светлом холле, их ждала королевская охрана – все как на подбор высокие и плечистые, так что на их фоне Лиар казался тщедушным и худым. Но, судя по всему, Лиар Фэй и во дворце чувствовал себя как рыба в воде: он решительно подошел к гвардейцу, не забывая тащить за собой и Альку.

– Не соблаговолите ли проводить нас к его величеству? Принцесса, наконец, прибыла.

Алька снова ловила любопытствующие взгляды и, сообразив, закрыла лицо полупрозрачным покрывалом, оставив лишь глаза.

– Идемте, ваше высочество, – насмешливо шепнул Фэй.

Их довольно долго вели сквозь череду залов, затем – на второй этаж, по широкой лестнице, застланной темно-зеленой ковровой дорожкой. Алька с интересом осматривалась: ведь в тот единственный вечер, когда она была здесь с Мариусом, было не до знакомства с дворцом. Она-то и видела один лишь зал. А так оказалось, что во дворце очень даже красиво и приятно. Белоснежный мрамор, резные деревянные панели. Кое-где на полу фигурный паркет, а где-то и каменная плитка, пестрая, из яшмовых пластин. Стены в некоторых залах были оклеены очень красивыми шелковыми обоями, которые мягко мерцали на свету. А еще здесь было очень много высоких витражных окон, аккуратно завешенных воздушными занавесками, отчего создавалось впечатление, что дворец полон воздуха, света, да и вообще почти парит над землей.

Наконец гвардейцы привели их к резным деревянным дверям, по обе стороны от которых стояли навтыжку часовые. Тут же, словно блоха, выскочил маленький сухонький человечек в коричневом бархатном сюртуке. Он был совершенно седым, волосы собраны в тонкую косицу и перевязаны черной лентой. Со смуглого морщинистого лица остро смотрели непроглядно-черные глаза.

«Секретарь», – решила Алька. И, судя по тому, как проворно этот человек метнулся внутрь закрытой комнаты, не ошиблась.

Он появился через несколько минут, и, с поклоном распахивая дверь, громко провозгласил:

– Его величество Орвил Дей Флодрет сейчас примет вас. Проходите.

Алька покосилась на Фэя. Тот казался спокойным, как удав, поджидающий кролика. А у нее самой вдруг задрожали коленки: не просто ведь порог комнаты переступает. Целая жизнь остается за плечами. И любовь. Впереди – другой мужчина, которого она совсем не знает. Другая роль, для которой она не слишком подходит... Тоска.

И Алька поймала себя на мысли о том, что, если бы Мариус дал хотя бы призрачную надежду на то, что простил и что любит... Она бы тотчас развернулась и убежала бы к нему, пусть бежать пришлось бы босиком по камням.

Но он привел в дом другую. И теперь ей не оставалось ничего иного, как стать королевой.

Взгляд метнулся по комнате, которая оказалась небольшой, светлой и обставленной весьма скромно для королевского кабинета. Почему-то Алька ждала золото повсюду и драгоценные камни, а тут – незатейливая мебель, простые обои фиалкового цвета. Ярким апельсиновым пятном – бархатный абажур лампы на столе...

А за столом сидел Орвил Дей Флодрет. Неподвижно, сложив домиком тонкие, унизанные перстнями пальцы. Алька не удержалась, чтобы не разглядеть и его. Ведь тогда, на балу, некогда было рассматривать, да и все случилось так быстро. Орвил Дей Флодрет был красивым мужчиной совершенно неопределенного возраста. Пшеничный блондин с холодными голубыми глазами, гладким холеным лицом, сурово сомкнутыми губами и прямым узким носом. Алька подивилась разрезу глаз его величества – совершенно кошачьи, чуть приподнятые к вискам, они оставляли впечатление затаившейся опасности. Да, верно, короля и нужно было бояться.

Молчание затягивалось. Алька вдруг сообразила, что Орвил Дей Флодрет тоже разглядывает ее с интересом. Спohватившись, она сделала книксен. Услышала, как Фэй поприветствовал короля.

– Ваше величество, позвольте... вот она, принцесса земель за Пеленой. Еще раз приносим извинения за задержку. С тварями Роя

иногда так бывает.

Флодрет буквально сверлил ее взглядом, и Алька, не выдержав, опустила голову. Ей было чуточку страшно. Как у них все будет, у нее с королем? И... не хотелось. Внутри все переворачивалось от мысли о том, что теперь она будет просто королевой. Вещью, место которой на троне. Птицей, запертой в золотую клетку.

Послышался звук отодвигаемой мебели, король поднялся из-за стола.

Шаги. Твердые, решительные.

В поле зрения появились идеально сшитые королевские туфли. Обоняния коснулся тонкий пудровый аромат. Чужой аромат. Совсем не тот, который она любила и к которому прикипела сердцем.

– Рад приветствовать вас в землях Порядка, – сказал Орвил Дей Флодрет, – как вас зовут?

Она собралась с духом.

– Алайна, ваше величество.

– Алайна, – тихо повторил он, словно пробуя ее имя на вкус.

И затем:

– Оставьте нас, ниат Фэй. Я хочу поговорить с моей невестой.

Алька осторожно глянула в сторону мага – тот потоптался, затем бросил на нее предостерегающий взгляд и только потом неохотно вышел.

Флодрет прошелся по кабинету, обошел Альку по дуге, а у нее мурашки по коже – от острого, пронизывающего взгляда. Колючего, словно стеклянное крошево.

– Прошу вас, присядьте, – прозвучало из-за спины.

Алька покорно опустилась на краешек кресла и приготовилась слушать.

– Вам наверняка говорили, что это политический брак, – жестко сказал король, – к сожалению, те, кто причастны к трону, не решают сами свою судьбу. Я должен жениться, чтобы обеспечить мир между нашими землями... – он помолчал, обдумывая, затем продолжил, – вы должны понимать, ниата, что в нашем случае речи о любви не идет. Ваша задача – дать королевству наследника и тем самым скрепить наш союз. После этого... Вы можете удалиться в один из моих замков и проводить там столько времени, сколько сочтете нужным. Я не буду вас принуждать быть здесь, подле меня, если вам это будет неприятно.

Со своей же стороны я обещаю обеспечить вас должным образом, чтобы вы никогда ни в чем не нуждались.

Алька слушала молча, глотая слезы. Так вот какое замужество ее ждет. Просто родить королю ребенка – и все, можно отправляться восвояси.

Флодрет снова расположился за столом, сидел на стуле, откинувшись на спинку и сложив руки на груди.

– Уберите, пожалуйста, это ваше покрывало, – устало попросил он, – здесь не принято... так. И еще. Вечером будет прием в вашу честь. Я представлю вас двору.

Алька вздрогнула. Внутри словно стальная пружина сжалась, того и гляди, зазвенит от напряжения. Вот сейчас... одно, всего одно движение... И что дальше? Во рту собралась кислая слюна. Что сделает, что скажет король, когда узнает ее?

А может, и не узнает.

Они виделись на балу, его внимание было занято другими.

Стараясь, чтобы рука не тряслась, Алька дернула ткань, срывая покрывало с головы. Она подняла глаза и посмотрела прямо на Флодрета. А он словно окаменел. В кабинете внезапно повисло молчание. Тишина – такая густая, что собственное дыхание кажется грохотом.

Король приподнял брови. Взгляд резал по живому, губы сжались. Затем он процедил:

– Извольте объясниться, ниата. Что все это значит?

«Узнал», – подумала Алька.

Но почему-то именно осознание того, что Флодрет узнал в ней невесту Мариуса Эльдора, принесло внезапное облегчение. Словно тяжкий груз с сердца свалился и, казалось, хуже уже не станет. На самом деле она больше всего боялась того, что может произойти, когда все откроется.

Она невольно шмыгнула носом, поспешно сглатывая невыплаканные слезы.

– Что тут объяснять, ваше величество? – шепот с трудом выползал из горла и горечью оседал на губах, – я принцесса земель за Пеленой, дочь повелителя Сантора. Отец счел желательным, чтобы я вышла замуж за...

Флодрет грохнул ладонью по столешнице так, что стекла в окнах зазвенели.

И – очень тихо, едва слышно:

– Вы... вы же были на балу невестой магистра Надзора! Что это, ниата? Нелепая шутка? Так с королями не принято шутить! Можно, знаете ли, головы лишиться!

Алька поежилась, обхватила себя руками за плечи. Надо было что-то сказать. Глаза Флодрета из голубых сделались черными, зрачок поглотил радужку. Еще немного, и он сорвется.

И в то же время ее стремительно охватывала усталость.

– Никто не думал над вами шутить, ваше величество, – глухо сказала Алька, – просто... так получилось. Простите, если вас невольно обидели. Я... не хотела, чтоб все... вот так.

– А чего вы хотели? – прищурился король, – не молчите!

Алька понурилась, сглотнула. И внезапно почувствовала себя совсем маленькой и никчемной. Этакая букашка под монаршим каблуком. И ведь чувствовала, что все так и будет. Плохо, одним словом.

– Я... – взгляд скользил по столешнице, – я никогда не хотела выходить за вас замуж. Я хотела выйти замуж за Мариуса.

– И что изменилось? Что?

Алька прикусила губу. Сказать – невыносимо больно. И промолчать уже не получится.

– Я провинилась, ваше величество, – слова падали тяжело словно камни, – и ниат Эльдор вернул мне мою свободу.

– Потрясающе, – пробормотал король, – выглядит так, как будто я брежу. Вы не находите, ниата?

Алька молча пожала плечами. Она чувствовала себя усталой и измотанной. Очень хотелось спрятаться где-нибудь, подальше от обжигающего холода в глазах короля, подальше от придворных.

– А Мариус... Хм, тот еще... Я ведь с самого начала спрашивал, нет ли принцессы... И он промолчал.

Алька вздохнула. Что тут скажешь.

– Я могу приравнять это к государственной измене, – размышлял король.

– Не надо, пожалуйста. Не надо, – прошептала Алька, – я и так... я принцесса. И я здесь.

– Вижу.

Они помолчали. Алька сидела и смотрела на собственные руки. Смотреть на короля было стыдно и страшно.

Потом он снова поднялся, принялся ходить по кабинету у нее за спиной.

– Значит так, – наконец сказал Флодрет, – мы с вами поженимся. Все сказанное мной раньше остается в силе. Полагаю, вас это устроит. Сейчас вас проводят в ваши покои, Алайна, вы отдохнете, переоденетесь в платье, пошитое в соответствии с нашими традициями. А вечером прием все же состоится. И с магистром Эльдором я переговорю.

Алька обернулась. Король стоял точнехонько у нее за спиной, заложил руки в карманы и смотрел на нее с такой тоской, что в груди внезапно заломило.

«А он ведь неплохой человек, – подумала она, – а Фэй хочет, чтоб я его убила».

Алька невольно усмехнулась. Судьба ее ложилась не то что крутыми поворотами, а вообще зигзагами. Еще летом она воровала, чтобы прокормить себя и брата, а теперь вот станет королевой, пусть и против воли. Ну а Фэй – тот останется при своем. Она придумает, как выкрутиться.

Ее отвели в апартаменты, которые, судя по всему, в прошлом принадлежали жене Флодрета. Три просторных комнаты, из гостиной – большой балкон, выходящий в сад. Поскольку комнаты были на втором этаже, прямо за витражными окнами сплелись ветви деревьев, наверняка летом здесь будет темновато. Оставшись одна, Алька неспешно обошла покои, которые, судя по всему, теперь будут принадлежать ей. Стены были оклеены фиалковыми обоями, и в некоторых местах на обоях остались прямоугольные пятна, более темные. Скорее всего там висели картины, которые король приказал снять к приезду невесты. Возможно, то были портреты его умершей жены – тут Алька с тоской подумала, хорошо, что он их убрал. Созерцать покойную королеву было бы совсем тоскливо. Обходя по кругу широкую кровать под балдахином, Алька рассеянно провела ладонью по шероховатому покрывалу с вытканными зелеными листьями. Подвязанные золотыми шнурами занавески были из темно-

лилового бархата. Внимание привлекла щель в стене напротив, Алька подошла – оказалось, что там есть небольшая дверца, которая сейчас была заперта. Алька поежилась: тут и думать особо не нужно было, наверняка дверца соединяла королевские спальни.

Она побродила еще немного, предоставленная себе, рассмотрела маленькие вазочки из цветного стекла с фольгой, расставленные на трюмо, нашла выточенную из мрамора пудреницу, где на доньшке до сих пор белела пудра. Наверное, апартаменты готовили в спешке – в другой комнате Алька обнаружила на угловой полке вазу с засохшей розой. В остальном же все было чисто, опрятно. Белье в кровати пахло лавандой и было совершенно новым.

Алька уселась на кровать поверх покрывала и привалилась боком к деревянному столбику, поддерживающему балдахин. Думать о предстоящем приеме... совершенно не хотелось. На нее будут смотреть, ее будут обсуждать. А что, если там будет Мариус? Как она сможет это перенести? Ловить на себе его взгляд, а самой вышагивать рядом с королем?

Вздохнула.

Не будет Мариус на нее смотреть. Он ее оставил.

Она устало прикрыла глаза. Хотелось спать, но Алька понимала, что еще не время. Скоро придут будущие фрейлины – наверное, придут. Ей нужно будет переодеться, причесаться. Не так уж много времени осталось до вечера. А в груди все равно болит, эта незарастающая рана. Эх, Мариус, Мариус...

Потом в наружную дверь постучали. Алька подошла открыть и совсем не удивилась, обнаружив на пороге Лиара Фэя. Тот уже успел переодеться в привычный в землях Порядка мужской костюм – строгий сюртук, белая рубашка с ярко-синим шейным платком. Фэй был причесан, умыт и даже пах каким-то одеколоном, свежий, ненавязчивый аромат.

«Если бы не его намерения, пожалуй, он мог бы быть приятным», – рассеянно подумала Алька, пропуская его в гостиную. Потом она притворила дверь и выжидающе посмотрела на верховного мага.

– А здесь любопытно, – сказал он, осматриваясь, – меня тоже поселили в хороших комнатах. Архаанов я отправил обратно, думаю, пока они нам не понадобятся.

И ухмыльнулся. Алька покачала головой, подвинула себе стул и уселась. Ей по-прежнему хотелось спать, усталость брала свое.

– Его величество меня узнал, – сообщила она, – он вспомнил, что видел меня с... магистром Надзора. И тогда я была его невестой.

Фэй прошелся туда-сюда по комнате, раздраженно теребя манжету.

– Ну, так что с того? Жениться ведь он не отказывается?

– Нет, – Алька вздохнула, – не отказывается.

– Ну и ладно, – Лиар сунул нос во все комнаты, выглянул на балкон. На его губах играла самодовольная ухмылка, но Алька почувствовала себя настолько уставшей, что даже не злилась.

– Скоро придут служанки, помочь мне переодеться, – заметила она, надеясь, что Лиар Фэй уберется восвояси.

– Ну, как придут, так и придут.

Он сложил руки на груди.

– Я хочу вам напомнить, ваше высочество, что вы должны выйти замуж за Флодрета, а посему не разочаруйте его величество.

– Как хорошо, что вы мне это напомнили, – Алька вздохнула, – я помню, что вы здесь самое заинтересованное лицо.

Фэй хмыкнул, подошел к ней. Алька сидела на стуле, и только этой не позволило ей отшатнуться, когда верховный маг вдруг погладил ее по щеке. Пальцы были сухими и прохладными.

– Хорошо, что вы это помните. Как я уже говорил, я буду хорошим мужем, Алайна.

– Вы даже не поинтересовались, хочу ли я, чтоб вы были моим мужем, – она подняла взгляд, надеясь отыскать в лице Фэя хотя бы тень сомнений.

Не нашла.

Он улыбнулся чуть снисходительно, еще раз погладил ее по щеке и убрал руку.

– В вашем положении, моя милая, вашего мнения никто не спрашивает. Такова жизнь принцесс, не вы первая, не вы последняя.

– Идите уже, – пробормотала она, – если явятся фрейлины и застанут вас здесь, могут поползти неприятные слухи. Мужчина в покоях королевской невесты, ну, вы же понимаете? А его величество может оказаться чрезмерно ревнив.

– И то правда, – спокойно согласился Фэй, – что ж, еще увидимся.

Он ушел очень вовремя, потому что буквально через несколько минут к Альке снова постучались, и на сей раз в гостиную с поклонами потянулись служанки с ворохом одежды.

Альке было предложено для начала искупаться. Где? Да вот же, дверь в купальню. Оказалось, что дверь, которую Алька приняла за ход в спальню Флодрета, оказалась всего лишь дверью в прекрасно оборудованную ванную комнату. Алька хотела помыться сама, но ей ожидаемо не позволили, и, наверное, с полчаса ее терли губкой, мылили ароматным мылом и поливали приятно пахнущей чистой водой из кувшина. Потом ее завернули в огромное пушистое полотенце, уложили на кровать, натерли маслом с легким запахом корицы. Затем дело дошло и до нижнего белья. На удивление, оно было подобрано в размер, как будто король заранее запасался женским бельем на случай, если принцесса пожалует. Алька не удержалась и спросила об этом служанку, которая показалась ей старше прочих, да и вела себя соответственно, покрикивая на девушек.

– Так и есть же, новое, – с поклоном ответила женщина, – его величество за час перетряс все ближайшие магазины, что ближе к дворцовой площади.

Алька вздохнула и покорно отдалась в руки девушкам.

Платье, в которое ей предлагалось облачиться, было таким прекрасным, что просто дух захватывало: из атласа цвета топленого молока, лиф забран великолепным кружевом ручной работы, юбка пышная, с множеством оборок. Довольно низкий вырез смело открывал грудь, но Альке тут же подали несколько футляров с колье. Она задумалась: разве не должна она носить колье, данное родителем? Но ее сомнения тут же разрешили. Что вы, ваше высочество, голубой не подходит к цвету платья. Сюда лучше подойдут эти топазы цвета шампанского, а еще лучше – вот эти бриллианты. Алька подумала-подумала, и почему-то выбрала жемчуг, розово-золотистый, в пять нитей. Колье плотно охватило шею, красиво легло на грудь. Уши так и остались непроколотыми, поэтому пришлось обойтись без серег. Зато широкий браслет, тоже в пять нитей прекрасно смотрелся на тонкой руке.

– У вас нет колец, – заметила старшая, – сейчас пошлю кого-нибудь к его величеству...

– Не надо, – попросила Алька, – мне чужих колец точно не надо...

– Отчего же чужие, – весело сказали ей, – его величество пригласил во дворец лучших ювелиров Эрифреи. Ждут внизу. Колье вы уже выбрали, значит, его величество может его оплатить.

– Все равно не надо кольца, – взмолилась Алька. Ей вдруг стало невероятно стыдно оттого, что король одевает ее и обвешивает дорогими безделушками, словно куклу.

Не хотите колец? Как скажете, ваше высочество.

Наконец ей принесли туфельки, шитые из того же атласа, что и платье. Они оказались немного велики, совсем чуть-чуть, и Алька решила, что не беда, уж как-нибудь из них не вывалится. Она стояла перед высоким зеркалом, которое держали две девушки, и тут бы прыгать от восторга, от всей этой красоты, но почему-то не прыгалось. Она по-прежнему не могла себе представить, что кто-то другой, не Мариус, будет держать ее за руку, обнимать за талию...

Внезапно за ее спиной произошло какое-то движение. Алька обернулась и увидела Флодрета.

Он тоже был одет, темно-зеленый сюртук сдержанно поблескивал золотым шитьем на груди, ему вторил крупный изумруд в шейном платке. Светлые волосы были аккуратно зачесаны назад, открывая высокий лоб.

Флодрет окинул Альку беглым взглядом, кивнул каким-то своим мыслям.

– Вы прекрасно выглядите, ваше высочество.

Она растерялась. Вот сейчас... придется взять его за руку... наверное, нужно поблагодарить...

Присела в поклоне, немного неуклюже.

– Ваше величество, я... все это так красиво... спасибо. Мне, право, неловко.

– Бросьте, – Флодрет поморщился, еще раз оглядел ее. Холод в глазах. Разве так смотрел на нее Мариус? – Вы будущая королева, вам просто необходимо выглядеть достойно.

И протянул ей руку.

– Идемте, ваше высочество. Нас ждут в зале для приемов. Будут только самые близкие, самые верные...

Алька послушно вложила руку в пальцы короля. От волнения немного кружилась голова, и она попыталась дышать глубже. Вышли в

коридор. Флодрет шагал довольно быстро и, казалось, ему все равно, что она едва успевает.

– Постарайтесь улыбаться, – тихо попросил он, даже не глядя в сторону Альки.

– Хорошо, ваше величество.

От него пахло одеколоном. Чужой, непривычный запах. Нельзя сказать, что неприятный, но все-таки... Она не привыкла и не хотела привыкать. Мимо плыли стены, двери, лица. Алька торопливо облизнула пересохшие губы. Попить бы... Но поздно, раньше надо было просить. Главное, чтоб с высоко поднятой головой. Спину распрямить. Она же королева, будущая.

Наконец, с низким поклоном, лакеи распахнули перед ними высокие двустворчатые двери. В глаза брызнул яркий свет. Нестройный гул голосов вокруг, и отчего-то ощущение удавки на шее. Алька изо всех сил глубоко вдохнула. Перед глазами плясали черные мушки. Как сквозь вату – хочу представить вам мою невесту, залог мира между нашими землями.

Алька нашла в себе сил обвести взглядом зал. Придворных было не так, чтоб много. Роскошно одетые мужчины и женщины. Заметила Фаэра, который выглядел так, словно его как следует огрели по голове. Фаэр тоже был в темно-зеленом, цвета королевского дома, как и раньше. Взгляд Альки медленно полз по собравшимся. Флодрет говорил что-то. Она пыталась улыбаться и стоять с прямой спиной, гордо поднимая голову. А потом... увидела его.

Мариус Эльдор неподвижно стоял в самом конце зала, бледный, словно простыня, и буквально пожирал ее взглядом. Все внутри сжалось в тугий ком и ухнуло в ледяную бездну, а на щеках – жар, они просто горели. Удавка на горле затягивалась, неспешно и уверенно. Алька стиснула челюсти. Бежать, бежать отсюда, потому что нет сил его видеть, нет сил снова чувствовать то, как сильно привязалась к этому мужчине...

Но убежать было невозможно.

И выдержать его взгляд – тоже невозможно. Алька опустила глаза, вцепилась что есть сил в локоть Флдрета.

– Что с вами? – быстрым шепотом спросил король.

Она покачала головой. Что тут скажешь...

Флодрет проследил за ее взглядом, передернул плечами и больше ничего не говорил.

Алька осторожно покосилась на Мариуса – он все так же неподвижно стоял и смотрел на нее, сжав кулаки, напряженный, словно взведенная пружина. В его глазах бушевало темное пламя, и Алька почти чувствовала, как сама горит в нем и корчится в агонии. За что, Мариус? За что мне это? Неужели я была так виновата, чтобы вот так, теперь, только и смотреть издалека?

А потом откуда-то из толпы придворных вынырнула изящная девушка в темно-синем платье, золотоволосая и голубоглазая. Она спокойно подошла к Мариусу, положила руку ему на локоть и о чем-то с ним заговорила.

И именно в этот миг Алька поняла, что – все. Она не вынесет. Она просто умрет, потому что Мариус Эльдор своими руками выдрал у нее из груди сердце и растоптал его, разорвал в кровавые ошметки.

Она тяжело сглотнула. Перед глазами собиралась муть, и Альке начало казаться, что она плывет, плывет... А голоса постепенно отдаляются. И краски блекнут.

– Да что с вами, – раздраженно спросил Флодрет, прервав свою речь.

– Мне... нехорошо, – прошептала она, – простите, ваше величество.

Уплывать было неприятно. Перед глазами колыхалось серое нечто, и Алька с трудом осознала, что ее подхватили на руки и быстро куда-то понесли. Запах чужого, незнакомого мужчины просачивался в ноздри. Она с тоской подумала о том, что несет ее на руках не Мариус. Увы, он был занят.

Кажется, обморок отступил. По крайней мере, серая хмарь отхлынула, дышать стало легче. Алька съжилась на руках у короля, молча смотрела на его подбородок с едва пробивающейся светло-коричневой щетиной. Еще несколько минут он куда-то ее нес, затем ногой толкнул дверь. Они оказались в полумраке. Плотные шторы на окнах были задернуты. Алька с трудом сообразила, что он поднес ее к дивану, молча уложил, расправил подол платья и остановился над ней, уперев руки в бока.

– Вам лучше? Отвечайте, не молчите.

Она торопливо закивала.

– Простите, ваше величество. Не знаю, что это... Я давно не ела и... голова закружилась.

Король подошел к окну, резко раздернул шторы, и Алька поняла, что находится в небольшой гостиной, где помимо дивана стояли пара кресел, низкий столик и книжный шкаф. Несколько минут Флодрет молча стоял, глядя в окно, потом повернулся к ней и спросил:

– С вами такое часто бывает?

– Нет, нечасто, – Алька испуганно затрясла головой, – я здорова, честное слово!

– Тогда что это вас так повело?

В его голосе не было ни унции сострадания. Исключительно прохладный интерес к происходящему. Как же так, прислали принцессу, а она в обмороки падает.

Про себя же Алька подумала – неужели ему непонятно, отчего ей так плохо? Мариус, Мариус Эльдор был в зале... Был с другой. Невыносимо больно смотреть на это. А король вот не понимает...

– Простите, – прошептала она.

Прикусила губу, раздумывая, затем торопливо добавила:

– Мне уже лучше. Я сейчас встану, и мы сможем вернуться к гостям.

– Обойдутся, – резко ответил Флодрет, – лежите уж. Прикажу подать кофе и десерты. Вы слишком бледны. Может, у вас малокровие, а?

Алька пожала плечами. Она никогда не думала о том, что у нее может что-то болеть или быть неправильным. Но – ведь может быть все, что угодно?

– А можно позвать лекаря? – несмело предложила она, – нет, не обязательно сейчас. Как-нибудь потом... когда у вашего величества будет время.

Флодрет все еще стоял у окна, потом хмыкнул, задумчиво почесал подбородок и направился к книжному шкафу.

– Зачем нам лекарь? Мы и сами управимся.

Алька удивленно наблюдала, как король открыл один из ящичков шкафа, достал оттуда плоскую шкатулку, поставил ее на столик. Поймав Алькин взгляд, Флодрет вдруг улыбнулся – в первый раз тепло, не наигранно, а в голове Альки внезапно звякнул колокольчик

приближающейся опасности. Она подобралась на диване, готовая в любой момент вскочить и броситься вон... Хотя как тут сбежишь, в таком платье?

– Не бойтесь, – Флодрет деловито провернул ключик в миниатюрном замке и открыл шкатулку, – это совершенно безвредный артефакт. Сейчас мы кое-что проверим...

– Вы хотите узнать, здорова ли я?

– Угу.

В холеных пальцах короля появился артефакт, чем-то похожий на цветок гвоздики. Лепестки отливали медью, а из сердцевины торчали длинные усики с янтарными бусинами на концах. Альке показалось, что король смотрит на артефакт с тоской и как будто бы с нежностью, словно вспоминает что-то очень хорошее.

Он взвесил артефакт на ладони, глянул на Альку.

– Полежите спокойно, пожалуйста. Сейчас все выясним.

И, держа цветок щепотью, медленно повел им над распростертой Алькой, от головы к ногам. Ей почему-то было щекотно, как будто усики с бусинами касались кожи, и в какой-то миг Алька даже зажмурилась блаженно и тихо хихикнула. Казалось, невидимые усики щекочут бока. Флодрет выругался в сердцах, Алька огорошено уставилась на него и поняла, что король озадачен не меньше ее самой. Артефакт-гвоздика медленно раскрывался, алые и розовые блики скользили по медным лепесткам, перемежаясь с яркими синими искрами. Флодрет резко потрянул волшебным цветком и сияние погасло. Молча, поджав губы, он положил артефакт обратно в шкатулку, шкатулку поставил в шкаф и только тогда вернулся к Альке. Озадаченный и злой.

– Ваше величество, – тихо позвала она, – что со мной?

Флодрет вздрогнул, окинул ее долгим неприятным взглядом.

– Что? А-а, можно подумать, что сами не знаете.

– Не знаю, – голос сел от волнения.

Она в самом деле не знала, но почему-то в тот миг ей показалось, что происходит нечто ужасное.

Флодрет с грохотом подвинул себе кресло, пустился в него и устало уронил лицо в ладони.

– Не стройте из себя дурочку, вам не идет. И не делайте из меня идиота, мне это не нравится.

– Я... – Алька приподнялась на локтях, – я ничего такого... ваше величество...

Он поднял голову, сел ровно и посмотрел на Альку своими светлыми кошачьими глазами.

– Вы беременны, вот что с вами. Можно подумать, для вас это новость.

– Что?!! – выдохнула хрипло, – но...

На языке так и вертелось – не может быть!

И Алька сжала губы. Не может быть, как же. Когда женщина некоторое время близка с мужчиной, то очень даже может. И она думала об этом, но тогда... все казалось таким далеким, зыбким, почти невозможным. Да и вообще, разве мог в ней остаться живым ребенок после того падения? Она ведь... почти разбилась.

«Мог, – оборвала она себя, – если Мариус успел влить в тебя довольно магии, то ребенок мог и уцелеть».

Она невольно застонала. Понимание всего ужаса ситуации накрыло мутной, душной волной паники, Алька уставилась на короля, словно кролик на удава.

– Я не знала... простите.

– Простите, да, – ядовито прошелестел Флодрет, – и это все, что вы можете сказать?! Да пропади все пропадом, за что мне такое счастье? Я женюсь на вас, Алайна, и ребенок, которого вы родите, унаследует престол. Но вы родите не моего ребенка! Вам не кажется, что это уже чересчур?

– Не женитесь на мне, – ляпнула Алька первое, что пришло в голову, – я напишу письмо отцу, он поймет. И я уеду...

– Не дурите, – холодно оборвал ее король, – никто никуда не поедет. Будем делать то, что должны, понятно?

– Но как же...

И вся похолодела. Какая же она дура! Сейчас король предложит избавиться от ребенка, и будет в своем праве. Но как же... как убить в себе маленькую жизнь, все то, что осталось от их с Мариусом любви?

– Я не дам его убить, – горячо прошептала Алька, садясь на диване.

Флодрет смотрел на нее с усмешкой.

– Но я хочу, чтобы после меня на троне сидел мой ребенок. Мой, а не... кстати, чей он?

Алька мотнула головой. Нет, она просто не может продолжать этот разговор. Это невыносимо.

– Наш магистр – его отец, так ведь? – Флодрет нехорошо прищурился, – можете не отвечать. И это ничего не меняет.

– Вы его не убьете! – уже громко сказала Алька.

– Так любите своего магистра? – усталая, горькая улыбка.

– Какая разница, – она опустила глаза, все же не выдержала тяжелого королевского взгляда.

Флодрет встал с кресла, молча прошелся по комнате, изредка бросая на Альку неприязненные взгляды. Затем обронил:

– Хороша невеста, ничего не скажешь.

– Я и не собиралась быть вашей невестой, – твердо ответила Алька.

– Теперь уже не имеет значения, – король остановился посреди комнаты, – к сожалению, мы не всегда имеем право на привязанности. Послушайте меня, Алайна. Кто-нибудь еще знает о том, что вы носите ребенка?

Она сдавила виски, мотнула головой.

– Я и сама об этом только что узнала...

– Хорошо... Хорошо. Тогда, раз уж у нас все... вот так, я предлагаю вам вот что.

– Я не...

– Да помолчите, – рыкнул король, – никто не собирается убивать младенца. Вы вообще можете просто дослушать? Вы можете вынашивать этого ребенка, потом, когда станет заметно, уедете в мое поместье и там родите. Ребенка передадут кормилице. А вы вернетесь сюда, чтобы родить еще одного ребенка, теперь уже для меня.

Алька не верила своим ушам. Неужели... то, что он предложил, правда?

И ей будет позволено дать жизнь этому маленькому комочку счастья?

В душе горячей волной поднималась благодарность. Только вот...

– А я смогу видеть его, моего первенца? – тихо спросила она.

Флодрет пожал плечами.

– Почему нет. Я вам не враг. Можно сказать, я сам заложник... всего этого. Но ваш отец настоятельно советовал мне взять вас в жены, так что... отказываться вроде как глупо.

«Отец советовал», – Алька горестно вздохнула.

Сантор очень быстро придумал, кем заменить Мариуса... А Мариус очень быстро нашел, кем заменить ее, Альку.

– Спасибо, – она всхлипнула, чувствуя, как щиплет глаза, – спасибо вам. Пастырь да пребудет с вами, ваше величество.

И почему-то расплакалась. А в душе огневеющим цветком раскрывалась радость – оттого, что теперь у нее есть, кого любить, раз уж Мариус от нее отказался.

Глава 6. Дела Магистра

Тьма была мягкой и приятной. Покачиваясь на невидимых волнах, Мариус плыл и плыл, все дальше и дальше, но сожалений не было. Потому что в этой мягкой чарующей тьме он был не один, с ним была Птичка. Он слышал ее переливистый звонкий смех, ее бархатный шепот, от которого приятные мурашки по коже. Чувствовал, как тонкие пальчики касаются лица, гладят по лбу, по щекам, по губам. И так все это было хорошо и правильно, что ему хотелось остаться в этой сладкой тьме на века, и чтобы никто не мешал.

– Я тебя так люблю, Птичка, – сказал он, не опасаясь Магистра, потому что здесь его просто не могло быть, – дождись меня, прошу. И прости, что не мог рассказать тебе всего. Но я не позволю твари даже помышлять о том, что ты – моя единственная слабость.

Она что-то прошептала и снова погладила по щекам. Мариус хотел поднять руки, чтобы взять ее ладони в свои – но не смог. Тело не было послушно... Да и не было его, тела.

Страх был таким внезапным, острым, что Мариус даже не смог закричать. А в следующее мгновение его вышвырнуло из блаженной темноты, где с ним была Алька. Голову охватило злой, звенящей болью, он застонал, но тут же понял, что тело все-таки есть, и руки есть.

– Тише-тише-тише, – произнес рядом женский голос, который Мариус не смог узнать сразу.

Мягкая ладонь легла на лоб, женщина рядом удовлетворенно хмыкнула.

– Ну вот, так-то лучше. Жар спал.

И тут Мариус вспомнил. Подвал, себя самого, привязанного к доскам, голубую жидкость, вливающуюся в вену. Энолу Дампи.

Он с трудом разлепил веки. Энола склонялась над ним, без личины, растрепанная, на лице были написаны беспокойство и страх. Она улыбнулась и снова погладила его по лбу, а Мариус сообразил, что сама Энола одета в ночную сорочку и пеньюар, а сам он, похоже, лежит в собственной кровати.

«И как она меня сюда перетащила? – вяло подумал он, и тут же вспомнил про артефакт невесомости.

Глядя в темные глаза женщины, он облизнул совершенно сухие, растрескавшиеся губы.

– Вы меня почти убили, да?

Энола отпрянула, покачала головой.

– Но не убила же, верно? А так-то... да. Простите, Мариус. Но я сделала все, чтоб вас вытащить.

Он поморщился. В голове билась звенящая боль, от каждого движения перед глазами темнело. Он еще раз окинул взглядом Дампи. Она сидела на коленях рядом с ним, на кровати. За ней светлел прямоугольник окна. Выходило, что она просидела с ним всю ночь, вытягивая из небытия.

– Результат есть? От ваших изысканий? – тихо спросил он.

Энола пожала плечами, затем поднялась, отошла к столу, а вернулась с чашкой.

– Выпейте.

– Что это?

– Вода. Пить хотите?

Мариус очень хотел, поэтому не стал сопротивляться, когда Энола осторожно приподняла его голову и поднесла к губам чашку. Стало чуть легче, и он оперся на локоть.

– Про результат только вы можете рассказать, – спокойно продолжила Энола, – я так полагаю, что вы за слоем магии должны видеть теперь и слой астрала. Но все это мы попробуем чуть позже, верно? А сейчас... поднимайтесь, магистр. К вечеру нас ждут в королевском дворце.

– И что там? – сдержанно полюбопытствовал Мариус.

Он вслушивался в собственные ощущения, пытался понять, изменилось ли хоть что-нибудь. Все казалось вполне привычным... разве что... Резерв увеличился?

– Сегодня его величество представляет двору свою невесту, – голос Энолы дрогнул, она отошла к окну и отвернулась, так что Мариус мог видеть только ее прямую спину в белом шелке.

– Не скажу, что это меня радует, – добавила она, – так и хочется сделать с ней что-нибудь... гадость какую-нибудь. Чтоб он от нее отказался.

– Бедная девушка ни в чем не виновата, – усмехнулся Мариус.

Да, вне всяких сомнений, резерв вырос в разы. От этого было непривычно и немного больно, словно что-то растягивало его тело изнутри, пульсировало, требуя выхода. Побочный эффект от зелья Энолы? Или же необходимое условие для того, чтобы войти в астрал?

– Она-то ни в чем не виновата, – вздохнула Дампи, – но, если выбирать между ней и собой, знаете, себя все-таки жальче. Иной раз мне кажется, что это я сильно сглупила, когда пожалела нашего любителя орхидей. И до сих пор жалею, будь он неладен.

– Вы увеличили мой резерв, – подумав еще немного, поделился Мариус, – это так и должно выглядеть?

– А что, чувствуете?

Дампи обернулась к нему, на губах играла торжествующая улыбка.

– По тем книгам, по которым я все это готовила, было сказано, что есть пороговое значение резерва, с которым возможно пройти в астрал и не умереть. Позавчера... я попыталась ваш резерв нарастить. То же с вами, наверное, прежний Магистр проделывал, вы ведь были обычным ребенком, верно? А стали одним из самых могущественных магов. А теперь так и вообще самым-самым... Архимагом. Но все это лишь необходимое условие для того, чтобы попасть в астрал. Тот минимум, без которого никак.

Мариус сел на постели, спустил ноги на пол. Из одежды – только нижнее белье. Энола еще и раздела его, и заботливо одеялом укрыла... Он провалялся больше, чем одна ночь. Впрочем, увеличение резерва, н-да. Повезло, что вообще очнулся.

– Хорошо, – он кивнул, – тогда я буду вставать. Сколько у нас времени, чтобы подготовиться к приему?

...Потом она упорхнула к себе, чтобы одеться, а Мариус, кое-как облачившись в халат, сполз по лестнице на кухню. Там колдовала Телора, а за столом снова сидела Лива и рисовала. Пушистик разлегся рядом с ее листом бумаги, тихо похрюкивал, шевелил кисточкой хвоста. Телора наградила Мариуса совершенно нечитаемым взглядом, затем молча принялась ставить на стол кофейник, молочник, тарелку с оладьями, мисочку с вареными яйцами. От одного взгляда на еду мутило, но Мариус все же решил поесть, потому что королевские приемы – дело долгое и утомительное.

– Как спалось, ниат? – ехидно поинтересовалась Телора.

Понятное дело, ей не нравилось, что вместо Алечки здесь теперь живет другая девушка. И не просто живет, так еще и проводит с ним ночи.

Мариус пожал плечами. Он мог бы отчитать зарвавшуюся служанку, мог бы ее выгнать, но вместо этого подошел и погладил по голове девочку. Лива посмотрела на него благодарно и улыбнулась, а затем вдруг соскочила со стула и порывисто обняла за пояс, прижимаясь щекой к стеганой ткани халата.

– Лива! – поспешила одернуть Телора, – что ты делаешь?

– Не кричи, – Мариус гладил шелковистые волосы-пружинки, – она маленькая. Настродалась.

– Лишь бы вас не злило, – торопливо, оправдываясь, забормотала женщина, – вы ж ниат, к чему вам чужие дети?

– Мечтаю о своих, – буркнул он, все же отстранил Ливу и уселся за стол. Сам налил кофе в кружку, с наслаждением сделал глоток. Есть не хотелось, да, а вот кофейная горечь постепенно вымывала боль из головы.

Телора осторожно заметила:

– Так вам ничего не мешает вроде бы, детей сделать. Или ваша новая ниата неспособна?

– Не язви, – только и сказал Мариус, – и без того тошно. Ты не понимаешь... Я отказался от Алайны только потому, что рядом со мной ей опасно. Пока опасно. И, кажется, об этом я уже говорил.

Взгляд Телоры немного потеплел. Вытирая руки полотенцем, она подошла к столу, стала напротив.

– А... что вам... угрожает?

Мариус неопределенно махнул рукой.

– Тварь из астрала. Ну ничего. Я с ней разберусь.

– А эта ваша... новая девушка, откуда она? Упала, как снег на голову...

А вот об этом говорить он не имел права, потому что Телора могла сболтнуть Аманде, Аманда сходить на рынок и рассказать еще кому-нибудь...

– Так, в подворотне нашел, – вдохновенно соврал Мариус, – такая жалкая была, вся избитая. Придумаю, куда ее деть и отправлю прочь.

Наверное, Телора вполне удовлетворилась таким объяснением, она больше ничего не спрашивала, но смотреть и вправду стала как-то теплее. А может и хотела бы спросить, но на кухне появилась Энола Дампи в личине и легкомысленном платье с рюшами. Она сама взяла в буфете чашку, плеснула себе кофе – то, что осталось, потом уселась за стол рядом с Мариусом, взяла вареное яйцо и принялась его чистить. Телора быстро взяла Ливу за руку и увела с кухни.

– У меня на прием нечего одеть, – пожаловалась Энола.

– А вы туда собираетесь? Не бойтесь Фаэра?

– Мои артефакты – самые лучшие, самые надежные артефакты в Эрифрее, – строго сказала Энола, – личина надежно сидит, не волнуйтесь. Но мне очень хочется увидеть, на ком сподобился жениться Флодрет. Надо же, столько лет ему это не нужно было, а тут на тебе...

– Ну, увидите вы ее, и что с того?

– Я сделаю ее жизнь невыносимой, – хищно сказала Дампи, – эта красавица будет бежать из дворца так, что туфли на ходу потеряет.

– А вы коварная женщина, – Мариу с усмешкой тоже принялся чистить яйцо.

– Я все еще люблю этого идиота, который объявил меня преступницей, – проворчала Дампи, – впрочем, давайте с вами обсудим, что будем дальше делать. Можно попробовать сегодня вечером выйти в астрал, как вы на это смотрите? Хотя бы попробовать?

– Можно. Это можно.

– Если пойдете в астрал, мне останется доработать еще кое-что.

– И-и?

– Вашу способность выходить из тела и в него возвращаться. Готова поспорить, ваш магистр для такого вас не готовил.

– Видимо, ему это не было нужно, – заметил Мариус, – а вы-то откуда все это знаете?

Энола улыбнулась, и внезапно ее улыбка оказалась мягкой, мечтательной.

– Я наследственный артефактор. Моя семья занималась этим много столетий. Даже до того, как грянула та магическая война. Ну и накопилось изрядно знаний. Это очень легко, двигаться вперед, когда дорожка уже проторена, согласны?

Мариус вздохнул. Он, конечно, был с этим всем согласен. Но существование проторенной дорожки не отменяло выдающихся способностей самой Дампи. Если бы она хотела быть королевой, наверняка уже бы стала. Или же... попытка влиять на короля все же принадлежала ей?

– Поедем, куплю вам новое платье, – предложил Мариус, обрывая собственные мысли.

Пока что ему не хотелось думать о том, виновата ли Энола в самом деле. Помогает ему – и ладно. Надо победить магистра, а уж там будет видно, что делать с ниатой-артефактором.

Во дворец они попали ко времени, хвала Пастырю. Мариус мысленно проклинал тот миг, когда согласился ассистировать Эноле с подбором платья, потому что, прежде чем она его купила – насыщенного синего цвета, с вызывающе-глубоким декольте, с вышитыми по лифу легкомысленными цветочками – они обошли с десяток магазинов и примерили не меньше двух десятков платьев. И каждый раз Энола подходила к зеркалу, придирчиво осматривала себя и кривилась, было видно, что ей неловко и непривычно с этой личиной смазливой девчонки, и что привыкла она к себе совсем другой – взрослой и серьезной. Но, в итоге, платье все-таки было куплено. А Мариус ничего себе покупать не стал, подумав, что и так сойдет. В конце концов, не он же женится, а на то, что подумает о нем королевская невеста, ему сугубо наплевать.

И вот, наконец, они входили под высокие своды дворца. Рука Энолы, что лежала на предплечье, заметно подрагивала, и Мариус даже начал жалеть о том, что согласился взять ее с собой. Выдаст себя, как пить дать, выдаст. На ее шее не было артефакта личины, и Мариус невольно задумался, куда она его спрятала. Упаси Пастырь, еще потеряет.

– Обещайте мне, – тихо сказал он, – что будете вести себя спокойно, что бы ни случилось.

Энола взметнула на него горестный взгляд. Выглядела она совсем как обиженная воспитанница пансиона – такая юная, такая ранимая. И тонкие морщинки снова проступили сквозь личину.

– Я ничем себя не выдам, – прошептала она, – хоть мне и тяжело.

– Флодрет говорил, что вы были согласны играть роль фаворитки, – он сделал вид, что поправляет выбившийся из прически золотистый локон.

Ответом была кислая улыбка.

– Ох, Мариус... тогда я почему-то думала, что все будет просто, что я... переживу как-нибудь. А оказалось, что непросто, и что так больно...

Он ободряюще пожал ее руку, которая под личиной ощущалась гораздо крупнее.

Пошли дальше. Как понял Мариус, прием был рассчитан на небольшое количество придворных, по крайней мере, пока что по залам их было не много. Потом они столкнулись с Фаэром.

– А, магистр, и вы здесь?

Раскланялись.

– Его величество никому еще невесту свою не показал, – мерзко ухмыльнулся Фаэр, – мне вот тоже любопытно, кого это он решил осчастливить. Да, я тоже еще не видел. Надеюсь, нашу беглую ниату Дампи сердечный приступ хватит, когда новости до нее дойдут.

– А кто это? Кто это, дорогой? – пропищала Энола, хлопая ресницами и складывая губы бантиком.

Фаэр смерил ее прохладным и равнодушным взглядом и не счел нужным отвечать. Скорее всего, в его глазах очередная девка магистра была всего лишь очередной куклой для всякого рода игр.

– Вы позволите? – Мариус мягко отодвинул Фаэра в сторону. – Мы пойдем. Дорогая, идем, я поищу для тебя лимонад...

– Все там, идите, магистр, идите, – Фаэр махнул рукой и пошел дальше.

– Гаденыш, – пробормотала Энола и крепче ухватила за руку Мариуса.

Между тем все постепенно собирались в большом зале, где и до этого устраивались торжественные приемы. Мариус с Энолой тоже подошли, стали чуть в стороне, у окна. Энола сжимала в руках пустой стакан от лимонада и то и дело бросала взгляды на закрытые двери в противоположном конце зала. Затравленные такие взгляды, как у зверька, которого охотники загнали в угол. Ее хотелось как-то поддержать. Мариус понимал, отчего ей так плохо. Ему и самому ни разу не было хорошо – с тех пор, как оставил Альку во дворце

Сантора. Он молча положил руку ей на плечо. Горячие пальцы Энолы нашли его и легонько пожали.

– Ничего, со мной все хорошо, – выдохнула она. – Спасибо.

Она хотела еще что-то добавить, но ровно в этот миг появился секретарь и объявил:

– Его величество Орвил Дей Флодрет и его невеста!

Мариус с любопытством посмотрел на двери, которые нарочито-медленно отворялись. В самом деле, что за секреты? Что там за девушка, которую Флодрет решил сделать своей королевой?

Сперва в зал шагнул король. Мариус скользнул по нему взглядом, и внезапно понял, что его величество непривычно взволнован и чем-то раздражен. А потом на свет из полумрака коридора выплыла и невеста – в прекрасном светлом платье, в великолепных жемчугах.

«Хороша, – мелькнула мысль, словно серебристая рыбка в пруду, – губа не дура у Флодрета».

Он посмотрел в лицо королевской невесте, и в тот же миг почувствовал, как пол уходит из-под ног.

Первым порывом было – шагнуть вперед, сделать что-то... прекратить этот фарс.

Ведь это же... не может быть правдой, нет?

Остолбенев, Мариус стоял и просто смотрел. На свою любимую Птичку, такую нежную, такую прекрасную и такую родную. И ее рука почему-то – он все не мог понять почему – лежала в руке другого мужчины. Короля.

В груди сделалось невыносимо жарко и больно. Магия, просачиваясь из резерва, текла по рукам, вниз, к пальцам, чтобы сорваться смертоносным заклинанием и испепелить здесь всех и вся. А он смотрел – и не мог оторваться, не мог взгляда отвести. Пульс жахал в висках с устрашающей скоростью.

И тут Алька, которая до этого момента все опускала глаза, подняла наконец голову и посмотрела... прямо на него.

О-о, в ее глазах плескался океан боли, и Мариус с разбегу нырнул в него с головой. Руки пылали, магические потоки вились вокруг запястий, стекая по костяшкам кулаков. Алька, стоя подле короля, все смотрела и смотрела на него, ее губы дрогнули...

Он ведь убьет их всех, прямо сейчас. Если хоть кто-то обидел его птичку... И если даже это Флодрет, то он сдохнет первым. Мариус

замер – и не мог шевельнуться, не мог выдраться из ловушки ее взгляда, при этом чувствуя, как его буквально рвет на части.

Почему... у них все так? Кто виноват? Только он? Или просто так получилось?

Почему он сразу не женился на Альке, почему оказался таким дураком и послушался короля? А теперь вот... Флодрет прибрал ее к рукам и хочет сам жениться, но ведь видно, что Алька не хочет этого, видно, как ей плохо, как рвется на свободу ее отчаянное доброе сердечко...

Он вздрогнул, когда чья-то рука осторожно, но крепко перехватила предплечье. Бездумно посмотрел на Энолу – она показалась мертвенно-бледной, и личина плыла, менялась, сквозь нее прорывалось истинное лицо женщины.

– Мариус... – губы растянуты в искусственной улыбке, – не надо. Не сейчас. Услышьте меня, пожалуйста... Кому будет легче, если вы устроите тут бойню и сам умрете? Думаете, ей будет легче?

Каким-то чудом Энола догадалась, что его магия готова выплеснуться наружу.

– Пожалуйста, – горячо шептала она, – ну же... идемте, идемте отсюда. Хорошенького понемногу.

Он снова посмотрел на Альку, их взгляды перехлестнулись, стянулись огненной петлей под ребрами. И внезапно Алька пошатнулась, но тут же была подхвачена Флодретом. Все разом зашумели. Мариус неосознанно дернулся вперед, Энола всем весом повисла на его руке. Он уже повел плечами, чтобы ее стряхнуть, но...

– Умоляю... Стойте, пожалуйста. Мариус!..

Столько было отчаянной мольбы в ее голосе, что слова чудесным образом все-таки просочились в сознание – сквозь боль, сквозь бушующее пламя неприятия всего происходящего. Он снова посмотрел на Энолу и понял, что по ее бледным щекам пролегли мокрые дорожки. Слезы были настоящими.

Взглянул на короля.

Флодрет подхватил Альку на руки и торопливо шагнул прочь, в темный зев коридора.

Мариус ощущал, как натягивается шнур, которым туго обвязано его собственное сердце, как дергается и, с хрустом проламывая грудную клетку, выдирает кровящий, пульсирующий орган прочь.

Странно чувствовать, когда у тебя разодрали грудь и вышвырнули сердце наружу. И хочется поскорее сдохнуть, только чтобы не было всей этой боли, только чтобы не видеть и не знать, что Птичка будет женой Орвила Дей Флодрета.

– Мариус!

Острые ногти Энолы безжалостно впились в руку, она тянула его прочь из взволнованной толпы.

– Да идемте же...

В который раз ему захотелось стряхнуть с себя Энолу, но...

Внезапно тихий, шелестящий смех на самой границе сознания, который ему удалось расслышать. Было похоже на то, что тварь наблюдает за ним из астрала и от души веселится.

Мариус выругался, стиснул зубы. Нет. Как бы ни было тяжело, он отыграет свою роль до конца. А Птичка...

«Что ж, наши пути давно разошлись, – подумал он, четко формируя мысли. Так, чтобы их было легко читать, если кому захочется, – еще тогда, когда она по дурости меня предала».

– Идемте, в самом деле, – проскрипел он, делая шаг следом за Энолой, – ловить здесь больше нечего. Только мне бы хотелось дождаться, чтобы узнать, почему ей стало плохо. Я ж все-таки Магистр Надзора, должен знать, на ком женится король.

Энола молча кивнула и, схватив за руку, потащила следом за собой.

– Сейчас, – устало буркнула она, – найдем укромное местечко и поговорим. Вы меня изрядно напугали, Мариус... Я уж думала, что сорветесь.

Как-то... С большим трудом, но он все же не сорвался.

Плелся за Энолой, ничего перед собой не видя. Вернее, не так: перед глазами стояло бледное личико Альки, словно окруженное мягким перламутровым сиянием. Или это тяжелое жемчужное ожерелье так блестело, уже и не понять. Он стискивал челюсти до зубовного скрежета и заставлял себя не думать о ней. Просто. Ничего. Не думать. Потому что тварь, засевшая в астрале, могла почуять отголоски его мыслей, и тогда обман вскроется, и Алечка снова будет в опасности. А ему этого не нужно. Лучше потерпеть еще немного – хотя, видит Пастырь, это почти невозможно.

Энола затащила его в какую-то темную комнатку. Наверное, она не раз бывала здесь раньше, потому что вскоре замигал, а затем и ровно загорелся кристалл лайтера в медной подставке. Мариус огляделся: и правда, маленькая комнатка, похожая на комнату для отдыха. Диван у стены, у другой стены – трюмо, пыльное и пустое. Кроме подставки с лайтером нет там ничего.

Он обессиленно опустился на диван, откинулся на пухлую спинку и закрыл глаза. Боль, которую не изжить теперь так просто, пульсировала под ребрами и отдавалась в висках. Резерв, распухший, непомерно выросший, тоже толкался где-то внутри, магия, так и не получившая выхода, бурлила, перемешиваясь, отчего перед глазами вспыхивали и гасли разноцветные искры.

Мариус смотрел, как Энола Дампи мечется по комнатке, от стены до стены. Она то стискивала кулаки, то сцепляла пальцы в замок, временами останавливалась и трясла головой. Затем, наконец, повернулась к Мариусу.

– Н-да. Такого я не ожидала.

Он промолчал. Да и что тут скажешь.

– Что делать будем? – хрипло спросила она. Голос взрослой Энолы совершенно не вязался с ветренным обликом юной блондиночки.

– Не вреди ей, пожалуйста, – прошептал Мариус.

– О, Пастырь! – она заломила руки, – да ничего я ей не сделаю, конечно же! И любой другой девице ничего бы не сделала... То, что я размышляла о том, что заставила бы ее убраться, вовсе не значит, что я что-то собиралась предпринять. Я не делаю людям гадостей, ниат Эльдор. Видимо, поэтому люди делают гадости мне.

Мариус устало прикрыл глаза. Более всего на свете ему бы хотелось вернуть все назад, в то время, когда худенькая девушка с чернильной печатью во всю щеку просто работала у него дома. Если бы он не перевернул все вверх дном, если бы не занял место Магистра – а Магистр, соответственно, не ушел бы в астрал, то... Как-нибудь он и женился бы на Алайне Ритц, и печать Надзора ему бы не помешала – им бы не помешала просто быть счастливыми. А теперь вот... Что теперь? Он бросил свою птичку, и она собралась замуж за короля. А что такого? Она была совершенно свободна, так отчего бы не принять столь лестное предложение и не стать королевой?

– Мариус, – осторожно позвала Энола, – нам с вами надо что-то делать. Надо завалить этого вашего магистра и надо найти того, кто меня подставил.

Он согласно покивал и в который раз попытался выбросить Альку из головы. Его любимую Альку, которую он сам же и бросил.

А потом сказал нехотя:

– Она его не любит.

– Естественно, не любит! – взорвалась Энола, – и этот гад, который Флодрет, тоже ее не любит. Это договорной брак, о любви здесь речи не идет.

– Ну так, если он ее не любит, отчего вы тогда расстраиваетесь, – пробормотал Мариус.

– Мне совершенно не хочется, чтобы Флодрет изготавливал детей другой женщине. Как выяснилось, я весьма ревнива, Мариус. Собственница прямо-таки. Подозреваю, что и вам не очень хочется, чтобы вашей бывшей невесте заделал ребеночка другой мужик?

Он сквозь ресницы наблюдал, как она ходит из стороны в сторону, изящная и юная блондиночка. Только вот если присмотреться внимательнее, кукольное личико словно оплывает, и сквозь него прорываются истинные черты Энолы Дампи – совсем не детские, острые скулы, острый нос с горбинкой. Плывающая личина означала, что Эноле было очень, очень плохо. Да и ему самому было не слишком хорошо, что уж там.

Они посидели еще немного в потемках, потом Мариус решил, что можно вернуться домой, чтобы, как и планировали, попытаться добраться до астрала. Однако, стоило только вынырнуть в людные залы, как к Мариусу скорым семенящим шагом подошел седовласый секретарь.

– Магистр Эльдор? – строгий взгляд в сторону Энолы, презрительно поджатые губы. Ну как же, понятное дело, чем магистр Надзора мог заниматься с блондиночкой в темной комнате и наедине. – Я вас разыскиваю. С вами желает говорить его величество.

– Хорошо, я готов.

Он обернулся к Эноле.

– Погуляйте здесь, дорогая. Думаю, что это ненадолго.

Она усмехнулась и покачала головой.

– Буду вас ждать в зале с фонтаном, ниат.

И Мариус зашагал вслед за секретарем, который, хоть и был немолод, бегал весьма быстро.

Орвил Дей Флодрет ждал его в кабинете, там, где Мариус уже бывал и раньше. И, надо сказать, Флодрет пребывал в отвратительном настроении.

– А, вот и вы, – процедил сквозь зубы.

Он стоял у окна спиной к Мариусу, сложив руки на груди. Без сюртука, в одной лишь белой рубашке с подкатанными рукавами.

Затем повернулся, резко, всем корпусом. В кошачьих глазах полыхало тщательно сдерживаемое бешенство. И без предисловий –

– Я изъявлял желание жениться на принцессе крагхов, магистр. Давно изъявлял. А вы утаили от меня, что таковая имеется. В результате я поставлен в крайне неловкую ситуацию... Н-да. Совершенно неловкую и глупую. Какого крагха, магистр?! Что молчите, я с вами разговариваю!

Какого крагха, магистр.

Крагхов больше не было, а вот название как было ругательным, так и осталось.

Мариус устало посмотрел на бледного, с перекошенным лицом, Флодрета, и единственное, о чем спросил, было:

– Как она?

Флодрет, проходя мимо стола, с размаху хлопнул ладонью по столешнице. Крышка чернильницы испуганно звякнула.

– Как она?! И вы еще смее спрашивать? Вы, вы... знаете, я ведь ваше вот это молчание до поры до времени и нежелание говорить своему королю о том, что собираетесь жениться на принцессе, могу приравнять к государственной измене! Крагх! Магистр, да что вы на меня так уставились? Вы хоть понимаете, почему я недоволен?

Мариус призадумался. Да, наверное, у короля и в самом деле был повод беситься.

– Вы недовольны тем, что ваше невеста вряд ли девственница? – тихо спросил он.

– Что? – едва слышно переспросил Флодрет. А потом завопил так, что уши заложило, – Во-он! Пошел вон отсюда, и не смей мне на глаза показываться! Появишься во дворце – прикажу арестовать!

Мариус, чувствуя себя деревянной шарнирной куклой, кое-как поклонился и молча вышел. Но перед тем, как открыл дверь, услышал:

– Все с ней хорошо, Мариус. В отличие от вас, я буду ей хорошим мужем. А теперь с глаз моих долой. Слышите? Не смейте появляться во дворце.

Он пожал плечами и вышел. Вдохнул поглубже. Было не совсем понятно, отчего так взбеленился король. Нет, конечно же, у него были некоторые причины для недовольства, но, но... Мариус еще не видел Флодрета таким. Король почти не владел собой. На взгляд Мариуса, для этого было мало того, что Флодрету досталась чужая женщина. Должно было быть еще что-то... Но он не знал, что именно.

И, погруженный в свои раздумья, почти столкнулся с Фаэром.

Мариус шагнул в сторону, пропуская мимо королевского мага, но тот вдруг уцепился за рукав и потянул к себе.

– А-а, магистр Эльдор! Досталось вам, мм?

– Не ваше дело, – Мариус огрызнулся.

Пожалуй, с кем он не будет церемониться, так это с Фаэром. Мерзкий субъект. Вечно лезет туда, куда не просят. А толку, как показало нападение Роя, не слишком-то много.

– Послушайте, – сухо сказал Фаэр, – я уже знаю, что вы в опале, потому что его величество вынужден за вами подбирать объедки. Мало кому это понравится, согласны? Он, тварь, мстительный, и вам жизни теперь не даст. Может, одумаетесь и примкнете к нашему клубу? Нам нужны лояльные люди... А тем более, столь могущественные лояльные люди.

Желание отвесить Фаэру оплеуху, а еще лучше – магическую оплеуху, да с силой нового, расширенного резерва, было почти неодолимым. Но Мариус все-таки шагнул назад, выдернул руку из хватки Фаэра. Надо было... что-то сказать. И тут его словно что-то подтолкнуло.

– Отчего бы нет? – он ухмыльнулся, глядя в бесцветные, чуть навывкате, глаза Фаэра, – идемте, поговорим подальше от лишних ушей.

Помня, что Энола будет ждать в зале с фонтаном, Мариус первым двинулся в противоположную сторону, тем самым вынуждая Фаэра следовать за собой. Не нужно было Фаэру подолгу находиться рядом с замаскированной Энолой, потому что личина оказалась вовсе не так надежна, как хотелось бы. Так, молча, чувствуя меж лопаток колючий

взгляд королевского мага, он миновал людные залы, вышел на террасу, уводящую в парк. Уже стемнело, вдоль дорожек, путаясь в темных ветвях деревьев, яркими белыми жемчужинами горели светильники. С затянутого дымкой неба срывались мелкие капли. Мариус поднял лицо вверх и глубоко вдохнул свежего воздуха. Взгляд скользнул по стенам дворца, туда, где королевские покои... Туда, где Алька, уже не принадлежащая ему.

– Прогуляться решили? – хмыкнул позади Фаэр, – идемте, в самом деле, пройдемся. В такую погоду сюда никто и носа не высунет.

Опомнившись, Мариус поежился, запахнул на груди полы сюртука и по широким мраморным ступеням спустился на широкую и прямую дорожку, ведущую меж аккуратно, шарами, остриженных лип. Фаэр его догнал и пошел рядом, потирая руки.

– О чем вы хотели мне рассказать? – спокойно поинтересовался Мариус.

– Я как-то говорил вам, что не всем нравится Флодрет.

– Ну, так в чем же дело? – руки начали мерзнуть, сунул их в карманы, – вы достаточно могущественны, чтоб убрать короля. Тогда на престол, возможно, взойдет Леона, она еще совсем дитя, управлять ей – одно удовольствие...

– Но многим он нравится, – осторожно сказал Фаэр, – многие, как ни странно, согласны с тем, что после падения Пелены вовсе необязательно присоединять земли крагхов, невзирая на богатство их недр... А вы что думаете, ниат Эльдор?

– Честно говоря, я вообще не об этом думаю, – ответил Мариус.

И это было правдой. Уж о чем-о чем, а о сокровищах крагхов он не думал вообще. У него своих забот хватало: магистр в астрале, прячущаяся Энола Дампи, а теперь вот еще и Алайна, выходящая замуж за короля.

– Зря не думаете, – процедил Фаэр, – но в целом, ситуация такова, что многие весьма могущественные игроки, возглавляющие сильные рода, на стороне Флодрета. Именно по этой причине я пытаюсь собрать тех, кому Флодрет был бы не угоден. Вот вы, например. Что вы выиграете, если с королем что-нибудь случится?

Мариус пожал плечами и не ответил.

– Вернете себе свою девку, – за него ответил Фаэр, – нет-нет, ничего не надо говорить. Я далеко не дурак, магистр, я видел, как вы

сегодня на нее смотрели, не смотря на то, что завели себе какую-то шлюшку.

– А вы что получите, если переворот будет успешным? – поинтересовался Мариус.

Фаэр натянуто рассмеялся.

– Не знаю еще, магистр. Но кусок земель крагхов точно себе отхвачу, лишним не будет.

Они помолчали. В саду было тихо и безлюдно, только под подошвами скрипела каменная крошка. У Мариуса сложилось стойкое ощущение, что Фаэр привирает насчет своих личных планов, но он, само собой, ничего об этом не сказал.

– Хорошо, я вас понял, – Мариус улыбнулся, – то есть вы хотите, чтоб я поучаствовал в перевороте на вашей стороне?

– Вы все правильно понимаете.

– Но вы и без меня сильный маг. К тому же, у вас есть подчиненные... тоже маги. Зачем вам я?

– Не притворяйтесь, ниат Эльдор, будто не понимаете, – раздраженно ответил Фаэр, – у меня маги, а у вас – Святой Надзор. Если Святой Надзор будет на стороне нового монарха, никто и пикнуть не посмеет. Слишком свежи воспоминания о том, что делали в Надзоре с крагхами. Ну и в итоге все останутся довольны. Вы получите свою двуликую девку.

– А вы? Вы что получите?

– Я ж говорил, не знаю еще.

И Фаэр рассмеялся неприятным скрипучим смехом.

– Так вы с нами? – наконец спросил он.

Мариус остановился. Постоял, подставляя лицо редким каплям дождя. Здесь, в саду, дышалось глубоко и спокойно. Еще не было бы рядом Фаэра...

– Как вам удалось подставить ниату Дампи? – спросил Мариус, – это ведь ваших рук дело?

Он посмотрел прямо на Фаэра. Оценить сейчас его резерв не составляло труда, что Мариус не преминул сделать. Бросил тоненький, едва заметный щуп своей магии. Фаэр ничего не почувствовал, умения не хватило. А вот щуп... медленно, неохотно проваливался в резерв Фаэра, глубже, еще глубже...

«Ну ничего себе», – Мариус отдернул щуп.

По прикидкам выходило, что Фаэр сейчас едва ли уступает самому Мариусу. Ну, разве что самую малость. Любопытно, он с самого начала был таким? Или только теперь кто помог усовершенствоваться?

– Э, нет, – противным голосом сказал главный маг королевства, – вот вы прямо так и хотите, чтоб я все вам рассказал. Расскажу, как докажете свою лояльность.

Мариус пожал плечами. А в голове все крутилось – кто-то помогал Фаэру совершенствоваться. Кто?

– И как я могу это сделать? – спросил сухо.

Бледное лицо Фаэра вдруг осветила мечтательная улыбка, которая, однако же, в перламутровом свете фонарей показалась Мариусу зловещим оскалом.

– Давайте-ка подумаем, – хихикнул маг, – я должен быть уверен, что после этого... вы и весь ваш Надзор будет против Флодрета. Что бы такого предложить?

Он задумался на миг, а затем – почти радостно – выпалил:

– Пожалуй, для меня будет лучшим доказательством лояльности, если Леона Дей Флодрет внезапно умрет. Ну, знаете, дети – они такие. Вечно с ними что-то случается.

Мариус...

У него была отличная школа в лице старого магистра.

Он только сжал кулаки, до боли, до того, что ногти впились в кожу ладоней. Но кулаки были в карманах, и Фаэр ничего не заметил. Потом Мариус безмятежно посмотрел на своего собеседника – посмотрел так, словно они сейчас сидели в ресторане и обсуждали сорта вин десятилетней выдержки.

– Не стыдно вам? – спросил он, – Леона совсем еще дитя. Предложите что-нибудь другое, м?

– Нет-нет, – вкрадчиво возразил Фаэр, – смерть принцессы послужит отличным мерилем вашей лояльности, ниат Эльдор. А еще, вот именно сейчас, я при помощи специального артефакта записываю наш с вами разговор. Так, на всякий случай, чтоб вам не пришлось в голову пойти и кому-нибудь пожаловаться.

– А если я отниму этот ваш артефакт? – скучным голосом поинтересовался Мариус.

– Он продублирован в надежном месте, даже не мечтайте.

– У вас на службе хороший артефактор, не так ли?

Мариус помолчал, делая вид, что думает. На самом деле он уже решил, что сделает и что скажет. Но все должно было выглядеть очень правдоподобно: магистр святого надзора должен сомневаться.

– Вы мне все расскажете, – наконец процедил он, подлив в голос изрядное количество недовольства и раздражения, – о том, как вам удалось воздействовать на Флодрета, как подставили Энолу Дампи.

– Да какая вам разница?

– Ну, как же. Исключительно научный интерес, – Мариус хмыкнул, – вы забываете, что я все-таки маг, такой же, как и вы. Ну или почти такой же.

– Если Леона внезапно умрет, то я лично вам все расскажу, клянусь. Это и будет нашей сделкой.

– И вашей платой за лояльность Надзора, – добавил Мариус, – видите, я любопытен. Настолько, что готов обменять свои услуги на обычные знания.

Он развернулся и пошел ко дворцу, не дожидаясь Фаэра. Находиться рядом с ним было мерзко, Мариуса не отпускало ощущение, что он по шею погружается в отхожую яму. От такого не отмоешься, никогда... И что он скажет Эноле? И как будет смотреть в глаза Альке?

– Эй! – раздалось позади, – так вы согласны?

Мариус обернулся, проронил через плечо:

– Ждите новостей, Фаэр. Полагаю, скоро вы увидите доказательства моей лояльности. Но и вы поклялись, не забывайте об этом.

Мариус не спешил возвращаться к Эноле. Вряд ли она будет сильно волноваться, если он задержится еще немного. Поэтому, поднявшись по скользким от дождя ступеням, он пошел в направлении, противоположном тому, как следовало бы идти в зал с фонтаном. Он немного побродил по людным залам, подошел к столу с закусками и даже взял для вида бокал вина. За спиной трепетали шепотки – о том, что королевская невеста имеет слабое здоровье и, скорее всего, проживет не дольше, чем предыдущая жена Флодрета, да и еще большой вопрос, сможет ли она выносить и родить здорового ребенка его величеству. Еще поговаривали о том, что казна не так

полна, как того бы хотелось, а король отказывается выбивать из крагхов золотые рудники. И о том, что вот таким вот отношением к государству Флодрет некоторых обидел, и в то же время позволил некоторым родам увеличить состояние за счет новых способов производства тканей. В общем, много что обсуждалось в топе придворных. Мариус постоял то тут, то там, убедился, что поблизости нет ни одного мага, а затем незаметно, бочком-бочком, нырнул в пустой и темный коридор, уводящий прочь от общих залов. Туда, куда мало кому из придворных позволено ходить, на королевскую половину.

Ему очень хотелось увидеть Альку. Хоть бы одним глазком, хоть бы на мгновение. Убедиться, что с ней все хорошо, и что обморок был всего лишь результатом тяжелого дня и перенапряженных нервов. Он твердо решил, что даже приближаться к ней не будет, просто посмотрит – и уйдет. И очень хотелось верить, что его сознание будет в этот миг закрыто от старого магистра, что тянул свои костлявые руки мертвеца сквозь астрал.

После разговора с Фаэром Мариус чувствовал, что все постепенно движется к своему логическому завершению. Осталось только удовлетворить требование Фаэра, а затем записать при помощи артефакта его признание и отдать Эноле. Что дальше с Фаэром? Мариус мог его казнить на месте. Или отдать королю. Но сперва нужно узнать, где Фаэр разжился таким резервом. Возможно, он тоже сотрудничает с артефакторами? Ведь не просто так Флетч занял место Дампи и сам теперь представитель артефакторов при короле. А если у этого Флетча такая же семья, как у Дампи, то и книги древние наверняка могут найтись.

Мариус беспрепятственно добрался до крыла, в котором располагались королевские покои. Пару раз его останавливали гвардейцы, но затем, узнавая Магистра Надзора, позволяли пройти. На вопрос, что он тут делает, Мариус невозмутимо отвечал, что разыскивает его величество по важному государственному вопросу. И вот, наконец, лестница привела его к началу очередной анфилады залов. Двери повсюду были распахнуты, и у каждой замерла пара гвардейцев. Мариус остановился. Он плохо знал дворец, но надеялся, что пришел в правильное место, и дальше действительно начинались королевские покои, и где-то там была и Алька.

Но дальше его попросту не пустили. Его величество приказал – никого. К сожалению, магистр, это и вас касается. Он не стал спорить. В конце концов то, что гвардейцы столь усердно несут службу, говорит о том, что Флодрета хотя бы охраняют, а это уже хорошо, учитывая намерения королевского мага.

Вздыхнул.

Смерть Флодрета, похоже, была только вопросом времени.

Когда Фаэр все подготовит, заручится поддержкой всех нужных людей, то попросту убьет любителя орхидей. Принцессе так и вообще полагалось умереть куда раньше.

В итоге, немного поприпиравшись с охраной и досадуя на то, что не догадался попросить у Энолы какой-нибудь полезный артефакт, отводящий взгляд, он развернулся и двинулся прочь. При этом, правда, вниз пошел по другой лестнице, надеясь таким образом сразу попасть в зал с фонтаном.

Лестница была темноватой, со скользкими, стертymi ступенями, и это было странно, почему ее не поддерживают в должном состоянии. В самом сердце, считай, дворца – и вот такое, что подошвы скользят.

Опомнился.

Обозвал себя идиотом.

Открыл магическое восприятие мира, обернулся к началу лестницы – и покачал головой.

В самом деле, дурак. Надо же смотреть, куда идешь.

Начало лестницы, куда он вошел, было сплошь заплетено конструктами магической энергии, иными словами, лестницу эту вообще никто не должен был видеть. Впрочем, установленные конструкты оказались не без изъяна: сам Мариус вход на лестницу увидел, но лишь потому, что... если присмотреться... прячущие конструкты были настроены так, что пройти могли вполне определенные люди, их отпечатки были вплетены в заклинание. Флодрет, Фаэр, еще несколько незнакомых Мариусу придворных. Прислуга. А в одном месте все же сыграла неравномерность расстановки конструктов, и Мариус, будучи сильным магом, в эту лазейку и попал.

– Любопытно, – пробормотал он.

И дальше шел уже очень осторожно, внимательно глядя себе под ноги и стараясь не задеть какой-нибудь сигнальный конструкт, или,

упаси Пастырь, ловушку, оставленную вот для таких, как он.

Лестница заворачивала широкой спиралью. Мариус, останавливаясь, прислушиваясь, крался все ниже и ниже.

А потом вдруг услышал... как будто плач.

Кто-то тихо рыдал, звук разносился по лестнице и как будто просачивался сквозь стену.

Остановившись, Мариус еще раз внимательно осмотрелся. Выходило, что было много интересного в королевском дворце. И отчего он так редко бывал здесь раньше?

И тут же, молнией, пугающая мысль: теперь во дворце будет жить Алька. А что, если это неведомое создание, что рыдает где-то поблизости, опасно?

А Флодрет... хитрый сукин сын. Что-то прячет, что-то такое, что полагается видеть только избранным. Но что?

Мариус медленно пошел дальше, ведя кончиками пальцев по стене. Магическое зрение чуть плыло от напряжения, за слоем магии ярко полыхала граница астрала – после манипуляций Энолы она как будто приблизилась, и теперь даже мешала.

Стоп.

Он остановился резко, но вовремя, едва не задев распластанную по стене, мастерски подготовленную ловушку, связанную сигнальными нитями с другой ловушкой. Прищурившись, Мариус оглядел цепь довольно мощных конструкторов. Пройти сквозь них незаметно не получалось, слишком частые, слишком мощные. И в отпечатках доступа – только Фаэр, Флодрет и еще одна женщина, пожилая, которую Мариус не знал. Он взгляделся в отпечаток, надеясь рассмотреть получше сущность незнакомки, но если Флдрета и Фаэра он и так узнал, потому что был с ними знаком, то с женщиной все обстояло безнадежно плохо: невозможно, не видя ранее человека, узнать отпечаток его сущности.

Тем временем плач, просачивающийся сквозь стену, утих, а потом сменился на тоскливый вой, как будто выла собака.

– Твою мать, – в сердцах прошептал Мариус.

Идти дальше? Снимать ловушки?

Чисто теоретически, он мог это сделать. Но восстановить все до того состояния, чтобы никто не догадался, что здесь похозяйничали гости, вряд ли получится.

Да и кто мог установить эти ловушки?

Скорее всего, Фаэр.

Мариус покачал головой и, совершенно раздосадованный, медленно пошел обратно. Вопросов к королевскому магу становилось все больше. Да и к самому Флодрету они тоже появились. А теперь еще и Алька во дворце. Думал, что она будет в безопасности без тебя? Получай, Мариус Эльдор. Все ты сделал неправильно. Потому что неясно, что здесь было опаснее: старый свихнувшийся магистр, желающий заполучить его тело, или Фаэр, устроившись во дворце паучье гнездо. Кого они могли держать в этой скрытой части дворца?

Энола, как и обещала, прогуливалась по залу с фонтаном. Мариус увидел в ее руках тарелку с канапе. Энола задумчиво брала их, точно так же задумчиво жевала, глядя куда-то сквозь стены. Фонтан, построенный в центре зала, тихо журчал, вода играла бликами в свете сотен мелких лайтеров, развешанных по периметру зала.

– Алисия! – позвал он, подходя.

Как и следовало ожидать, Энола не шевельнулась, не привыкла еще к новому имени. Пришлось аккуратно взять ее под локоть, женщина вздрогнула, едва не выронила тарелку.

– А! Вы, магистр...

– Что ж вы на свое имя не откликаетесь, – проворчал Мариус, – поехали домой.

– Новости есть? – блондинка захлопала золотистыми ресницами.

Мариус поморщился, потянул ее к выходу.

– Идемте. Есть новости. И все они – так себе.

Уже потом, оказавшись в темной карете, когда мимо окон поплыли богатые фасады домов, что поблизости от дворцовой площади, она сразу же задала вопрос:

– Как... он?

Мариус досадливо цокнул языком. Ну конечно, Энола только про своего короля и думает.

– Флодрет? Да он-то как раз в полном порядке.

– Не злитесь, – Энола тронула его за рукав, – мне беспокойно. Он же как ребенок, только выросший.

– Ну, понятное дело. Ваш мальчик, – хмыкнул Мариус, – я говорил с Фаэром. Похоже, он откроет мне, как именно вас подставил

в обмен на одну маленькую услугу.

– И какую же?

Они сидели рядом, карету чуть потряхивало на мостовой, и если бы кто их увидел, то непременно принял бы за супругов, возвращающихся с бала. Маленькие общие тайны, разговор, когда многое уже понятно и без слов...

– Потребовал в обмен на свои секреты убить Леону Дей Флодрет, – беспечно сказал Мариус.

Энола вздрогнула всем телом и резко отстранилась, словно хотела рассмотреть в потемках выражение его лица.

– А вы? – одними губами, едва слышно.

– Не вижу причин отказывать. Мы ж хотим выяснить...

– Вы этого не сделаете, – потрясенно пробормотала Дампи, – Леона – несчастное дитя. Моя безопасность, мое место рядом с тронем не стоят ее жизни.

– Еще как сделаю, – заверил Мариус, – а вы мне поможете.

Энола ничего не ответила, видимо, прикидывая в уме, что тут можно придумать и не шутит ли ее деловой партнер. Затем прошептала:

– Вы хотите двойника? Но Фаэр может учуять подвох, он все-таки маг.

Все-таки Энола Дампи была умной женщиной и очень быстро изучила магистра Надзора.

– Маг, и не слабый, – согласился Мариус, – хотел бы я знать, кто ему наращивал резерв.

– Не я, точно, – в голосе Энолы послышалась усмешка, – но, однако... изготовить двойника Леоны будет непросто.

– Вот дома и обсудим, что мы сможем сделать...

Некоторое время ехали молча, затем Мариус сказал:

– Вторая новость, Энола. В королевском дворце есть скрытые комнаты и скрытая лестница. Доступ открыт только Флодрету, Фаэру и какой-то служанке. Там кого-то держат, и я не могу понять, кого. Не получилось добраться.

– Ничего такого не видела.

Голос Дампи прозвучал искренне и растерянно.

– Флодрет вам ничего не говорил, м? Ничего такого? Возможно, секретные комнаты как-то связаны с оказанным на него воздействием.

Вы ведь сами говорили, что для воздействия нужна кровь Флодрета... Либо близкого родственника?

– Вот так и доверяй людям, – недовольно буркнула Дампи, – я к нему с открытым сердцем, а он...

– Возможно, было такое, о чем он намеренно не хотел вам говорить. Возможно, он боялся вас потерять.

– Мариус, – почти простонала Энола, – он не побоялся объявить меня государственной преступницей, а вы говорите, боялся потерять...

– Боюсь, мне придется туда вернуться.

– Возможно, Фаэр сам вас туда отведет, если только...

Наверное, она хотела сказать – если только уверует в гибель Леоны Дей Флодрет.

Но не успела.

Карета дернулась, опасно накренилась. Они полетели вперед, на мягкое сиденье, Энола вскрикнула испуганно и завозилась, пытаясь подняться, путаясь в пышной юбке. А Мариус, удачно упершись руками в спинку кожаного дивана, в следующий миг уже выбил дверцу и выскочил наружу. Магия, чистая, огненная, обвила парой хлыстов руки. Тело действовало быстро, гораздо быстрее мыслей. Он лишь услышал, как закричал кучер, а затем – жуткий, хлюпающий звук рвущейся плоти. Прямо под ноги плеснуло кровью, щедро так, заливая туфли и штанины брюк. Мариус вскинул взгляд – все это заняло меньше секунды – и увидел.

Над обезглавленным телом кучера, на корточках, сидела тварь.

Судя по всему, раньше она была человеком, о чем говорили обрывки одежды, а также наличие рук, ног и головы. В неверном свете далеких лайтеров Мариус отметил полное отсутствие век, ключья темных волос, торчащие во все стороны. Слишком длинные пальцы. Когти, хищные и загнутые. И рот, полный игольчатых зубов, похожий на страшную рубленую рану, от уха до уха.

Еще через мгновение тварь прыгнула на него.

А он ударил в нее заклинанием-лезвием, которое, прорываясь из магического восприятия действительности, сверкнуло в ночи ярко-зеленой вспышкой. Бешено вращаясь вокруг своей оси, вспарывая со свистом воздух, а заодно и половиня тело твари.

На стенки кареты еще раз плеснуло, даже не кровью, жирной черной жижей. И тварь, взмахнув жуткими руками, медленно осела.

Уже мертвая, уже перерубленная пополам.

Мариус быстро огляделся, и, сообразив, что заставило кучера резко останавливать коней, метнулся вперед. А вдруг чем-то можно помочь?

Прямо на дороге распростерлось тело. Снова женщина. Но теперь хотя бы целиком. Молодая, совсем еще девчонка. И темные глаза застыли, смотрят в усыпанное звездами небо. А на животе платье все черное, набухшее кровью. Мариус пригляделся и понял, что даже платья там нет – просто дыра в животе. Пустая дыра.

Он сплюнул под ноги и пошел обратно к карете. Хорошо еще, что вышколенные кони в наглазниках стояли смирно и не понесли, хотя было видно, что они нервничают. Учюали кровь, почувствовали присутствие хищника рядом.

– Мариус? Что там? – испуганно позвала Энола.

– Сиди там, не выходи! – рявкнул он.

Не нужно Эноле видеть все это. Вон, едва с прошлого раза оклемалась.

А сам двинулся туда, где половина тела твари медленно сползала на дорогу. Мариус, не прикасаясь к ней, обошел, чтоб заглянуть в лицо. Почему-то хотелось увидеть, что ж это было на самом деле.

И невольно отпрянул. Мгновенно вспотев, сперва попятился, но потом все же нашел в себе силы. Протянул руку и, запустив пальцы в жидкие волосы, дернул на себя костлявое тело.

Черты убитой твари оплывали, как будто снизу, сквозь толстый слой воды, поднималось другое лицо. Стиснув зубы, Мариус дождался, когда лицо мертвеца окончательно примет знакомые формы. Теперь на него мутными, невидящими, гноящимися глазами смотрел сам Магистр. И – на границе сознания тихий шепот.

«Отдай свое тело. Отдай-отдай-отдай».

– Ну так приходи и заberi, – прохрипел Мариус и плюнул в ненавистную белую маску.

Он отшвырнул тело твари, еще раз посмотрел на убитую женщину, на убитого кучера. Голова бедолаги валялась где-то под колесами кареты. Надо было поторопиться в святой Надзор, пока сюда не притащился Фаэр с его ребятами.

Мариус подошел к распахнутой и повисшей на петлях дверце кареты, заглянул внутрь. Там, свернувшись клубочком на диване и

зажав руками уши, сидела Энола. Она подалась к Мариусу, едва его завидев.

– Что там?

– Вам лучше не знать и не видеть, – он пожал плечами, – надо бы удвоить наши с вами усилия... Пока Магистр не выкосил всю Эрифрею.

– А теперь... что теперь? – едва слышно прошептала она, глядя на Мариуса широко распахнутыми глазами.

– Теперь в Надзор, звать на помощь. Такого не утаишь, Энола.

Глава 7. Алька и король

После того вечера как-то внезапно все ее оставили в покое. Словно забыли о том, что вот она, королевская невеста. С другой стороны, а что с этой невестой делать? Будущий супруг не стремился к общению, видать, до сих пор находился под впечатлением от столь пикантного сюрприза. Лиар Фэй передал Альке записку, что вынужден на некоторое время отбыть по делам к Сантору и будет отсутствовать дней десять. Единственная, кого Алька пока что наблюдала постоянно – молодая горничная, примерно тех же лет, что и сама Алайна. Несколько раз Алька пыталась с ней заговорить, но девушка отмалчивалась. Алька махнула рукой и свои попытки завести хоть какую-нибудь подружку бросила.

Она была совершенно одна во дворце, полном людей. Первые два дня скучала и страдала. Потом погрузилась в собственные мысли и немного успокоилась. Она думала о том, что у теперь у нее будет ребеночек, и что каким замечательным человеком оказался король, что позволил ей этого ребенка оставить, дать возможность родиться. Уже только за это она была готова быть хорошей женой и примерной королевой. Кто-нибудь другой обязательно бы потребовал от ребенка избавиться, а Флодрет... странно, правда? Но, похоже, под ледяной внешностью короля скрывался глубоко чувствующий и незлой мужчина. Было бы правильным сделать шаг навстречу, попытаться как-то поговорить... слово «подружиться» казалось неуместным. Но король не приходил и никуда ее не звал. Ходить на прогулку не запрещал, но Алька не знала, куда и с кем идти, а потому целыми днями просиживала к своих покоях. Хорошо еще, что горничная согласилась принести ей бумагу, перья, уголь. И Алька начала рисовать...

На большом листе дорогой бумаги появилось роутонское поместье, старый дом с седой крышей в обрамлении раззолоченных яблоневых ветвей. Потом – Робин и Марго. Зачем-то нарисовала Кьера, и на портрете он как будто помолодел, выглядел довольным и счастливым. А потом, на чистом листе, появилось лицо человека, которого она одновременно хотела забыть – и одновременно

воскрешала в памяти. Широкий лоб. Пересеченная шрамом бровь. Выразительные глаза, темные, блестящие. Коротко, ежиком, остриженные волосы...

Алька вздохнула. Потрясла уставшей рукой. Подумала – а что было бы, узнай Мариус о ребенке? Обрадовался бы? Вряд ли... Да и как ему теперь скажешь, она пообещала его величеству никогда и никому не говорить...

Перешла к нижней части лица. На бумаге медленно проступал прямой нос с небольшой горбинкой, упрямо сжатые губы. Аллька рисовала, устроившись у окна, тихо глотая слезы. Вот уж и правда, нужно забыть – и не получается, совсем. Не хватает его тепла, его объятий...

Когда на плечо тяжело легла чья-то ладонь, Аллька взвизгнула, подпрыгнула, рассыпав угольки и опрокинув стул. Когда обернулась, кровь ударила в голову, щеки запекло. Рядом с упавшим стулом стоял король и удрученно смотрел на Алльку. Потом молча наклонился, поднял стул и упавший неоконченный портрет. Посмотрел на рисунок и подал Алльке.

– Ваше величество, – опомнившись, она сделала книксен. Приняла рисунок из рук короля и стыдливо положила его на подоконник, изображением вниз. Нехорошо как-то, она скоро выйдет замуж за этого мужчину, а рисует лицо мужчины совершенно другого.

– Ваше высочество, – он как будто передразнил ее и кивком обозначил поклон, – я наконец изыскал время, чтобы пригласить вас на прогулку, – взгляд скользнул на злополучный портрет, – но вижу, что вам и без моего общества не скучно.

Алька ощутила, как по спине стекает капля пота.

Она ведь привыкла, что король – где-то там, далеко, а она всего лишь невеста Магистра. А вот теперь – вот он, Орвил Дей Флодрет, и, похоже, она умудрилась его обидеть.

– Простите, – пробормотала она, не смея поднять взгляда, – но мне действительно было нечем заняться. У меня нет здесь занятия, ваше величество, и я...

– Ладно, – Флодрет вздохнул, – я все понимаю. Ну так что, выйдем в парк на прогулку?

Алька нерешительно подняла голову: король смотрел на нее... и как будто сквозь нее. И стало понятно, что на самом деле ему

совершенно наплевать на то, что она там рисует. Да и на саму Альку наплевать, и вся эта женитьба – ну, потому что так надо.

– Спасибо, ваше величество, – выдохнула она, – конечно, я с радостью прогуляюсь с вами.

Хотела было подобрать угольки, но Флодрет мягко удержал ее за руку.

– Прислуга соберет. Идемте. У меня не так чтоб много времени, Алайна.

И они пошли. Только перед этим Флодрет заставил ее накинуть плотную шаль, потому что хоть и оттепель, но подхватить простуду проще простого. А вам болеть нельзя, потому что целители целителями, но кто знает, как магические контуры повлияют на ребенка.

Они спустились на первый этаж, а оттуда, по широким ступеням – в парк.

Стоял блеклый зимний день. Небо было затянуто серой хмарью, и оттуда сыпалась водяная труха, шаль пришлась очень кстати. Под подошвами туфельек хрустел мелкий гравий, которым были отсыпаны дорожки, а в лицо веяло сыростью и весной, хотя до весны еще было время.

Они шли без охраны. Алькина ладонь лежала на предплечье Флдрета, если пошевелить пальцами, то под пальцами ощущается плотная шерстяная ткань королевского сюртука. От короля немного пахло одеколоном, непривычно. От Мариуса всегда – кофе и горький шоколад, а тут как будто лимоны и какой-то непонятный пудровый аромат. Шли медленно и молча. Алька время от времени косилась на Флдрета, ловила себя на том, что взгляд у его величества совершенно отсутствующий. Думал он... конечно же, не о ней. О государственных делах. Может быть, о своей любовнице, наверняка таковая имелась. Но отнюдь не о женщине, на которой собрался жениться.

Наконец король вздохнул, как будто поежился и повернулся к Альке.

Смотрел... Алька могла бы этот взгляд назвать «полный ледяной нежности». Вроде как и доброжелательно, и даже нежно – насколько это вообще возможно по отношению к женщине, беременной от другого – но все перебивал лед.

Он явно не знал, с чего начать.

Но потом, собравшись с мыслями, мягко спросил:

– Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, хорошо, – механически ответила Алька.

Конечно, хорошо, если не считать, как рыдает истерзанное сердце.

Король накрыл ее пальцы своей ладонью, сухой и прохладной.

Погладил по пальцам.

– Вы... никому не сказали?

Она лишь покачала головой.

– Зачем мне это, ваше величество? Мне казалось, что мы с вами договорились...

– Да, верно... – и снова молчание.

Они свернули в аллею, по обе стороны которой росли старые липы, кронами смыкаясь над головой. Ветви были голыми, мокрыми и черными, сквозь них просачивался серый свет зимнего дня. А детом здесь наверняка сумрачно.

– Расскажите, как жили крагхи, до того, как Пелена упала, – вдруг попросил король.

Алька пожала плечами.

– С радостью, ваше величество. Но я не так уж много знаю об этом. Я ведь родилась в землях Порядка, и о том, что принцесса, узнала после того, как познакомилась с...

Осеклась. Осторожно глянула на Флодрета – тот с вежливым вниманием смотрел на нее и ждал продолжения. В общем, ему было все равно, с кем там знакомилась Алайна Ритц.

– В общем, я жила у крагхов совсем недолго, – торопливо попытожила она.

– Все равно, расскажите, – попросил Флодрет, – знаете, как бывает... мне не с кем поговорить. Всем от меня что-то нужно. А вам пока ничего не нужно. Поэтому... так приятно поговорить с человеком, который от тебя ничего не ждет. Или все-таки ждете?

– Ничего не жду, – внезапно охрипнув, подтвердила Алька.

А сама подумала, что Флодрету тоже ой как несладко.

– Вашему Магистру тоже от меня ничего не нужно, он вообще далек от придворной жизни, – как бы между прочим заметил король, – именно поэтому я ему доверяю... Невзирая ни на что. Ну, что ж вы? Рассказывайте.

Это он уже приказал.

И Алька, не смея больше перечить, принялась за рассказ. Она вспоминала, как продиралась сквозь Пелену, как ее буквально засосало к крагхам, и как она падала на красные скалы, а потом ее несли в гамаке. Как встретила крагха, который оказался ее отцом. Как жила там, как познакомилась с королевой, изумрудной птицей – и как ее чуть не убили, а Мариус ее спас...

– Занятно, – наконец сказал король, – занятно то, как гладко и хорошо вы рассказываете. Редко встретишь нечто подобное среди женщин.

– Мне кажется, что таких женщин довольно много, только вы их не встречали, – осмелилась возразить Алька.

Флодрет лишь мотнул головой, и взгляд вдруг сделался недобрый.

– Пока что... из всего этого сброда, что обретается во дворце, только вы и...

Вздыхнул и больше ничего не сказал.

Они добрались до конца липовой аллеи и повернули обратно. У Альки начали подмерзать ноги, но она не осмеливалась что-то сказать Флодрету. Все же король.

– Не печальтесь, Алайна, – сказал он, – я постараюсь быть вам хорошим мужем. Я не буду вам навязываться, если вы сами этого не захотите. Родите мне наследника – и можете уехать от двора, быть рядом со своим первенцем. Я же все понимаю...

– Я не печалюсь, – пискнула Алька, – я стараюсь... стараюсь забыть.

Флодрет улыбнулся уголком губ. А глаза, словно замерзшие озера.

«Он никогда меня не согреет, никогда», – поняла Алька и едва не всхлипнула.

Осознавать то, что вся ее дальнейшая жизнь будет связана с человеком, способным лишь на ледяную нежность, было ужасно.

– Трудно забыть тех, кто причиняет нам боль, – задумчиво сказал Флодрет.

И она механически кивнула. Возразить тут было нечего.

– А вам?.. Кто вам причиняет боль, ваше величество?

Флодрет неопределенно пожал плечами и отвернулся. Они снова добрались до края липовой аллеи.

– Впрочем, – заметил он, – есть такое замечательное изречение. Клин клином вышибают. Слышали?

Алька, конечно, слышала, а потому встревожилась. Надо было срочно перевести разговор в другое русло, но... не успела.

– Поцелуете меня? – тускло поинтересовался король так, словно речь шла о выборе очередной дамской сумочки.

Она отшатнулась. Глядя на короля, не сводя глаз с его породистого бледного лица с такими необычными глазами. А сердце уже колотилось где-то у самого горла, и во рту резко пересохло. Она торопливо облизнула губы, а он с интересом смотрел на нее. Ждал.

«Я не смогу!» – вопило что-то глубоко внутри Альки.

Мысли мельтешили в голове, перемешиваясь в пеструю мешанину. Поцеловать? Но... Но как?!!

Алька втянула воздух. И снова этот запах одеколона, который определенно не нравится. Она привыкла к другому. Она любила... другой запах. И теперь вот... А деваться некуда.

Мгновения текли мучительно, и Алька совершенно не знала, как поступить.

Она ведь... могла отказать? Или не могла? Или... незачем отказывать? Ей ведь... спать придется с этим чужим мужчиной. А Мариус от нее отказался. Так не будет ли правильным... вернее, ее единственным спасением, попытаться Мариуса забыть именно так?!!

Флодрет усмехнулся.

– Ну же, Алайна. Неужели не считаете, что я достоин хотя бы поцелуя? Я ведь... пошел вам навстречу во многих спорных вопросах, не находите? Да и вообще, мы скоро поженимся. Не думаете же вы, что дети берутся из воздуха? Вернее, уж таких мыслей от вас странно ожидать.

Алька глубоко вздохнула. Флодрет был прав, как ни посмотри. Он закрыл глаза на ее беременность, позволил сохранить ребенка, чужого ребенка... И, верно, он далеко не самый плохой мужчина. Куда лучше, чем Лиар Фэй, который тоже в мужья метит.

– Д-да, – выдохнула она, делая крошечный шаг вперед, – простите. Я немного волнуюсь... Вы же король.

– Для вас я прежде всего будущий муж, – внезапно твердо ответил Флодрет, – мужчина, которому вы обязуетесь родить ребенка. Хотя бы одного. Ну так что, решили?

Это было так мучительно... чужой, непривычный мужчина. Красивый, но... совершенно не ее. И пахнет по-другому.

Когда она подошла совсем близко, почти вплотную, король положил ей руки на талию, легонько притягивая к себе. Алька, не решаясь поднять лица, смотрела на золотую булавку в шейном платке, на гладкую кожу, на жесткий накрахмаленный воротничок.

– Алайна.

Он прижал ее к себе, чуть сильнее, так, что она инстинктивно подняла руки и уперлась локтями в королевскую грудь. Твердую, неожиданно мускулистую. Голова начинала кружиться от непривычного запаха одеколona.

«Да ладно тебе... Всего лишь поцелуй».

Алька медленно подняла голову, приподнялась на цыпочки и осторожно коснулась губами уголка его рта. Хотела отстраниться, но оказалась зажата, словно в капкане. Рука его величества мгновенно переместилась на затылок, придерживая мягко, но очень решительно.

– Этого мало, – выдохнул он в губы. Ледяные глаза смеялись.

Алька зажмурилась. Да, наверное, и вправду мало – засохшего ребенка, за безопасность...

И тогда она расслабилась. Не целовала сама, но позволила целовать себя. Флорет целовать умел, надо отдать должное – медленно, томно, постепенно углубляя поцелуй, словно пробуя Альку на вкус. Задумчиво и неторопливо, как гурман пробует очередное блюдо. Алька с ужасом сообразила, что отвечает на вкрадчивые прикосновения, на откровенную ласку. И все оказалось вовсе не так мерзко, как она себе вообразила. И неожиданно с приятным холодком, словно его величество жевал мятные пастилки.

Она не знала, сколько прошло времени, когда он отпустил ее. Губы горели и, кажется, чуть припухли. Алька опустила глаза, чувствуя, как краснеет.

Флорет поднял ее лицо за подбородок, вглядываясь в глаза и как будто пытаясь в них что-то отыскать, одному ему знакомое.

– Алайна, – тихо проговорил он, – думается мне, мы поладим.

У Альки задрожали коленки. Нет, она не хотела... просто не хотела, не могла...

Флорет быстро наклонился и еще раз поцеловал ее, теперь уже быстро, легко, как мог бы поцеловать сестру.

И в этот миг кто-то деликатно откашлялся. Совсем рядом.

Алька дернулась в объятиях короля, повернула голову на звук и... ноги предательски подогнулись. Хорошо, что Флодрет держал ее крепко и не дал упасть.

На дорожке, у выхода из аллеи, стоял Мариус Эльдор, в форменном сюртуке Надзора, черном, без единого просвета.

Внутри все упало. Чтобы не закричать, Алька отвернулась и быстро прикусила костяшку. Как же так? Почему? А она в это время... И он их видел...

– Что вам? – тем временем холодно спросил король, – я приказал вам не являться во дворец.

– Новое убийство, – голос Мариуса прозвучал настолько спокойно, что Алька не удержалась и осторожно обернулась.

Мариус... не умер, увидев ее, целующейся с королем.

Он стоял посреди дорожки и держал в руках большой бумажный конверт. Но самое ужасное – он даже не смотрел на нее. Вообще.

– Еще раз приношу извинения за то, что прервал, – голос Магистра звучал ровно, не срывался, – я принес результаты проведенного исследования и прошение об усилении мер безопасности горожан.

И, сделав стремительный шаг вперед, протянул конверт королю.

Алька...

Смотреть на него было невыносимо. И она... с другим мужчиной. Наверняка Мариус видел, как король страстно прижимал ее к себе, как целовал. И ведь не объяснишь, что более всего она хотела быть с ним. И что Флодрет пощадил их малыша, которому только-только предстоит родиться...

Она вывернулась из рук короля и бегом рванула прочь, мимо Мариуса, ко входу во дворец. Задыхаясь и давясь рыданиями. Мир вокруг размазывался, принимал самые причудливые формы – как течет по бумаге акварель, если в нее добавить слишком много воды. И в груди болело остро, жарко. Алька задыхалась и хрипела, горло стиснул невидимый обруч. Призрачные шансы на то, что Мариус ее простит, растаяли окончательно.

Алька и сама не знала, как добралась до своей спальни. Рухнула лицом в покрывало и долго не могла отдышаться, стискивая жесткую

ткань, вышитую листьями. В голове суматошно прыгали обрывки мыслей, и все никак не могли оформиться во что-то внятное. Что делать? Как быть? Почему, почему все у нее вот так? Алька рыдала, и чувствовала, как все выворачивается внутри нее, так больно, жжет как огнем... Потом слезы закончились, и она просто лежала, уткнувшись лицом в подушку, а в голове воцарилась холодная пустота. И этот... Флодрет с его поцелуем. Обязательно надо было целоваться, без этого никак?

Но даже если не целоваться, то что бы это изменило?

Похоже, Мариуса не вернуть. А ей – одна дорожка, становиться королевой, нежеланной женой для нелюбимого мужа. Одно счастье, ребеночек. Маленькое зернышко, зачатое в любви.

Перевернувшись на спину, Алька положила ладони на живот. И так, глядя в потолок... Интересно, что она почувствует, когда он в первый раз шевельнется? Да и вообще, кто будет, мальчик или девочка?

Все это было очень ново и непривычно. Она привыкла... что одна. И в мыслях не было, что когда-то сама станет источником новой жизни. А теперь вот... теперь думать надо уже не за себя, но за него, маленького, совершенно беззащитного.

Она вздохнула и села на краю необъятной кровати.

Да, теперь думать придется о том, чтобы маленькому ничего не угрожало. А для этого... для этого она готова на все. Выйти замуж за короля. И, как ни странно, защитить его от Лиара Фэя. Потому что Флодрет обещал, что о ребенке будут заботиться. И, пока Флодрет живет и здравствует, с малышом тоже будет полный порядок. А вот что на уме у Фэя? Вряд ли что хорошего.

Она потеряла глаза.

Да, нужно думать о ребенке. Пусть Мариус и не знает о том, что это его малыш, да и вообще о том, что он будет... Но это – ее ребеночек, то, что осталось от яркой, словно падающая звезда, любви.

Надо было подниматься. И, наверное, спуститься к королю.

Извиниться за то, что так глупо убежала, ведь королева не должна бегать от того, кто от нее отказался.

В дверь осторожно постучали.

В животе все сжалось в колючий ледяной комок. Кого там принесло? Неужели король явился? Или... Упаси Пастырь... Мариус?

Она сама не знала, почему подумала про него. Он ведь даже не смотрел в ее сторону... А все равно думалось, и хотелось, чтоб пришел.

– Войдите, – просипела Алька, на всякий случай встав на ноги и отойдя за кровать. В самом деле, мало ли кто явится.

Дверь открывалась медленно и как бы неохотно. А потом – Алька с облегчением выдохнула – в комнату просочилось светловолосое создание лет десяти отроду. На плече сидела яркая тропическая бабочка, складывала и раскладывала крылышки.

– Ваше высочество! – отмерев, Алька торопливо поклонилась.

Леона Дей Флодрет оглядела ее молча, затем кивнула каким-то своим мыслям и только потом сказала:

– Здравствуйте, ниата. Я... меня отец прислал. Сказал, что, возможно, вам очень тяжело, и чтоб я вас развлекла. Но я... теперь я вас вспомнила. Это вы мне подарили бабочку.

Принцесса аккуратно притворила дверь, сделала несколько шагов вглубь. Потом присела в заученном книксене.

– Нас не представили. Меня зовут Леона Дей Флодрет. А это, – указала на синекрылое существо, – ее зовут Валентина. Красиво, правда?

– Красиво, – согласилась Алька, не зная, что и говорить. Внезапно почувствовала на себе пристальный, очень разумный взгляд этой самой Валентины. Нет, это был вовсе не архаан, призванный в тело нарисованной бабочки. Это был... И ощущения мигом сложились в устрашающую картинку: что-то вроде хищной многоножки с крыльями. Любопытно, не тесно ли ему в крошечном тельце?

Впрочем, с некоторых пор Алька привыкла не бояться тварей Роя, а сама Валентина, судя по всему, была привязана к принцессе на ментальном уровне, так что о безопасности девочки можно было не опасаться.

– Меня зовут Алайна. Присаживайтесь, ваше высочество, – сказала Алька, подвигая к кровати стул. Сама уселась обратно, на покрывало, – как ваши дела?

– Мои дела – неплохо, – совершенно по-взрослому сказала девочка.

Потом деловито залезла в кармашек кружевного передника, добыла оттуда что-то, завернутое в фольгу. Вскоре на ладони

принцессы оказался кусок жареной охотничьей колбаски. Валентина спорхнула с плеча, уселась на ладонь и вцепилась в лакомство. Так уж получилось, что у этой бабочки вместо хоботка выросли те самые, родные ей жвала. И Алька, глядя на то, как стремительно убывает колбаса, а тельце бабочки при этом совершенно не меняется, невольно улыбнулась. Наверное, король озадачен таким поведением насекомого, которое должно питаться нектаром.

– Отец сперва хотел забрать Валентину, – поделилась Леона, – но потом приходил какой-то... Магистр, и сказал, что она не представляет опасности. А вы что думаете, ниата?

Алька вздохнула. Снова Мариус. Он был просто повсюду.

– Валентина вам ничего не сделает. Кормите ее лучше, ваше высочество.

Леона захлопала ресницами, посмотрела на Альку теперь уже лукаво.

– Отец мне сказал, что вы будете моей новой мамой. Это так?

Алька кивнула. А что тут скажешь?

Леона покачала головой.

– Ну, хорошо. Хотя, если честно, мне бы хотелось, чтобы моей мамой была Энола. Я к ней привыкла.

– Но твой отец решил так, – Алька смутилась, – на самом деле мне тоже не слишком-то хочется замуж, но... ничего не поделаешь.

– Я не знаю, почему он прогнал Энолу, – продолжила Леона. Она сидела на стуле и болтала ногами, а Валентина снова заняла место на плече девочки, – нам было так хорошо вместе! И отец... ему тоже было хорошо с Энолой. Они по вечерам со мной играли. Энола мне делала игрушки, которые могли двигаться. А еще, когда я была маленькой, Энола часто оставалась со мной ночевать, чтоб мне было не страшно одной.

– Может быть, они еще помирятся? – предположила Алька, – такое... как ты говоришь, оно не должно просто так исчезнуть.

Девочка тяжело вздохнула.

– Мне бы хотелось, чтоб помирились. После того, как Энола исчезла, отец ходит вечно недовольный. То ему не так, то ему не этак.

Внезапно она лукаво посмотрела на Альку.

– А хотите, покажу свою комнату? Игрушки, которые мне делала Энола?

И Алька вдруг поняла, что – да. Ей в самом деле интересно посмотреть.

Она решительно встала и протянула руку принцессе.

– Конечно, хочу.

Покои принцессы, как выяснилось, находились как раз над покоем самой Альки. Вот так, держась за руки, они поднялись по лестнице, свернули в светлый просторный коридор, а оттуда – в просторные комнаты, выдержанные в нежно-розовых тонах. И чего здесь только не было! Алька никогда не видела столько игрушек, собранных в одном месте. Куклы, маленькие и большие, деревянные лошадки с золотыми гривами, кукольная гостиная... А самое главное, кукольный дворец высотой почти до потолка! Забыв о том, как дышать, Алька обошла это чудо со всех сторон: дворец был сделан так, чтоб с одной стороны можно было смотреть на стены, лепные карнизы и заглядывать в окна, а с другой стороны – играть с маленькими, размером с ладонь, куколками – водить их по лестницам, собирать на бал, усаживать за стол на больших королевских приемах. Во дворце было три полных этажа и чердак, и каждый этаж был честнейшим образом соединен с другими лестницами, выточенными из дерева. Кукольная мебель тоже была деревянная, где нужно – покрашенная, где нужно – обитая тканью. А сами куклы? Настоящее произведение искусства! И король здесь был, маленькая копия Флодрета, и Фаэра Алька нашла, подумав, что неизвестный мастер Фаэра терпеть не мог, потому и сделал кривые ноги и карикатурно длинный нос. Потом она нашла принцессу, маленькую куколку в розовых рюшах и с розовыми же бантиками. Леона была усажена за столик, и перед ней красовались аккуратно расставленные чайничек, чашки и вылепленные из глины и покрашенные пирожные.

– Нравится? – спросила Леона.

Все то время, пока Алька рассматривала дворец, то поднимаясь на цыпочки, чтоб заглянуть на чердак, то опускаясь на колени, Леона смирно стояла рядом.

– Очень, – восторженно выдохнула Алька, – кто это тебе сделал такое?

– Так Энола и сделала. Несколько месяцев делала. Я тоже, когда увидела все это, – развела руки в стороны, словно желая обнять

дворец, – целый день не отходила ни на шаг. А еще здесь все куколки могут ходить. Сами.

Девочка взяла с кресла куклку Флодрета, щелкнула незаметным переключателем на спине и поставила его обратно, перед тронном. Внутри куклки что-то тихо зажужжало, маленький король неторопливо, но довольно ловко для куклы повернулся вокруг оси, словно осматриваясь, затем также неторопливо вышел из зала, дошагал до обеденного зала, сел на стульчик и принялся стучать рукой по столу.

– Ничего себе, – только и сказала Алька.

Она, конечно, видала кукол с механизмом. Но, понятное дело, ни одна из них не умела ориентироваться в пространстве. Они делали несколько шагов – и все, а еще иногда говорили «мама».

– Да, – сказала Леона, – ничего себе.

Взяла короля и выключила его. Потом положила на кукольную кровать в спальне.

– И что, все куклы что-то могут делать?

– Конечно. Они каждый раз делают что-то новое. Когда я в последний раз включала ниата Фаэра, он принялся ползать на четвереньках и тявкать, как щенок. А до этого он хрюкал.

Алька про себя решила, что Энола Дампи очень не любила Фаэра. Впрочем, наверняка было за что.

– А где сама Энола?

Леона внимательно осмотрела дворец.

– Странно. Она куда-то делась. Еще недавно лежала вот тут, – и показала пальцем на обтянутую полосатой тканью кушетку на первом этаже.

– Может, кто из прислуги взял? – Алька тоже принялась осматриваться, хотя толку было в этом не много. Она едва помнила, как эта Энола выглядит. Так, остались воспоминания о темных глазах, немного усталом лице...

– Ладно, – голосок принцессы погрузнел, – а хотите, пойдём в отцовский кабинет? Он мне туда иногда разрешает заходить. Правда, ничего интересного там нет. Одни книги. Разные.

– А ваш отец не рассердится, если нас там застанет?

– Нет, – уверенно сказала девочка, – в этот кабинет можно. Он там только читает. Или думает. Все важное он хранит в другом кабинете, и

мы туда не пойдём. Вот туда мне точно нельзя.

С легким сожалением покинув детскую, Алька пошла следом за принцессой. Не то, чтобы ей очень хотелось заглянуть в кабинет Флодрета... И все же... Учитывая, что за этого человека она выходит замуж... хотелось узнать о нем немного больше. Например, какие книги у себя держит. Или какой цвет предпочитает. Что еще можно узнать, побывав в кабинете?

Они совершенно беспрепятственно добрались до нужной двери, Леона осторожно приоткрыла ее, заглянула внутрь и, убедившись, что они одни, кивнула Альке.

– Никого. Заходите, ниата.

Алька шагнула внутрь и с любопытством огляделась. Кабинет, где уединялся король, оказался небольшой и темноватой комнаткой, с зелеными тяжелыми шторами на окне. Здесь даже стола письменного не было. Только кушетка с набросанными вышитыми подушечками, обтянутая коричневым бархатом, и книжные шкафы. В стену, прямо над кушеткой, был ввинчен бронзовый светильник, где сейчас, днем, едва заметно тлеют лампы. А еще в просветах между шкафами висели картины, небольшие, писанные маслом, пейзажи и портреты незнакомых Альке людей. И еще в кабинете немного пахло одеколоном Флодрета, сложной смесью запахов лимона и чего-то неясного, пудрового.

– Ну, вот, – сказала Леона, – видите, тут ничего интересного и нет.

Алька помолчала, прошлась вдоль шкафов. Книги по большей части были старые и дорогие. Ничего развлекательного, в основном, история земель Порядка и учебники по естественным наукам. Впрочем, артефакторике тоже нашлось немного места.

Алька присела на кушетку среди беспорядочно набросанных подушек, и ей отчего-то показалось что примерно такой же бардак и разброд мыслей царит в голове у короля. Алька задумчиво, сама не зная зачем, принялась раскладывать подушечки – бархатные, разноцветные, с красивой гобеленовой вышивкой. И вдруг –

– Ой, – сказала принцесса, – моя куколка.

Алька подняла подушку, и под ней нашлась маленькая кукла в темно-синем платье, с темными волосами и темными блестящими глазами. А еще у нее был немного длинный нос и улыбающиеся губы. Кукла Энолы Дампи внезапно нашлась в королевском кабинете.

А еще, там же, рядом с куклой, Алька увидела небольшой серебряный медальон с резной крышкой. Понимая, что нехорошо вот так лезть не в свое дело, она все же аккуратно взяла его и, подцепив ногтем защелку, открыла. Внутри ожидаемо оказался мастерски выполненный портрет все той же Энолы. Только здесь она казалась серьезной, задумавшейся о чем-то.

Алька захлопнула медальон и растерянно посмотрела на Леону.

– Знаете, ваше высочество, давайте оставим все, как есть. Полагаю, если ваш отец принес сюда куклу, значит, у него на то были причины. Боюсь, ему не понравится, если мы ее отсюда заберем.

– А если он ее сломает? – Леона задумчиво прикусила губу.

– Не сломает, – Алька покачала головой, – точно не сломает.

Отчего-то у нее зрела твердая уверенность в том, что эта разнесчастная кукла – это будет последнее, что поломается у Флодрета.

– Не говорите отцу, что мы здесь были, – тихо попросила Алька.

Чувство было такое, словно она только что заглянула сквозь замочную скважину в чужую жизнь – туда, куда ее никто не приглашал и уж конечно не ждал.

Леона отправилась к себе ближе к вечеру, перед самым ужином. Потом Альке принесли записку от Флодрета с извинениями, о том, что он занят делами и не сможет присоединиться к ней за трапезой, а потому просит откусать самостоятельно. Алька вздохнула и не стала огорчаться. Видеть короля не очень хотелось, особенно после того поцелуя. От воспоминания о том, как он обнимал ее, как неторопливо, со знанием дела исследовал ее губы, кровь прилиwała к щекам. Да, верно, увидь она сейчас Флодрета – провалится со стыда сквозь землю. Так что лучше и в самом деле не видеть, а тихонько поужинать, полистать какую-нибудь книгу легкого содержания и просто лечь спать. Размышляя таким образом, она встала, поправила прическу, разгладила примявшийся подол платья и вышла из комнаты. Леона объяснила ей, где обычно накрывают ужин для его величества – это была малая столовая, располагалась она на первом этаже в соседнем крыле, и чтобы попасть туда, нужно было сперва миновать галерею, окнами выходящую в сад, затем спуститься по широкой винтовой лестнице, немного поплутать по лабиринту маленьких гостиных и,

наконец, очутиться перед резными дверями, ведущими в столовую. Алька, припоминая объяснения принцессы, прошагала по светлой галерее, полюбовалась розовым закатом сквозь старые и оттого немного неровные стекла витражных окон. Навстречу торопливо прошла служанка, низко поклонилась Альке. Потом была лестница, новая, со скользкими мраморными ступенями, которые, впрочем, были застелены темно-зеленой ковровой дорожкой. Алька спустилась на первый этаж и оказалась в полумраке: комнатки, маленькие и чуть побольше, следовали одна за другой, ветвились в стороны, и при этом были откровенно плохо освещены. Впрочем, солнце село, и местами уже загорались лайтеры, собранные в привычные металлические корзиночки. Алька решительно шла сквозь анфиладу гостиных. Она была совершенно одна, но это ее не пугало: в конце концов, королевский дворец хорошо охранялся. Здесь было спокойно. По крайней мере, казалось. И как же она ошибалась!

Потому что в тот миг, когда она пронырнула из одной гостиной в другую, чья-то горячая ладонь с силой зажала ей рот и дернула в сторону, куда-то в потемки. Завизжав, замычав сквозь жесткие пальцы, Алька заколотила руками куда попало, потом вцепилась что есть сил ногтями в руку и...

Запах горького шоколада. Кофе.

Она ведь не обманулась? И все это – явь, а не сладостный бред?

Мгновенно обмякла. Позволила затянуть себя в совершенно темный закуток, нишу, снаружи скрытую тяжелыми драпировками. И только потом, когда сильные руки развернули ее, подняла глаза и с облегчением выдохнула:

– Ты.

– Ш-ш-ш-ш, – он торопливо приложил палец к губам, прислушался и, усмехнувшись, просто обхватил ее за талию и притянул к себе.

– Мариус.

Она не понимала, что происходит. Он ушел, сам ушел. Он не смотрел на нее сегодня. А теперь что? Чего хочет?

– Маленькая, – в потемках почти не было видно его лица, только влажно блестели глаза. Темные, страшные, больные.

– Что? – одними губами выдохнула Алька. Ноги подкашивались, и она непременно упала бы, не держи он ее на весу.

Уже было такое, однажды он просто поднял ее под мышки. Но как давно... и как счастливо.

– Как ты? – сдавленным шепотом спросил Мариус.

Алька зажмурилась. Вдохнула полной грудью его запах. Ни с кем не спутать, и как же сильно нравится. А к Флодрету... не привыкла, и вряд ли привыкнет.

– Плохо, – честно сказала она, – мне жаль... мне до сих пор жаль, что у нас... все так получилось.

– Еще ничего не получилось, – хрипло сказал он, не отпуская.

Горячая ладонь поднялась по спине вверх, бережно, пересчитывая каждый позвонок. По коже от этой незатейливой и наверняка невольной ласки побежали колкие мурашки.

– Не выходи замуж за Флодрета, – прошептал Мариус, – не выходи. Это... большая ошибка, Алечка.

Он назвал ее так, как раньше. Как будто... Любил по-прежнему.

– Но...

Она хотела сказать – а разве это не ты меня бросил?

Но Мариус упреждающим движением прижал палец к ее губам.

– Осталось уже недолго, – быстро сказал он, – я не мог... и не хотел говорить. Со мной рядом опасно, Аля. И быть может, сейчас я делаю самую большую ошибку, разговаривая с тобой. Но молчать больше не буду. Я прошу тебя, отложи свадьбу, повремени. Все, что угодно. Иначе... Я просто его убью. Я убью короля, если он еще раз к тебе прикоснется, понимаешь?

– Но...

Мысли заметались, замельтешили. Она пыталась – и не могла осмыслить все то, что только что услышала. Так, значит, все это было не на самом деле? И Мариус специально сделал вид, что расстался с ней, чтобы она была в безопасности?

Она подняла голову, до рези в глазах всматриваясь ему в лицо. Что она хотела прочитать там? Раскаяние? Стыд? Он истолковал ее движение по-своему, наклонился чуть ниже, и Аллька почувствовала на своих губах его дыхание – то, которым она и сама привыкла дышать, и без которого было так больно все это время.

– Скоро все закончится, – выдохнул он, – маленькая... недолго осталось.

Алька подумала, что, наверное, надо сказать о ребенке – но она дала слово королю, что никому... покуда они все еще жених и невеста. А потом вдруг вспомнила...

Лиар Фэй!

Он ведь хочет, чтоб она стала королевой, потому что иначе... Тиберик, совершенно беззащитный мальчик.

– Ты меня простишь когда-нибудь? – тускло спросил Мариус, – за то, что тебе пришлось вытерпеть? Ты позволишь... мне быть рядом с тобой, когда все закончится?

И тут Альку словно ледяной водой окатили. Любовница! Он ведь привел в дом другую женщину. А сам теперь требует отложить свадьбу.

И, ныряя с головой в темноту его лихорадочно блестящих глаз, прошептала:

– С кем ты теперь живешь? Кто она, Мариус?

– Забудь, – последовал короткий ответ, – считай, что никого нет.

– Да как ты можешь?..

– Ш-ш-ш-ш, маленькая. Пожалуйста, поверь мне. Еще раз. Только раз. Ты не поверила, когда речь шла о твоём брате, и видишь, к чему привело... Нам обоим очень плохо, и тебе, и мне.

Противиться этому голосу было просто невозможно. И Алька, понимая, что делает страшную глупость, поверила: просто подалась вперед и обхватила его за шею. Просто встала на цыпочки и нашла в темноте его губы с горчащим привкусом кофе. Успела подумать – я прощаю тебя, Мариус Эльдор, потому что моя любовь будет со мной независимо от того, что с нами приключится дальше. Ей все равно, что ты сделал – или не сделал, все равно, что я должна выйти замуж за короля, и с ним целовалась сегодня, а ты живешь с любовницей, и об этом все говорят. Любовь – она очень живучая. Когда она есть, убить ее не так-то просто.

Она просто прижалась к его губам, а Мариус судорожно стиснул ее в объятиях, резко развернул так, что теперь за спиной Альки оказалась стена.

– Потерпи, – шептал он снова и снова, как в бреду, – недолго осталось, скоро все закончится, и мы будем вместе. Ведь будем же? Будем?

– Да... Да!

Образ Флодрета мелькнул в сознании – и исчез, его просто смыло темным водоворотом сладкого страха, когда ощущаешь себя на самом краешке обрыва.

И Алька сделала этот самый последний шаг: она попросту вцепилась в Мариуса руками, запрокинула голову, позволяя целовать себя, выгибаясь, подставляя под его губы лицо, губы, подбородок, шею. Его хриплое дыхание отдавалось в висках божественной музыкой.

– Маленькая, что ты со мной делаешь, – бархатный шепот ласкал слух, – что мы делаем?.. Нельзя... даже думать нельзя...

И снова повторил, как будто пытался себя в чем-то убедить.

Алька сжала его лицо ладонями, ощущая кожей колкую щетину. Прошептала сбивчиво:

– Хочу быть с тобой. Даже если... в последний раз... Без тебя больно, слышишь? Мне без тебя – больно.

И уже наплевать, что где-то там голубоглазая любовница. Они снова были вместе, как раньше. И это было совершенно правильно.

Он накрыл ее губы своими, прижимая всем телом к стене. Целовал жестко, словно хотел стереть следы чужих поцелуев. Горячие пальцы скользнули в вырез платья, и Алька застонала ему в рот. Это было невыносимо, просто невыносимо – так горячо, и одновременно сладко, и голова кружится, а тело становится мягким и безвольным.

Мариус на миг оторвался от нее, и Алька услышала тихое:

– Я тебя люблю, маленькая. Всегда. Прости меня, если сможешь.

– Да.

Ответ на незаданный вопрос. Пышные юбки мешали, и Алька едва не взывала от нетерпения, в промежности тянуло, немного болезненно. Она ловила себя на том, что окончательно лишилась всего – рассудка, стыда, высоконравственного воспитания... Чего там еще лишаются? Мариус подхватил ее под бедра, приподнял – и в следующий миг Алька невольно вскрикнула, так хорошо ей было. Чувства обострились до предела. Каждое движение. Каждый судорожный вздох. Каждый укус. Это было так быстро, но... пришлось вцепиться зубами ему в воротник, чтобы не распугать криками прислугу. И потом, когда все закончилось, она обмякла в его руках, похожая на поломанную куколку. Но все-таки дотянулась и куснула за мочку уха, чувствительно так куснула.

– Это... тебе за любовницу.

Мариус тихо рассмеялся, потер пострадавшее ухо. Затем аккуратно поставил Альку на ноги. Юбки с шорохом упали на пол. Звякнула пряжка ремня, он приводил одежду в порядок. А она так и стояла, прислонившись к стене, помятая, растрепанная и глупо-счастливая. Шевелиться не хотелось, так что все кончилось тем, что Мариус принялся сам аккуратно поправлять ее одежду. В потемках получалось плохо.

– Когда все закончится, я заберу тебя отсюда, – сказал он, – просто... надо еще немного подождать. Ох, Алечка, не нужно было... вот это все. Лучше бы я к тебе не подходил, а ты бы ничего не знала. Но когда я увидел, как тебя целовал наш король, я думал, что убью его на месте. Эту дурную игру надо прекращать...

– Что происходит? – она рассеянно провела рукой по волосам, пытаясь их пригладить.

– Я пытаюсь убить Магистра.

– А разве он не?..

– Все, – решительно оборвал он, – прошу, ни слова больше. И без того...

Алька положила руки ему на плечи и вдруг почувствовала, как он напряжен.

– Тебе надо идти, – разочарованно сказала она.

И еще... все-таки надо было ему сказать о ребенке. И о Фэе. Ну, раз уж Мариус ее не бросил, и все это было дурным спектаклем для не пойми-кого.

– Знаешь, – торопливо прошептала она, – мне нужно кое-что тебе рассказать...

И не успела.

Где-то неподалеку раздался крик, жуткий, леденящий кровь. Кричала женщина. Она вопила и вопила, не переставая. А потом резко умолкла, словно ей снесли голову.

Мариус на миг притянул к себе Альку, быстро коснулся губами виска.

– Все, началось.

И в следующее мгновение выскользнул из ниши, оставив Альку совершенно одну в темноте.

Ну вот. Почему ушел? Даже не ушел, сбежал? И что за крики? Они возобновились, теперь – топот ног, какая-то суета. Надо было... надо было, наверное, идти туда. Увидеть, понять, что происходит.

Но Алька не сразу решилась на это. Ведь если она выйдет, вот в таком виде, и – упаси Пастырь – встретит Флодрета, он догадается, чем она только что занималась. И это уже будет слишком, даже для него, для человека, с которым она просто заключила что-то вроде договора.

Она потопталась в темноте, пригладила растрепавшиеся волосы, разгладила подол юбки. После того, что было с Мариусом... Подумала немного, затем стянула нижнее белье. Все равно никуда не годится. А так – юбка длинная, никто ничего не заметит. Пострадавшие панталоны Алька скомкала и сложила в маленькую сумочку у пояса, где до этого лежал только носовой платок. Потом, успокоившись окончательно, неторопливо вышла из ниши и двинулась в направлении, откуда, как ей казалось, слышались голоса.

В гостиных уже посветлело, лайтеры горели ярко, так что никаких сюрпризов больше не должно было приключиться. Однако, в очередном дверном проеме Алька нос к нему столкнулась с девицей.

– Простите, – пробормотала и попыталась пройти мимо.

– Подождите, – незнакомка ухватила ее за руку, – вам туда не надо. Мариус так сказал.

– Что?!!

Алька дернулась назад, вырывая руку из цепких пальцев ниаты, уставилась на нее недоуменно. И вдруг узнала: это была она, та самая, молоденькая блондинка... Любовница Мариуса.

– Что вам нужно? – холодно спросила Алька.

Спокойствие далось нелегко. Хотелось вцепиться в эту белобрысую шевелюру и как следует оттаскать за волосы.

Блондинка посмотрела на нее серьезно.

И повторила:

– Вам туда не надо. Мариус запретил.

– Ну, знаете ли... Это уже ни в какие ворота не лезет, – грубо сказала Алька, – если вы меня сейчас не пропустите, то я...

И – очень кстати – вспомнила, что может вызвать тварь роя. Это если совсем нужно будет. Имело ли смысл делать это только для того, чтобы убрать с пути прилипчивую девицу? И Алька вдруг кровожадно

подумала, что, если кто-нибудь откусит эту блондинистую голову, у Мариуса больше не будет любовницы, а она, Алька останется... Наверное, останется. Потому что в данный момент об их с Мариусом отношениях ничего ясного сказать просто нельзя было.

– Послушайте, – вдруг сказала блондинка. Очень доброжелательно сказала, и Альке померещилось, что и голос у нее изменился, стал ниже, глубже... И как будто знакомым. – Послушайте, ниата, вам правда не стоит сейчас туда ходить. А вот что стоит сделать – так это вернуться к себе в комнату и лечь спать. Все прочие свои дела будете решать утром.

– Но я шла на ужин, – Алька в замешательстве пыталась понять, чей же голос напоминает ей этот изменившийся голос блондинки. И не могла вспомнить, увы.

– Королю сейчас не до ужина, – строго ответила девица, – ну же, возвращайтесь к себе. Давайте-ка, я вас провожу.

– Да почему я должна вас слушаться?

– Вам знаком ниат Эльдор? – она усмехнулась.

– Ну так... Он и вам знаком, – упрямо ответила Алька, – что с того?

Получилось... как-то озлобленно. А незнакомка отчего-то довольно улыбнулась, словно увидела в Альке именно то, что ожидала.

– Времена такие, ниата Эльдор, ничего не поделаешь.

– Да почему вы меня так называете?

– Да потому что! – внезапно потеряв терпение, рыкнула девица.

И, вцепившись в руку Альки, потянула ее за собой. Алька уперлась каблучками. Со стороны это выглядело совершенно глупо, но она запуталась окончательно и перестала что-либо понимать.

– Что вы делаете? Отпустите! Я буду кричать!

Блондинка демонстративно вздохнула, и в ее свободной руке Алька вдруг увидела артефакт. Она поняла это по причудливой форме и медному блеску.

– Вот... Клянусь Пастырем, – прошептала любовница Мариуса, – я хотела как лучше.

В артефакте что-то щелкнуло, он ярко вспыхнул и тут же погас, но Алька... Алька вдруг поняла, что ее ноги отрываются от пола, а сама она медленно поднимается вверх, словно воздушный шар. Она взвизгнула – и внезапно с губ не сорвалось ни звука. Ее затрясло.

– Не бойтесь, я ничего вам плохого не сделаю, – сказала блондинка, глядя на нее снизу вверх, – но вам правда лучше побыть в своей комнате... пока тут все утрясется.

И преспокойно потащила Альку за руку следом за собой. Алька болтала ногами и пыталась дотянуться до пола, хотя бы кончиками пальцев, но тело было совершенно невесомо. Единственное, что не давало взлететь под потолок – это рука блондинки. Она уверенно тащила Альку за собой.

Сквозь галерею. По лестнице...

Алька закрыла глаза. Да что ж это такое? Вот интересно, почему закричать не оплучается? И в самом ли деле Мариус приказал оттащить ее в спальню? Или эта белобрысая дрянь что-то задумала?!!

Она закрыла глаза, мысленно обращаясь к Рою. Может быть, самое время кого-нибудь вызвать и все-таки откусить голову этой стерве?

– Вы уж меня простите, – вдруг сказала любовница Мариуса, – он вам потом все объяснит. Он просто не хотел, чтоб вы видели кровь. Там... убили.

«Кого убили? Кого?! Неужели короля? Неужели Фэй? Но он... не должен был, еще слишком рано...»

Блондинка преспокойно втащила Альку внутрь ее комнат, подтянула к кровати и, толкнув вперед, быстрым движением выключила артефакт. Тело внезапно стало тяжелым и с размаху бухнулось на перину. И способность говорить тут же вернулась.

– Вы! – только и выдохнула Алька.

– Отдыхайте, ниата Эльдор, – с улыбкой сказала блондинка и неожиданно ловко и быстро выскочила за дверь.

Алька так и осталась лежать на перине. Потом вскочила, и, стискивая кулаки, рванула к двери. Отчего она должна сидеть у себя? Почему она должна верить какой-то непонятной гадине? Она верит Мариусу. Но не чужой девке, которую совершенно не знает. А вдруг у нее на уме что плохого?

Но дверь оказалась заперта снаружи. И Алька, пару раз стукнув кулаками по равнодушному дереву, вернулась в кровать. Ну надо же...

Глава 8. Когда не остается времени

Очень тяжело разговаривать с королем, когда хочется убить его одновременно десятью способами. Мариус поглядел вслед убегающей и рыдающей Альке, глубоко вдохнул. Выдохнул. Снова посмотрел на короля. Орвил Дей Флодрет выглядел довольным. Проклятый сукин сын. Специально, что ли, разыграл сцену под названием «жаркие поцелуи»? Мстит. За что? Понятное дело, за что. За то, что не узнал вовремя, что Алайна – принцесса крагхов. Но... не слишком ли только за это? Или было еще что-то, о чем Мариус так и не узнал?

Через минуту довольное выражение сползло с королевского лица как сползает с сапог грязь, если их сунуть под сильную струю воды. В глазах снова воцарился хрусткий ледок – который, впрочем, мог легко изрезать в кровь, если быть неосторожным. Короли, они ведь такие. Легко прощают, легко наказывают.

– Я вам приказал не показываться во дворце, – повторил Флодрет, – какого крагха вы тут ошиваетесь?

– Ваше величество... – очень хотелось превратить короля в прекрасный, яркий костер. Так хотелось, что аж руки чесались оттого, что под кожей пульсировала, билась магия. Но... снова сдержался. Он все сделает правильно, и тогда... Тогда заберет Альку. Хрен королю, а не невеста.

– Я принес результаты проведенного исследования и прошение об усилении мер безопасности горожан, – повторил Мариус, – опять убийство. Тварь из астрала завладела телом человека и таким образом напала... Сперва на женщину, затем на кучера. Оба мертвы. Надо бы усилить патрули, и пусть Фаэр отрядит своих людей, чтобы сопровождали гвардейцев. Твари из астрала туповаты, но крайне прилипчивы. Один раз напиталась страхом и кровью жертвы, теперь будет продолжать.

Флодрет нахмурился, сложил руки на груди.

– Ну, а вы что будете делать, магистр? Пялиться на мою невесту, э?

– Не буду, – буркнул Мариус. А сам снова подумал, что, когда он все-таки убьет Магистра окончательно, попросту заберет Альку из

дворца. И они уедут... куда-нибудь уедут, в земли за Пеленой. Туда, где никому не нужен Магистр Святого Надзора.

Он хмуро глядел на Флодрета, а тот спокойно ждал.

– Я веду исследования в этой области, – сказал Мариус, и это было правдой. Энола ночи проводила в своей лаборатории, выпивая до утра три полных кофейника.

– Ну, хорошо. Я отдам соответствующие распоряжения, – казалось, голос короля чуть потеплел. – Что-нибудь еще?

Да, еще.

У Мариуса было, что сказать королю.

Но, прежде чем что-то говорить, Мариус осмотрелся, убедился, что рядом не отирается ни один из прихлебал Фаэра, а затем так и вообще накрыл себя и короля куполом тишины.

– Я, собственно, вот о чем хотел поговорить, ваше величество.

– Идемте, – Флодрет посерьезнел, – прогуляемся. Нас ведь никто не слышит, м?

– Никто.

– Ну так идемте. Вы тот еще субъект, Мариус Эльдор, но почему-то я вам верю. Хотя, конечно, этот финт с невестой поставил меня в совершенно глупое и неприятное положение.

Он промолчал. Несмотря на то, что хотелось сказать многое.

– Речь идет о том, что вам роют яму, ваше величество, – начал Мариус.

– И кто же?

Он пожал плечами.

– Пока не могу назвать. Но, чтоб добыть доказательства и чтоб разворошить это гнездо... Понимаете, я бы мог сделать все, не предупреждая вас. Но, полагаю, это будет слишком... больно...

– Не тяните, Мариус, – король раздраженно махнул рукой.

– Чтобы войти в круг заговорщиков, мне предложено убить принцессу Леону.

Флодрет остановился так резко, словно налетел на невидимую стену. Они... стояли под липовыми кронами, на той самой аллее, где до этого король гулял с Алькой. Тени падали на лицо Флодрета, и Мариус увидел, что король оскалился, показывая зубы.

– А вы?

– Я согласился, – Мариус пожал плечами, – собственно, хочу предупредить.

– Вы ненормальный? – и в это мгновение в Флодрета взгляд сделался совершенно больным, – я вас удавлю. Не посмотрю, что вы маг.

– Я хочу предупредить о том, что это будет постановка убийства. Именно поэтому и завел речь об этом, ваше величество. Это... слишком больно, терять детей. Я понимаю это. Но и вы поймите, что все должно выглядеть натурально. Сможете?

Флодрет медленно кивнул, не сводя с Мариуса глаз.

– И еще, ваше величество. Фаэр не должен коснуться куклы. Ну, понимаете, магический двойник Леоны. А Фаэр – весьма сильный маг, он почувствует, что это не Леона, а лишь ее копия.

– Это Фаэр под меня роет? – хмыкнул Флодрет и внезапно расслабился, – не молчите. Думаю, что он. Почему бы его не арестовать? Под пыткой все расскажет, как миленький.

– Брать лучше всех участников, – они медленно шли по аллее, – Фаэра, конечно, можно скрутить, но кто знает, кто за его спиной? Вот для этого я и хочу оказаться... одним из них.

Флодрет усмехнулся, заложил руки за спину.

– Подождите, магистр. А вам-то что с этого? Зачем вам это? Вы меня не любите, да и не за что. Так к чему риски?

«Потому что хочу вернуть вам Энолу Дампи, а себе – Алайну», – едва не сказал Мариус, но вовремя прикусил язык. В самом деле, зачем ему все это?

– Не люблю дворцовых переворотов, – сказал, морщась, – к тому же, в вас заинтересован повелитель крагхов... бывших крагхов. Обещал мне награду за вашу сохранность.

– Так вы и там подрабатываете, – беззлобно сказал Флодрет, – что ж, ваша воля. Я... пожалуй, я смогу изобразить горе, магистр.

– Мне будет необходимо забрать магическую копию в Надзор, – сказал Мариус, – а вам придется на это время хорошенько спрятать Леону. Убрать ее из дворца после того, как я заберу куклу. Есть у вас надежное место?

– Хорошо, – Флодрет склонил голову к плечу, – я вас понял. Есть такое место. И Фаэр о нем не знает... Хорошо, что не знает.

Стоя над искромсанным и плавающим в луже крови телом, Мариус все вспоминал этот разговор. Надеялся, что Флодрет отыграет, как надо, что прибежит раньше, чем Фаэр и прочие участники представления. А еще он отправил свою Алисию, чтоб отвела Альку в ее комнаты. Его маленькой не нужно видеть то, что осталось от Леоны Дей Флодрет, вернее, от обретшей плоть и кровь магической копии. Копия продержится еще пару дней, затем распадется, растворится в магическом слое – и вот эти два дня, это все, что у него было для того, чтобы вывести Фаэра на чистую воду. По-хорошему, Фаэра нужно было арестовать, но, возможно, придется просто убить. Скорее всего, это будет хорошей дракой двух сильнейших магов земель Порядка, но Мариус не боялся. В мыслях он уже был дальше, гораздо дальше...

А кукла удалась на славу.

И это бледное перепуганное личико. И нежная кожа, вся измазанная кровью. И светлые густые локоны, сейчас куда больше напоминающие паклю... Очень правдоподобно. Даже чересчур.

Мариус стоял над телом. Кого-то из прислуги рвало, кто-то просто падал в обморок. И спустя несколько минут прибежал Флодрет, в расстегнутой рубашке, растрепанный. Замер. Упал на колени прямо в натекшую кровавую лужу, обхватил куклу двумя руками, прижимая к себе, уткнулся в изрезанную грудь, в батистовые лохмотья. Надо отдать должное, его величество играл мастерски. Голосили служанки, в немом оцепенении застыли гвардейцы. Никто не понимал, что дальше делать – теперь, когда прямо во дворце зверски убита девочка, которая за свою жизнь никому не делала ничего дурного.

А потом пришел Фаэр.

Мариус поймал его взгляд. Кажется, Фаэр был удивлен происходящим, но кто поймет?

– Ваше величество, – королевский маг шагнул к Флодрету.

– Во-он! – король помнил, о чем говорил магистр, – не подходи!

Не смей прикасаться к моей девочке!

И завыл, прижимая к себе искромсанное тело.

Фаэр пожал плечами и – бочком-бочком – подошел к Мариусу.

– Что думаете, коллега?

– Однозначно, магическое нападение. Заклинание Лезвия, – громко сказал Мариус. Так, чтоб все слышали.

По толпе прошелся гул. Магическое! Как же так? Кто посмел? И рука не дрогнула, невинное дитя!

– Тело следует забрать в ведомство, – сказал Фаэр, – мои ребята проведут соответствующие исследования. Может быть, отпечатки заклинаний обнаружат. Хотя... Если работал сильный маг, он мог замести все следы.

– Не отдам! – гаркнул король, – не смей! Не смей даже близко подходить...

Фаэр выразительно глянул на Мариуса и коснулся указательным пальцем виска.

– Я заберу ее, ваше величество, – сказал Мариус осторожно, – мне можно?

Король поднял голову. Его лицо превратилось в страшную кровавую маску. Глаза выпучены, рот перекосило... И Мариус невольно восхитился тому, как мог играть король. Сам он бы не смог так.

– Я сам отнесу ее, – прохрипел Флодрет, – сам... И буду там, с ней... Пока вы... будете искать, кто ее так, мою ласточку.

Он так и не выпустил из рук холодное тело, которое никогда не было теплым. Всклипывая и то и дело утыкаясь в белокурые волосы куклы. Мариус открыл портал, легонько подтолкнул туда короля и шагнул сам. Вывалились они уже в Надзоре, в заранее подготовленной комнате – и Мариус сразу же замкнул охранный контур, на тот случай, если будут желающие послушать и посмотреть, что дальше.

А дальше... Флодрет тяжело сгрузил куклу на подготовленный стол, и сам упал на стул рядом. С кровавой маски на Мариуса смотрели ясные голубые глаза.

– Дайте мне выпить, что ли, – медленно сказал король и вытер лоб, оставив на коже еще одну кровавую полосу.

Мариус и к этому подготовился. Взял из ведерка со льдом бутылку белого вина, налил в высокий бокал и подал Флодрету. Тот благодарно принял и опустошил бокал поспешными глотками.

– Еще.

– Где вы так научились, ваше величество?

На куклу старались не смотреть. Сходство с Леоной было просто поразительным, настолько, что делалось страшно.

– Что именно вас интересует? – сухо спросил король.

– Так играть.

Он пожал плечами, тяжело глянул на Мариуса.

– Мне это было нетрудно, Мариус. Я ведь жену похоронил. Все это... очень хорошо запоминается, никуда не денешься.

Напряжение медленно отступало, и Мариус налил и себе. Выпил.

– Леона в безопасности? – получилось хрипло и устало.

– Да. Я отправил ее с кормилицей в свои охотничьи угодья.

– Двоих?

– Я их отправил в таком виде, что мало кому они будут интересны, – заметил Флодрет, – не беспокойтесь. Больше вам ничего говорить не буду, так, на всякий случай.

Мариус покачал головой. Безусловно, король был прав. Меньше знаешь, меньше шансов разгласить секрет.

– А от вас я жду имена предателей, – улыбка на лице короля сделалась особенно хищной, – надо сказать, я вам крупно задолжал, магистр Эльдор. Что хотите взамен?

Мариус пил мелкими глотками прохладное легкое вино. Оно было терпким, с легкой кислинкой – очень благородный и дорогой вкус. А воспоминания, против воли, возвращались к Альке. Хотелось верить, что с ней пока все в порядке, и Энола не подвела. Да и вообще, то, что сегодня было между ним и его любимой девочкой, давало надежду... И одновременно вселяло тревогу. Он дурак. Надо было держаться. А если тварь, в которую превратился Магистр, могла подглядеть, заглянуть в его сознание, пока он забывал самого себя?

– Позвольте, я не буду сейчас оглашать мою просьбу, – сказал Мариус, – чуть позже.

Домой он вернулся за полночь, выжатый как лимон. Открыл дверь своим ключом, чтоб не будить никого из прислуги, и еще в холле нос к носу столкнулся с Дампи, которая уверенно тащила из кухни горячий кофейник, придерживая его полотняным полотенцем.

Энола Дампи была без личины, в свете ламп Мариус вдруг увидел, как сильно она сдала: похудела, подурнела, под глазами залегли тени. И веки были красными, припухшими, как будто Энола совсем недавно плакала. И вместе с тем какая-то отчаянная решимость застыла в каждой черте – решимость идти до конца.

– Ну, что там было? – мрачно спросила она, останавливаясь. Ее длинные пальцы, покрытые мелкими порезами и ссадинами, подрагивали.

Мариус, ничего не говоря, прошел в гостиную и, сбросив на спинку стула сюртук, упал в мягкое кресло.

– Да что... Флодрет сыграл отменно. Не ожидал от него...

– А я вашу невесту заперла в спальне.

Энола поставила кофейник на стол, прошла по комнате, зябко обхватив себя руками.

– Когда запишете на мой артефакт то, что расскажет Фаэр, дайте его мне. Хочу сама отнести Флодрету.

Кресло было таким мягким, таким удобным, что глаза сами собой закрывались. Мариус сонно кивнул.

– Не бойтесь?

– Не боюсь, – Энола Дампи ухмыльнулась, а Мариус вдруг подумал, что вот именно ее-то и следует опасаться Флодрету.

– А я вас жду, – сказала она, – времени в обрез, а вы как-то не торопитесь пробовать выходить в астральный слой.

Мариус вздохнул. Энола была права, но... все как-то руки не доходили. Хотя теперь он мог себе позволить выход в астрал, с таким-то резервом. И, наконец, надо было что-то делать, потому что сегодняшним совершенно безрассудным поведением он снова поставил под удар свою маленькую и любимую птичку.

– Я приведу себя в порядок и спущусь к вам, – заверил он и кое-как поднялся из кресла.

– Хорошо, – Энола взяла полотенце, подхватила со стола кофейник, – буду вас ждать внизу.

Потом он пошел на свою половину, набрал полную ванну горячей воды и с полчаса просто лежал там, откинувшись на бортики и закрыв глаза. Отчаянно хотелось спать, денек тот еще выдался, и Мариусу чуть ли не мерещились свежие простыни и подушка. Однако, нырнув под воду, он вынырнул, вытер лицо, а затем и вовсе выбрался из ванны. Нехорошо заставлять Энолу ждать.

Еще через полчаса, одетый, тщательно выбритый и причесанный, он спустился в подвал, где растрепанная Энола Дампи в одной руке держала паяльник, а в другой – очередную чашку кофе.

– Вы, конечно, можете и сами это делать, я тут не нужна, – заявила она сходу, – но все-таки мне тоже интересно посмотреть, как это, уходить в астрал. Да и вот, – кивок в сторону косой восьмерки, спаянной из сотен кусочков меди и серебра, – если что, это привязка к нашей реальности. Вернетесь, что бы ни случилось. Ломаете пополам – и уже здесь.

– А сейчас вы над чем трудитесь? – любопытствовал Мариус, заглядывая на подставку. Там шишкой топорщились сотни тончайших серебряных лепестков вперемешку с чем-то, похожим на портняжные булавки с цветными головками.

– Так записывающий артефакт, – усмехнулась женщина, отставляя пустую чашку, – надеюсь, что очень скоро он нам пригодится. Ну, что ж вы... Готовы? Берите ключик от дома. Я даже смотреть не буду, чтоб вас не отвлекать.

И принялась дальше припаивать тонкие и узкие, словно коготки, пластины к новому артефакту, временами заглядывая в открытый блокнот с расчетами.

Мариус постоял-постоял, побрел зачем-то в дальний угол подвала. Потом вспомнил, что не взял ту самую восьмерку, вернулся за ней. Снова ушел подальше от стола, в затемненный угол. Решимость медленно, но верно таяла, и он ловил себя на том, что готов цепляться за что угодно, лишь бы не пробовать...

Да, оставалось признать, что было страшно, как следует страшно.

Потому что Мариус не знал, чтоб кто-то в собственном физическом теле проходил в астрал. Да и как это сделать? Что нужно почувствовать?

Он вздохнул, стиснул в кулаке колючую восьмерку, и закрыл глаза. Давай, Мариус, думай. Что нужно сделать? Наверное, сперва уйти из этого мира в магический слой. Но как? Никогда не делал этого раньше...

А потом вдруг вспомнил, как его птичка летала к башне Магистра, и ей тоже было непросто отрастить крылья. Но как-то умудрилась... А, значит, и он сможет. Надо только попытаться, ради них двоих.

Открывая магическое восприятие, он уже видел свободную магию. Облака, искрящиеся спирали, медленно плавающие, колеблющиеся в пространстве. Плоские и объемные, стабильные и постоянно меняющиеся. Он мог черпнуть из любого источника,

пополнить свой резерв... А дальше, за переливающимися потоками магии, виднелась зыбкая граница астрала. Да-да, того самого, материи куда более мощной, чем та, что располагалась в магическом слое. Мариус вдохнул поглубже, потянулся рукой к границе астрала. Она ведь... далеко, но всегда близко. Равноудалена от любой точки реального мира. Потянулся... И вдруг пропало ощущение пола под ногами. Разум заметался в панике, надо было глубоко и спокойно дышать – но тут-то Мариус понял, что дышать он не может. Не может – и все. Как будто больше не владел собственным телом. Единственное, что по-прежнему ощущалось, так это резерв. Да и то связь с ним как будто ослабла, и он уже не казался таким огромным, как раньше.

Усилим воли давя панику, Мариус огляделся. Он... словно болтался на поверхности безбрежного водоема, багрового, то и дело подергивающегося мелкой рябью. И не дышал. Впрочем, и не особо хотелось. Телу как будто и воздух стал не нужен.

«Может быть, все дело в резерве? Может, это единственное, что нужно мне для поддержания жизни?»

Он опустил взгляд и сквозь мутноватую, будто присыпанную красной пылью воду, увидел...

Целый мир.

Черные горные хребты и желтые долины. Кровавые ленты рек. Рубиновые вкрапления озер. Астрал.

Ему оставалось совсем немного, чтобы туда попасть. Он и так плавал на поверхности этой реальности, словно клоп-водомерка. Оставалось набрать полную грудь воздуха – и просто нырнуть... Но вдохнуть не получалось, и тогда Мариус просто перевернулся вниз головой и устремился вниз, в странный новый мир.

Это было странное ощущение.

Он как будто плыл по воздуху, холодный ветер... он был повсюду, пронизывал, прошивал насквозь, словно тела и не было. Здесь не было солнца, но свет как будто просто шел с неба – да и небом это было сложно назвать, скорее, поверхность воды. И еще Мариус внезапно мог смотреть во все стороны, не поворачивая головы. Это тоже было странно. Тела он не чувствовал, но видел. Свои руки, неподвижно вытянутые вдоль туловища. Свои ноги, чуть согнутые в коленях. А еще Мариус видел, что по этому небывалому небу плывут такие же

небывалые твари, похожие на каракатиц, но почти прозрачные, усыпанные чернильными пятнышками. Твари астрала? А как тогда выглядит Магистр? И как его здесь найти?..

Он посмотрел вниз, проплывая над острыми черными пиками, исчерканными ломаными морщинами. Внизу плыли тени, его – маленькая, и другие тени, большие, расплывчатые. А может быть то, крупное, было тоже тварями и просто ползло по скалам, следом за ним?

Мариус мысленно выругался.

Нет, конечно же, было невероятно круто – попасть в астрал.

Но что с этим дальше делать? И как сражаться с Магистром, если даже собственного тела не чувствуешь?

Впрочем, с этим выводом он поспешил. Пальцы начало покалывать, затем чувствительность вернулась к рукам, к спине... Последними отошли ноги. Дышать... по-прежнему не хотелось. Но что-то пошло не так. Мариус почувствовал дурноту, мир перед глазами начал стремительно наливаться чернотой. А резерв... Он съеживался, морщился, уменьшался с катастрофической скоростью.

Теперь уже по-настоящему накрыло паникой. Резерв походил на ссохшуюся дыню, и – слабость, обморок...

– Нет, нет! – кажется, он прохрипел это в попытке зацепиться за границу сознания.

А затем, вспомнив, изо всех сил стиснул пальцами артефакт Энолы Дампи.

Хруст. Пластины крошатся, осыпаясь вниз, на поверхность ярко-желтой долины. Рев в ушах, такой, что голова просто раскалывается. И Мариуса швырнуло вверх, так, что он со звучным всплеском рухнул в поверхность воды, затрушенную красной пылью, а оттуда – вниз, в черноту обморока. Он успел с усилием втянуть воздуха и обмяк в чьих-то руках.

... В глаза ударил яркий свет, Мариус заморгал, с трудом поднял руку, закрываясь.

– Так, – прозвучал рядом голос Энолы, – наконец-то. А то я уж подумала, что придется бежать за лекарем, а времена нынче беспокойные. Ну что, как там, в астрале?

Мариус осторожно приподнял гудящую голову. Он снова был в собственной кровати, заботливо укрытый по самый подбородок

одеялом. Невольно улыбнулся – ну конечно, у Энолы всегда при себе артефакт невесомости. Она его до кровати и донесла.

– Можно чего-нибудь выпить? – хрипло попросил он.

Энола была умной женщиной и сразу подала именно то, чего хотелось: крепкого рома на дне стакана. Напиток огненным шариком прокатился по горлу, ощущения стремительно возвращались.

– Спасибо, – прошептал Мариус и закрыл глаза.

– Рассказывайте, – она безжалостно потеребила его за плечо.

– Да что здесь рассказывать. Похоже, не получится все сделать так, как мы хотели, – голос скрипел, точно несмазанная телега, – в астрале резерв уменьшается очень быстро. Такое впечатление, что это единственное, что во мне поддерживало жизнь... Как будто я дышал там этим резервом... Словно под водой. И как только резерв закончился... Я привел в действие возвращающий артефакт. Ну и вот.

Он, щурясь, смотрел на Энолу. Она принялась ходить по спальне, то закладывая руки за спину, то поправляя совершенно растрепанную прическу. Потом остановилась посреди спальни, посмотрела на Мариус.

– А знаете что, – проговорила задумчиво, – похоже, первоначальный план придется отставить. У вас не получится сразиться с этой дрянью на ее территории. Предлагаю вот что: я сделаю артефакт, который убьет его, когда он будет в вашем теле.

Мариус не выдержал и хихикнул. А потом рассмеялся уже в голос.

– Да перестаньте вы, – сердито одернула Энола, – здесь любые средства хороши. Не получилось одно, получится другое. Ну, послушайте, – присел на край постели, взяла его за руку, – у меня ведь получилось его выкинуть из тела того парня? Значит, и убить в теле получится, надо только пораскинуть мозгами, что да как.

– А что с телом случится, м? Не знаете?

Энола вспыхнула, это было видно даже в свете лампы. Затем усмехнулась, пожала руку Мариусу.

– Я уж как-нибудь постараюсь сохранить ваше тельце. Главное, чтоб успеть до свадьбы Флодрета. Мне тут Телора сказала, что он все-таки свадьбу назначил ровно через пять дней.

Этой новости оказалось довольно, чтобы Мариус сел на кровати.

– Я просил ее отсрочить свадьбу, – прошептал, все еще не веря.

– Плохо, значит, старались и были неубедительны! – изрекла Энола, подкатывая глаза.

– Да чтоб вас... ну и шуточки, – он потер лоб, – нормально я старался, это так, к слову. Но почему же...

– Потому что, ниат Эльдор, ваша дама сердца здесь ничего не решает. Все решает только король. А этот упертый пень решил жениться... Хоть вроде бы и в трауре, – теперь голос Энолы сочился мягкой, теплой печалью.

Мариус поднял на нее глаза, и ему показалось, что щеки у нее подозрительно мокрые.

– Вы успеете?

– Успею, – уверенно сказала она, – я не имею права не успеть. Мне, знаете, себя очень жалко, так жалко, что хоть плачь.

«А у меня осталось последнее желание, – мысли текли вяло, неохотно, – вопрос только в том, захочет ли Флодрет его удовлетворить. Кажется, он всерьез намерен жениться... Неясно только, кому насолить больше хочет, мне или Эноле».

Глава 9. Король изволит жениться

Несмотря на бурные и непонятные события вечера, утром Алька проснулась отдохнувшей и свежей. Она долго лежала под мягким одеялом, взгляд неспешно бродил по тюлевым занавескам, сквозь которые в спальню просачивались редкие солнечные лучи. Ей было хорошо – впервые за долгое время. То, что случилось вчера... И пусть ее и заперли в спальне, но ведь скоро отпустят? То, что было...

Мариус Эльдор вернулся.

Алька беззвучно рассмеялась, потянула одеяло до самого подбородка, а потом прижала его к груди.

Вернулся. И ведь никуда не уходил от нее. Все объяснил. Почему нельзя было сделать этого раньше? Тогда она бы ни за что не согласилась на эту авантюру, на замужество с королем земель Порядка. Она и сейчас не согласится, теперь, когда знает, что все оказалось не так, как кажется.

Она лежала в теплой постели, и чувствовала себя так хорошо, как только может себя чувствовать человек, разрешивший для себя один очень важный и сложный вопрос.

Раз Мариус вернулся, никакой свадьбы уже не будет. Осталось, правда, сообщить об этом королю, но... Алька верила в то, что он поймет, потому что сам он ее не любит, а любит свою ниату Дампи, и хорошо ему именно с этой женщиной, не с Алайной Эльдор.

Ловя себя на том, что продолжает улыбаться, Алька выбралась из-под одеяла и в сорочке, босиком, прошлепала к окну. За стенами дворца занимался прекрасный солнечный день, сквозь плетение черных ветвей ярко синели кусочки чистого неба. Прекрасный день, чтобы начать новую жизнь. Прекрасный день, чтоб объясниться с королем.

Оставался, правда, Лиар Фэй. Но он наверняка еще не вернулся, так что опасаться было нечего. И потом, она ведь могла откровенно поговорить с Флодретом, попытаться сделать из него союзника – и тогда уже Фэю пришлось бы несладко. Его можно было арестовать, посадить под замок. Алька не была уверена в том, что его следует убивать – но в любом случае, вопрос можно было бы решить с

помощью Сантора. Вряд ли Сантор одобрил бы решение бывшего раба править соседним королевством...

Пока Алька одевалась, мысли ее самовольно перескочили на Мариуса и воспоминания прошедшего вечера. То, что у них случилось, было – как всегда – одуряюще-прекрасно, настолько, что до сих пор при воспоминании начинают подгибаться коленки, а тело наливается предательской слабостью. И именно вчера она поняла, насколько изголодалась по нему, пусть и не мужу, но возлюбленному. Вообще непонятно, как жила все эти дни. Не жила, так, плыла сквозь дни, мутные, пыльные, безвкусные. И уже было наплевать на то, в самом ли деле была у него любовница, или все это оставалось лишь частью спектакля. Только воспоминания о прикосновениях, таких нежных и трепетных вначале – и совершенно собственнических, требовательных потом.

Алька довольно ловко зашнуровала корсет, стараясь не затягивать его сильно, посмотрела на себя в зеркало: глаза сияют, на щеках легкий румянец, губы сочные, чуть припухшие. Ей показалось, что она немножко располнела, совсем чуть-чуть, но это пошло на пользу: лицо немного округлилось, выглядело... более женственно, что ли? И, счастливо вздохнув, Алька двинулась к дверям.

Она, в общем, не слишком надеялась на то, что дверь будет не заперта. Но все же подергала ручку и на удивление дверь поддалась. Алька осторожно высунулась в коридор, улыбнулась часовому, честно подпирающему стену в коридоре.

Та блондинка... Любовница Мариуса... Она ведь воспользовалась вчера магией. Но какой? Алька не была сведущей в чарах, но даже ее познаний хватало на то, чтоб быть уверенной: еще не придумали заклинаний, которые бы позволяли перемещать вещи так, как это вчера сделала блондинка. Зато Алька знала, что при желании можно сделать артефакт, воплощающий в жизнь самые смелые мечты его создателя. Чего только «Дыра в стене» стоила! Следовательно, девица имела при себе довольно сложный артефакт? Интересно, кто ей его сделал?..

Алька решительно двинулась в сторону королевских покоев. После встречи с Мариусом... не хотела она короля, ни в каком виде. А делать вид, что все по-прежнему, казалось некрасивым и нечестным по отношению к человеку, который даже согласился оставить чужого ребенка.

«Ребенок, я ничего не сказала про ребенка, – запоздалое сожаление позвякивало молоточками по колокольчикам, вызванивая грустную мелодию, – а как бы он обрадовался... наверное... Ведь Мариус хорошо относился к Тибу. Так, верно, свой ребенок сделал бы его счастливым».

Она передернула плечами. Ничего, успеет еще сказать. Тем радостнее будет сообщить...

Алька беспрепятственно дошла до двери, за которыми начинались королевские покои. Она остановилась перед часовыми, почему-то сделала книксен, хоть и не была должна.

– Его величество у себя? Мне... нужно к нему.

Один из часовых коротко кивнул. И все. Больше никто не шелохнулся. Приняв это за дозволение, Алька осторожно толкнула створки и вошла. Ей хотелось застать Флодрета одного, чтоб никто не помешал разговору – а поговорить Алька собиралась серьезно.

Так она миновала несколько залов, пустых, тихих и роскошно обставленных, добралась до кабинета его величества. Потом прошла чуть дальше, заглянула в еще одну гостиную, в спальню, и, сообразив, что раз уж его больше нигде нет, то наверняка в кабинете, вернулась и аккуратно постучала.

– Войдите, – раздалось спокойное.

Алька закусила губу. Внезапно сделалось страшно, по коже пробрало неприятным холодком, словно насыпали в ворот платья ледышек. Передернув плечами в попытке избавиться от этого странного ощущения страха, словно повисшего в воздухе липкой паутиной, Алька решительно толкнула створку двери и вошла.

Поговорить все-таки надо было.

Флодрет сидел за письменным столом и что-то энергично строчил на бумаге, торопливо макая перо в чернильницу. Алька заметила, что он как-то осунулся, резче проступили скулы. И глаза – вечно холодные, кошачьи глаза – сейчас выглядели покрасневшими, словно Флодрет так и не ложился с вечера.

– А, это вы, моя милая, – он окинул Альку быстрым взглядом, усмехнулся своим мыслям и вернулся к письму, – сейчас я закончу. Присядьте.

Она огляделась, заметила небольшую аккуратную кушетку и села на краешек. Взгляд отмечал детали: его величество был в мятой

рубашке с совершенно неприлично расстегнутым воротом. И куда только щегольский платок и дорогая булавка с бриллиантом делись? Волосы влажные, словно король недавно принимал ванну. И эти глаза краснющие. Плотно сжатые губы, бледные и искусанные.

...Король поставил перо в чернильницу, отложил в сторону законченный документ и устался на Альку. Нельзя сказать, чтоб радостно.

– Ну, что ж. Теперь я полностью в вашем распоряжении, – а голос... точно северная река. Спокойная, холодная.

Разве так говорят с теми, кого любят?

«Но он и не пытался мне врать, никогда не говорил о любви. Наоборот, только и напоминал о том, что этого тут нет, и вряд ли будет».

– Ваше величество, – она осипла от волнения, откашлялась, – ваше величество... Я должна вам кое-что сказать.

Флодрет положил подбородок на сложенные шалашиком пальцы. Руки у него были красивые, холеные. Длинные музыкальные пальцы и тяжелые перстни.

– Я вас слушаю, дорогая.

Алька вдохнула поглубже и, боясь растерять всю решимость, брякнула:

– Я не могу выйти за вас замуж... простите.

Почему-то она ожидала, что Флодрет разозлится. Бросит ей в лицо обвинения наподобие – я тебя, беременную, подбираю, а ты тварь неблагодарная.

Но король не был бы королем, если бы не умел играть.

Орвил Дей Флодрет тепло улыбнулся. Так, словно Алька была маленькой девочкой и только что сказала несусветную глупость.

– Отчего же, Алайна? Что мешает?

Она потупилась.

– Я люблю... другого. И вам это известно. Вот. А я не могу так. Не могу, понимаете?! Не могу думать об одном, а принадлежать другому.

В кабинете повисло молчание. Алька с трудом выдержала ледяной взгляд, который, казалось, прошивает ее насквозь.

Потом Флодрет, так и не меняя позы – да и вообще, не шевелясь, заметил:

– Но он же вас оставил, разве нет? Или я чего не знаю?

Алька поникла. Теперь уже стало немного стыдно – оттого, что снова короля ставили в неловкое положение. Сперва – бывшая невеста Магистра, да еще и беременная. Теперь вот – ну откуда королю знать, что Мариус Эльдор ее не бросал?

– Я не смогу... с вами, – прошептала она и уставилась на ковер.

– Но я вас пока что ни к чему не принуждаю, – сухо заметил Флодрет.

Он шевельнулся наконец, затем выбрался из-за стола и подошел к окну. На фоне светлого прямоугольника его фигура казалась темной, почти черной.

– Но когда-то будете принуждать, – возразила Аллька. И тут же, хватаясь за спасительную ниточку, запальчиво продолжила, – ну а вы, ваше величество? Разве в вашем сердце не другая женщина? Даже ваша дочь... она сказала мне вчера... как вам было хорошо втроем, и как она бы хотела, чтобы ее матерью была Энола Дампи.

Казалось, Флодрет вздохнул. Все еще стоя к Алльке спиной, все еще глядя сквозь стекло на синие кусочки неба в плетении ветвей.

– Энола Дампи, – эхом повторил он, – вы не понимаете. В нашем с вами браке... я говорил уже, нет ничего от любви. А ниата Дампи... объявлена нынче в розыск, потому как посмела покуситься на свободу королевской воли. В результате чуть война не случилась между нашими народами. Так что, Алайна, возьмите себя в руки. Нам действительно следует пожениться. Я так считаю, и я от этого решения не отступлюсь.

– Вы хотите отомстить... ей? – вдруг догадалась Аллька, – но... ваше величество... подумайте хотя бы о своей дочери. Кого бы она хотела видеть своей мамой?

Флодрет обернулся, быстро подошел к ней. Аллька невольно отшатнулась. Выглядел он... совершенно непривычно. Как будто впервые она увидела Орвила Дей Флодрет взволнованным. Даже не так – потрясенным, огорошенным... Что угодно, но только не спокойным. Куда-то вся прохладная невозмутимость делась.

Он наклонился к ней, заглянул в лицо. Так и стоял, уперев руки в колени.

– А вам разве не сказали? – прошептал едва слышно, – Леону вчера убили.

– Что?!!

Алька забыла как дышать.

Невозможно. Ужасно. Этого не может быть.

Она выдохнула это вслух, и король криво улыбнулся.

– Не переживайте так. Вам вредно.

– И вы... вы так спокойно... говорите об этом? – шок сменился недоумением.

Леона была всего лишь маленькой девочкой. Она никогда и никому не сделала ничего дурного.

И тут же, в памяти – «началось». Это сказал Мариус, когда они...

Мариус?!! Невозможно. Он никогда бы не причинил вред ребенку, даже если бы это был ребенок злейшего врага... Но тогда... Что происходит в этом дворце?

Алька покачала головой.

– Я... я не верю.

Флодрет резко выпрямился и снова отошел.

– Вы вольны не верить. Хотите успокоительных капель?

Она смотрела на короля и не понимала. У него ведь... убили единственную дочь. И он так спокойно... говорит об этом? Не любил? Наверное, так может быть.

– Где Леона? – хрипло спросила Алька.

– В Святом Надзоре. Ваш... Магистр Эльдор забрал тело, чтобы попытаться по характеру ранения вычислить убийцу. Она была убита магическим заклинанием.

«А может, он сам уже напился этим успокоительным?»

Алька все еще не верила, но глаза уже защипало. И горло сжалось.

Леона была совсем чужим ребенком, которого она и видела-то всего дважды. И все же...

– Я пойду, ваше величество, – тихо сказала Алька, – мне нужно...

– Идите, – доброжелательно сказал Флодрет, – готовьтесь к свадьбе, моя дорогая. Не вижу повода откладывать.

– У вас должен быть траур, – упрямо сказала Алька.

– Его не будет, – последовал твердый ответ.

Она выскочила из кабинета, словно за ней гнались взбесившиеся крагхи, которых больше не было. В мыслях – раздрай. Алька торопливо пошла к себе, а сама все думала, думала... Ей не давало покоя вот это странное поведение короля: он сказал, что Леону убили,

но при этом был так спокоен, словно ничего и не произошло. И вот как-то совсем не верилось в происшедшее... Леона перед глазами, как живая. Так похожая на отца... Он не мог ее не любить. А если любит, отчего оставался так холодно-равнодушен? Крылась в этом всем какая-то фальшь, гнильца... Но Алька пока не совсем понимала, где именно.

Алька затрясла головой. Ей начинало казаться, что вокруг нее стремительно разворачивается представление, которое играют специально для нее.

Сперва – Мариус.

Теперь вот – король.

И свадьба. Для кого будет это представление? Вернее, для кого готовится эта драма?

«Мне нужно поговорить с Мариусом», – подумала Алька, шагая в свои покои.

Поговорить... Но как?

Вряд ли получится незаметно сбежать из дворца, добраться до резиденции Надзора и так же незаметно вернуться. Король... Будет недоволен, изрядно, если ему расскажут, что невеста уходила в неизвестном направлении, а затем вернулась. Да и не выпустят просто. Вон, сколько охраны во дворце.

А Леону убили.

От одной только мысли, что этой тоненькой, с прозрачной фарфоровой кожей девчушки больше нет, делалось дурно, и горло сжималось в спазме. Единственное, пожалуй, что не давало сидеть и реветь в платочек, это странная мысль о несоответствии того, что произошло в рассказе Флодрета и его собственно поведения.

Он ведь любил свою дочь. Если бы не любил, отослал бы прочь из дворца, и уж конечно не занимался бы обустройством детской, и не проводил бы с принцессой вечера, да еще в компании Энолы Дампи.

И вот так, чтоб ни слезинки? И даже голос не дрожал?

Алька не покидало ощущение дурного спектакля, который разворачивался вокруг нее с пышностью павлиньего хвоста. И она совершенно не понимала, как среди всего этого себя вести. Изобразить горе по поводу смерти Леоны? Или же... не изображать, а действительно горевать, если все было на самом деле, а Флодрет только изображал любящего отца?

Алька чувствовала, что запуталась. И поэтому... хотелось увидеть Мариуса. Чтоб он обнял, прижал ее голову к плечу, и так и стоял, поглаживая спину, чуть заметно покачивая Альку в руках. Чтоб объяснил.

И снова все сводилось к вопросу: как попасть в Надзор.

Алька походила по комнате. Высунулась в коридор, улыбнулась часовому. Вернулась к окну, распахнула его – в лицо ударило свежим ветром, напитанным сладостью близкой весны. Алька осмотрела карнизы. Она ведь неплохо могла лазить по стенам, но тут... слишком высоко, слишком гладкая штукатурка. Да и недалеко уйдешь в этом глупом платье с длинной пышной юбкой. Вспомнив, Алька метнулась к шифоньеру, принялась рыться в рюшах и бархате, пытаясь найти ту одежду, в которой летела во дворец – но ее предусмотрительно убрали, как будто Флодрет желал видеть свою невесту исключительно в традиционных женских туалетах. Нервно хрустя пальцами, она вернулась к распахнутому окну. Снять тяжелые юбки? Но как тогда идти по городу? Вряд ли здесь оценят по достоинству хождение в кружавчатых панталонах. Да и наверняка заметят, если будет пауком карабкаться по стенам. Алька раздраженно прикусила губу и захлопнула окно. Впервые она жалела о том, что лишилась крыльев. Так бы... выпрыгнула – и поминай, как звали, она бы упорхнула в яркое небо, а потом бы постучалась в окно Магистра. Но что толку мечтать?

Присев в кресло, она задумалась, методично обгрызая заусенец. И едва не рассмеялась, вспомнив... В самом деле, как о таком можно забыть?

Алька снова подошла к окну, выглянула, внимательно разглядывая видимый кусок дворцового парка. Здесь, под окнами, были аккуратные дорожки, мраморные скамейки и элегантные розарии. Но ведь... парк не везде такой. И та липовая аллея, где они прогуливались с его величеством – весьма безлюдное местечко. Но ведь туда ей позволено выходить?

Она спешно накинула шаль и вышла в коридор. Подошла к часовому и вежливо сказала:

– В комнатах душновато. Я выйду в парк. Он ведь хорошо охраняется?

Разумеется, парк отменно охранялся, со всех сторон, да еще и был огорожен высокой стеной, так что ее высочество могла без опасений выйти на прогулку.

Алька благодарно покивала, а затем заторопилась в парк.

За стенами дворца было свежо и довольно прохладно, но умытое, яркое солнце к концу зимы начинало греть. По обе стороны от дорожек земля была черная и мокрая, и кое-где даже проклюнулись зеленые острые носики тюльпанов и ирисов. Где-то неподалеку звенела капель. И, хоть до весны еще далековато, на кустах сирени набухли почки, а над головой шумно возились воробьи.

Стараясь нигде не задерживаться, Алька быстро пошла в сторону той самой липовой аллеи. Несколько раз оборачивалась, чтобы убедиться, что никто за ней не следует. Но пока что все складывалось удачно, она беспрепятственно нырнула под кроны старых лип и выдохнула. Теперь... самое интересное.

Ей нужно было попасть в резиденцию Надзора. Вот так, прямо из этой липовой аллеи. Будь Алька магом или артефактором, вопрос можно было бы решить порталом. Но она была принцессой крагхов, и у нее был Рой.

Алька еще раз огляделась, убедилась в том, что совсем одна, затем прикрыла глаза. Она давненько не обращалась к ним, но... твари никуда не делись. Сотни, тысячи светляков в ночи, близких и далеких одновременно. Алька даже испуганно прикусила губу, ей показалось, что Рой ширился и ширился, становился больше, а она – все равно что смотрит в глубокое звездное небо, и сама висит посреди теплой пустоты. Она – в собственных мыслях – подняла руку, протягивая ее к далеким тварям, поманила к себе. Одного. Того, кто мог прийти быстрее прочих. Легонько толкнуло где-то в груди, и тут же потянуло: связь. Невидимая нить сквозь пространство, которая вязала ее с архааном. И Алька осторожно потянула эту ниточку, призывая его к себе.

Архаан вывалился из ниоткуда со следующим ударом сердца. Он протиснулся сквозь разрыв в пространстве, светящийся гниловатой зеленью, защелкал жвалами и дружелюбно потянулся к протянутой руке. Алька погладила его по теплому хитину, потрепала по клочковатой серой шерсти, которая начинала расти сразу за границей защитных пластин, потом легко забралась по распластанному крылу,

перепончатому, как у летучей мыши, села на шею и покрепче вцепилась в мех. Представляя резиденцию Надзора... она думала про Мариуса. Архаан должен был продираться сквозь пространство именно к Мариусу, а не просто ляпнуться на землю посреди двора. Архаан заворчал, дернулся, пошел вперед – и буквально через мгновение Альку поглотила чернота.

...Снова свет.

Крики, много, испуганные.

Когда глаза привыкли, Алька поняла, что архаан вынырнул в дыру прямо в огромном холле Надзора, и теперь со всех сторон их окружали маги в черной форме. Воздух начал потрескивать, верный признак того, что сейчас... вот-вот, особенно эта полупрозрачная алая сфера, которая как раз на них катится...

– Стойте! – взвизгнула Алька не своим голосом, – подождите! Мне... нужен Магистр! Это срочно!

Ее и вправду не тронули. Но, когда слезла с архаана и позволила тому убраться в гнездо, взяли в плотное кольцо, а потом и под ручки. Крепко так, что Алька расстроено вздохнула – на предплечьях скорее всего останутся синяки, попробуй потом объясни королю, откуда все это.

– Кто вы и что вам нужно?

Алька посмотрела на седоватого мужчину, высокого поджарого, на груди двойной серебряный шнур... наверное, что-то это означало в святом Надзоре.

– Мне нужен Магистр Эльдор, очень срочно, – вздохнула Алька, – пожалуйста...

Она смотрела в незнакомое, жесткое и угловатое лицо, и вдруг – с неприятным холодком по спине – поняла, что пока она доберется до Мариуса, никто здесь с ней церемониться не станет. Страж нахмурился. Его взгляд скользнул по Альке, вверх-вниз. А за руки ее по-прежнему держали, неприятно-крепко.

– Для начала извольте представиться, – последовало короткое.

– Алайна, Алайна Ритц, – поспешно сказала она, – я...

И хотела добавить, что она нынче королевская невеста, но не успела. Седой еще раз окинул ее взглядом, затем процедил:

– В допросную. По крайней мере, обыскать. А там посмотрим.

А затем, уже совершенно спокойно, добавил:

– Вы же понимаете, что мы не можем сопроводить к Магистру женщину, прилетевшую на твари.

– Подождите! – воскликнула Алька, упираясь туфельками, в то время как ее попросту поволокли прочь, – что вы... да как же?..

Когда ее волокли мимо молоденького стража, ей показалось, что он посмотрел на нее с сочувствием, а затем быстро отвернулся и вообще, куда-то ушел.

Холл, мрачный и просторный, остался позади. Алька окунулась в жирную, неприятную темноту коридоров Надзора, ее вели, тащили вперед и вперед. Она и сопротивляться перестала – разве она может одержать верх в борьбе с двумя... нет, с тремя здоровыми мужиками?

– Прекратите, – попросила тихо, – позовите Мариуса... Он...

И сглотнула, оказавшись перед темной дверью, окованной железными полосами. Они были местами побиты ржавчиной, но не это внушило Альке безотчетный страх. От самой двери... разлило кровью. Это было так явственно, что мгновенно закружилась голова и затошнило. Раздался скрип петель, запах стал еще тяжелее. Там... была небольшая комната с маленьким окном под самым потолком. Стол, стул. И ничего больше. Какая-то ветошь набросана в углу...

«Я упаду в обморок», – отстраненно подумала она.

– Раздеть и обыскать, – раздался жесткий приказ, лишаящий вообще какой-либо надежды.

– Я – невеста его величества! – пискнула она в отчаянии.

Естественно, никто не поверил. А если и поверил, важность формальной стороны вопроса все равно перевесила: если в Надзор врывается фье на твари Роя, прежде чем с ней разговаривать, ее нужно обыскать и убедиться в том, что данная фье не будет представлять никакой опасности.

– Раздевайтесь, – сказал кто-то над ухом.

Щеки стремительно наливались жаром. Все это было... так унижительно, так мерзко. И Алька вдруг подумала – а что, если и Мариус вот так... если кто к нему попадает в руки? Она ведь... никогда не знала, чем он занимался в Надзоре. Догадывалась, конечно, но все же... чтоб вот так...

Закусив губу и глядя в пол, она нерешительно взялась за застёжки платья. Потом оно с сухим шелестом сползло на пол, и Алька,

обхватив себя руками за плечи, несмело обвела взглядом собравшихся стражей. Каменные лица, совершенно лишённые эмоций. В глазах – равнодушие, которое режет хуже ярости. Она была для них не более, чем очередным куском мяса.

– И рубашку тоже, – последовал приказ.

– Нет, не надо, – пробормотала она, – у меня... ничего нет, да и зачем мне?! Позовите Магистра!

Алька дернулась, когда кто-то из них совершенно неуловимым движением снова схватил ее за плечи. Раздался треск рвущейся ткани – и одновременно с этим гроыхнула о косяк резко распахнутая дверь. Уже мало что соображая, Алька только и успела, что схватиться за безнадежно испорченный ворот нижней сорочки, уставилась на высокую фигуру в черном, вылившуюся из темноты коридора.

– Так, – Мариус Эльдор на миг замер на пороге, его взгляд прилип к Альке, всего на миг, затем переместился на подчиненных. Из-за его спины осторожно выглядывал тот самый, молоденький страж. Альке померещилось, что в темных глазах Мариуса появился кровавый отблеск.

Он медленно переступил порог, еще раз оглядел собравшихся и поинтересовался, очень вкрадчиво и тихо:

– Что здесь происходит?

Ему ответили. Мол, данная фье ворвалась в Святой Надзор на твари роя, и была доставлена для обыска и первичного допроса.

Мариус передернул плечами. На Альку он почему-то избегал смотреть.

– Все вон, – не сказал, почти прошипел он.

– Но, магистр...

Непонимание. Даже обида в голосе стража. Старались ведь.

– Все вон, – повторил Мариус.

Он крадучись, по широкой дуге, подходил все ближе и ближе. Алька почувствовала, как ее отпустили, и те, кто ее держал, попятись. Мариус... Кажется, она поняла, почему стражи вдруг порскнули прочь, подальше от нее, от Магистра, в открытую дверь. Воздух как будто раскалялся, начинал ощутимо давить. В сумерках появилось легкое голубоватое свечение, и расходилось оно во все стороны как раз от Магистра.

– Мариус, – пискнула она, – что ты...

И так не вовремя закружилась голова, Алька пошатнулась, но тут же оказалась подхвачена на руки. А в глазах Мариуса и правда плавали алые отсветы.

– Что ты здесь делаешь, – едва слышно прошептал он, глядя глаза в глаза.

Алька поежилась. Дурнота медленно отступала, но теперь, глядя на Мариуса, в душу тоненькой струйкой начал просачиваться страх. Что-то новое появилось в Мариусе Эльдоре. Что-то давящее, тяжелое, чего она никогда не ощущала раньше.

– У тебя глаза красные, – прошептала она бездумно, – они ничего мне не сделали... пожалуйста...

И сама не понимала, чего просит. Чтобы успокоился? Чтобы не убил потом тех людей?..

– Хорошо, – выдохнул он, – хорошо...

В радужки снова возвращалась спокойная и такая знакомая кофейная тьма. Сияние погасло. Алька крепче обхватила его руками за шею, прижалась лбом к плечу. А он... по-прежнему держал ее на руках, стоя посреди этой страшной, пропахшей кровью комнаты. Потом опомнился, осторожно поставил на ноги, а сам поднял платье.

– Тебе надо одеться. Позволь, я помогу.

И покачал головой, потрогав то, что осталось от нижней сорочки.

– Ничего, – сказала Алька, – видно не будет... Глупо как-то получилось.

– Прилетать в Надзор на твари роя в самом деле было не самым мудрым решением.

Мариус тоже помаленьку приходил в себя, и даже дышать рядом с ним стало легче. Он молча стал помогать Альке одеваться, задержал в пальцах ее предплечье, где уже наливались багровые синяки.

– Каждый из них будет казнен, – сказал он, тяжело посмотрев на Альку, – прости меня. Хорошо, что секретарь успел вовремя.

– Не надо, – пробормотала она, – они просто делали то, что им казалось правильным.

– Им следовало бы немного думать и прежде спрашивать у меня, – Мариус перешел к застегиванию крючков на платье, – давай пойдем ко мне в кабинет. Там... лучше...

И они пошли. Но прежде чем шагнуть в портал, Мариус обхватил Альку за талию и прижал к себе. Она чувствовала его теплое дыхание

на своей макушке, и в ответ обхватила руками за пояс и закрыла глаза.

... – Так зачем ты пришла?

Он осторожно усадил ее в кресло и укутал в ее же шаль. А сам отошел подальше, присел на край письменного стола. Алька помолчала, осматриваясь. Кабинет Магистра был ей знаком. Именно здесь она ссорилась с Магистром из-за брата, но тогда, кажется, здесь были еще гобелены. Теперь – просто каменные, неоштукатуренные стены. Взгляд наткнулся на хрустальный графин и стаканы на столе.

– Можно мне воды? – попросила она.

– Конечно.

Кажется, Мариус даже улыбнулся. Налил полный стакан и подал ей. Алька сделала несколько глотков, поставила стакан на подлокотник кресла, а затем спросила:

– Где Леона Дей Флодрет?

Мариус вернулся к столу, снова присел на его край и сложил руки на груди. Алька невольно залюбовалась им: даже в мрачной форме надзора Мариус Эльдор казался ей самым красивым в мире мужчиной. Только вот... несколько серебристых волосков на висках? Раньше ведь не было.

– Я не знаю, – мягко ответил он, – почему спрашиваешь?

– Мне... сегодня сказали, будто бы она умерла. Король сказал. Но я не верю. Он так спокойно об этом говорил, что я не верю.

– Моя маленькая умная птичка, – голос Мариуса потеплел, – по сути, ты правильно догадалась. Так нужно было сделать, и это не моя тайна. И где сейчас Леона, я не знаю и знать не хочу. Потерпи. Скоро все наладится.

И тут словно что-то лопнуло внутри, с острой подсердечной болью. Алька вскочила на ноги, сжала кулаки.

– Что наладится? Что?! Я сегодня... ходила к Флодрету, просила, чтоб отказался от свадьбы. Но он решил. Решил, что мы должны пожениться, и хоть головой о стену бейся! Что я могу сделать? А еще... еще Лиар Фэй, он прямо-таки из шкуры выпрыгнет, чтоб я вышла замуж за Флодрета и была коронована!

Мариус нахмурился, потер пальцами лоб.

– Так. Давай все сначала. Кто такой Лиар Фэй? И ему-то что нужно?

Алька всплеснула руками.

– Это лучший маг моего отца. Никто лучше него не может призвать Рой, ну, ты понимаешь, да? Это теперь наша магия... бывших крагхов. В общем, Фэй хочет, чтобы я вышла замуж за Флодрета, а потом его убила.

– За-чем? – теперь на лице Мариуса была написан живейший интерес.

– Затем, что сам хочет на мне жениться! И угрожает, что расправится с Тибом, если я осмелюсь послушаться!

Последнее Алька почти выкрикнула. И обессиленно уронила руки. Покорно положила голову на плечо Мариусу, когда он подошел и обнял.

– Понятно, – сказал он, – я об этом не знал. А где он сейчас, этот Фэй?

В его руках было так тепло и уютно, что Алька даже глаза закрыла. Она стояла, чувствуя боком, сквозь одежду, жар его тела, и глубоко вдыхала тонкий, едва заметный аромат горького шоколада и кофе. Вот бы всегда так, до бесконечности.

– Он отбыл к отцу по делам, – прошептала Алька, – что мне делать, Мариус? Я не хочу замуж за Флодрета. Я его не люблю.

– Это обнадеживает, – довольный, почти мурлыкающий голос, – потому что я даже засомневался. Целовались вы со знанием дела и с должной страстью.

– Я... – дыхание снова застряло в горле.

– Т-ш-ш-ш-ш, молчи. Не надо ничего объяснять. Не надо.

Он развернул ее к себе спиной, одной рукой придерживая за талию, а другой глядя по лицу, по шее... так приятно, так восхитительно-нежно.

– Ни о чем не беспокойся, – шепот лился в уши, – тебе не нужно будет выходить замуж за Флодрета, я не позволю. Я тебя заберу в любом случае... Дело движется к развязке, Алечка. Потерпи еще немного, и все наладится.

– Точно забереешь? Я думала, ты меня бросил, потому что я натворила глупостей, – капризно сказала Алька.

– И эти глупости я сейчас разгребая, – он тихо рассмеялся, – и это не так-то просто, поверь. Но клянусь, сегодня вечером все сдвинется с мертвой точки. А ты... ты побольше сиди в своей комнате и поменьше

шастай в одиночестве. Не надо. Бери с собой на прогулку кого-нибудь... Только чтобы это был не маг, Алечка. Это важно.

– А эта... твоя любовница, – Алька терялась в мыслях. Что-то надо было спросить, что-то сказать... Да, про ребенка сказать. Хоть и обещала Флодрету, но уж если не выходить за него замуж, то, наверное, можно и сказать?

– Она мне не любовница, – в голосе Мариуса звучало неприкрытое довольство.

Он помолчал и добавил:

– Вернее, любовница, но не моя. И тайна тоже не моя. Я тебе все расскажу, моя птичка... Позже. Но то, что мы с тобой сейчас говорим – плохо. Не нужно... Эх... Я не сдержался, а зря. Не получилось быть до конца железным. Но будем надеяться, что все обойдется.

– Мариус...

Алька почти собралась с духом, чтоб сказать. И почему так тревожно?..

– Тебе надо вернуться, – твердо сказал он, – и чем скорее, тем лучше. Пока тебя не хватились.

– Нет-нет, еще немножко.

– Алайна, – теперь уже совсем строго.

– Хорошо, – она чуть не хныкала. Почему все хорошее так быстротечно?

Она облокотилась на Мариуса и дала утащить себя в портал. Удар сердца – и они уже в ее покоях.

– Не уходи, – пробормотала Алька, – побудь со мной еще чуть-чуть.

– Побуду, не сомневайся.

Мариус отстранился, подошел к окну, проверил крепость щеколд. Заглянул в соседние комнаты.

Затем вернулся к ней, и Алька подошла, уткнулась лбом в плечо.

– Мы... вместе, правда?

– Маленькая птичка... Что мне сделать, чтоб ты меня простила?

– Я простила, – сказала Алька, – мне нужно тебе еще кое-что сказать. Мариус...

Его теплые руки на талии чуть дрогнули. Алька подняла лицо, чтобы видеть выражение его глаз. Ей хотелось – очень хотелось –

чтобы он просто поцеловал ее, и просто держал и не отпускал, но... Сперва признание.

– Мариус, – сглотнула нервно, – я...

Чуть скрипнула отворяемая дверь, и Мариус вмиг просто провалился в пустоту. Вот он был – и его нет. Исчез. Алька несколько мгновений потрясенно смотрела на то место, где только что был Мариус Эльдор, и только затем глянула на дверь. На пороге стоял, осматриваясь, Лиар Фэй собственной персоной.

Алька невольно задержала дыхание и быстро отвернулась. Мысли скакали как сумасшедшие: Фэй не должен понять, что она была не одна, не должен заметить, что она вообще только что появилась... И сколько он стоял за дверью? Может быть, подслушивал?

Спокойно. Надо взять себя в руки... Но как же трудно, почти невозможно...

– Как дела? – вместо приветствия.

Алька раздраженно закусил губу. Теперь, когда все так быстро менялось, Лиар Фэй злил просто неопишимо. Очень хотелось расцарапать ему физиономию, лощеную и наглуую, но Алька понимала, что ничего такого не сделает – потому что ничем хорошим это не закончится. И что же, ей приходится играть? И как долго придется его терпеть?

Мысленно молясь, чтобы Мариус что-нибудь придумал и защитил Тиберика, Алька стиснула пальцы и повернулась к Фэю. Тот оказался неожиданно близко, тонкие ноздри раздуваются, словно Фэй ее обнюхивает.

А она... наверное, она пахнет Мариусом Эльдором.

Впрочем, напридумывала все. Вряд ли Фэй обладает настолько тонким, животным обонянием, чтобы унюхать...

– Тебя здороваться не учили? – буркнула Алька, судорожно сжимая пальцы и пытаясь унять дрожь в теле.

Сейчас... у нее все получится. Надо только немножко выиграть времени, дать себе успокоиться.

– Помилуйте, ваше высочество, – с усмешкой ответил Фаэр у нее за спиной, – кто будет прививать этикет никчемному рабу?

– Так придется учиться, если хочешь быть королем, – сердито проворчала Алька.

Постепенно успокаивалась. Руки перестали трястись, дыхание снова стало спокойным. Она повернулась и, хлопая ресницами, посмотрела на Фэя. Надо бы у него что-нибудь спросить, отвлечь...

– Как поживают мои отец и брат?

Фэй помолчал. Он прошелся по комнате, заглянул в спальню, и Алька снова видела, что он принохивается.

– Повелитель Сантор здоров и благоденствует, – наконец ответил маг, – то же могу сказать и о его высочестве. Просил передать тебе привет, и то, что скучает.

– Кто, отец?

– Нет, его высочество Авельрон.

Алька отошла к окну и теперь оттуда следила за магом. Фэй был одет по моде земель Порядка, сюртук теплого горчичного цвета, под ним – вышитая жилетка. Крупный камень блестит в шейном платке. И светлые бриджи, цвета топленого молока. Черные волосы он коротко остриг, и бородку отпустил. В общем, картинка, а не мужчина – но только для тех, кто не знает, что у него внутри. А внутри... было много чего тошнотворно-гадкого, это Алька уже знала.

– Алайна, – спокойно сказал он, – ты так и не сказала, как у тебя дела. Надеюсь, Флодрет не раздумал на тебе жениться? Мне тут сказали, что у него убили дочь... Теперь, наверное, траур будет, и свадьбу отложат?

– Не хочет Флодрет ничего откладывать, – буркнула Алька нехотя, – как будто и не любил свою дочку...

– Может, и не любил, – задумчиво отозвался Фэй.

Он все ходил туда-сюда, бросая на Альку задумчивые взгляды, и она извелась вся, пытаясь понять, какого крагха этой змеюке надо.

– Я надеюсь, наши договоренности в силе? – приподнял бровь.

Алька передернулась.

– В силе, хоть я и не в восторге.

– Да ладно тебе.

Он подошел ближе, протянул руку, чтобы погладить по щеке, но Алька отшатнулась.

– Давай без этого.

В синих глазах мага мелькнуло непонимание. Совершенно искреннее.

– Почему? Я буду твоим мужем. Можно привыкать уже сейчас.

Не нужно было ему говорить так. Гнев вскипел мгновенно, и, чтобы в самом деле не кинуться на Фэя, Альке пришлось что есть силы вцепиться в подол собственного платья.

– Ну, вот когда будешь, тогда и поговорим.

Это она почти прошипела. Фэй несколько мгновений огорошено смотрел на нее, затем усмехнулся.

– Хорошо. Как скажешь. Просто... я хотел напомнить, что есть много людей, которых будет жаль убить. Так что... будь поласковой с королем. Посочувствуй его горю. Вы, женщины, умеете так делать... Чтоб он размяк, чтоб был готов тебе тапочки приносить.

Алька кивнула. И вот ради этого он пришел? Просто напомнить об их сделке?

– Ты все сказал?

Маг медленно обошел ее по дуге, пристально разглядывая. А потом быстро схватил за руку и принялся разглядывать отпечатки пальцев стражей Надзора.

– Интересно, – протянул он, – надеюсь, ты понимаешь, что невеста короля должна быть непорочна? И что невеста не должна вести себя... как шлюха?

Алька стиснула зубы и выдернула руку из хватки Фэя.

– Это не твое дело! Ты хочешь, чтоб я вышла замуж за Флодрета – я выйду. Остальное тебя не касается.

Лиар поцокал языком, насмешливо рассматривая Альку.

– Птичка показывает коготки и острый клювик? Что ж... так будет даже интереснее. Люблю, чтоб с огоньком.

Алька скривилась и попросила:

– Уходи, Пастыря ради. Видеть тебя не хочу.

Это вызвало у Фэя приступ веселья. Он поклонился Альке – так, как кланяются монаршим особам. Но едва не давился смехом.

– Как скажете, ваше высочество. Ваш покорный слуга после долгого отсутствия всего лишь хотел напомнить о том, что Орвил Дей Флодрет все же должен на вас жениться. А я, в свою очередь, пойду на все, чтобы ни он, ни вы не передумали и не отказались от этого брака.

Алька демонстративно отвернулась, и так и стояла у окна, глядя на темное плетение ветвей, пока не хлопнула входная дверь. Что ж, выходит, Фэй мало что подслушал, но кое-что заподозрил... И синяки

эти... И то, как он нюхал воздух. Неужели понял, что здесь бы посторонний мужчина?

Алька уселась в кресло. У нее появилось чувство, что времени остается все меньше и меньше... До того момента, когда уже ничего не исправишь.

Но она хотя бы предупредила Мариуса о том, что есть еще одна сторона, заинтересованная в ее браке, и что эта сторона примет все меры, чтобы самому в итоге занять трон.

Понятно было еще и то, что теперь Лиар Фэй будет таскаться за ней и следить... Неприятно, но она переживет. Что там Мариус говорил? Совсем чуть-чуть осталось. Надо просто перетерпеть.

Когда к ней снова кто-то постучался, Алька едва не швырнула в дверь кувшином. Да что ж за день такой? Нелегкий, откровенно говоря...

– Кто там? – подошла к двери, прислушалась.

Фэй вернулся? Или Флодрет?

Захотелось расплакаться. Всем им что-то от нее надо, и никто даже не спросит, а чего хочет сама Алайна Ритц. Не человек. Так, игрушка сильных мира сего.

– Ваше высочество, это Ирвисса, модистка королевской семьи, – послушалось тоненькое, – его величество потребовал, чтобы я сняла мерки для пошива свадебного платья.

Алька вздохнула. Нет, определенно, денек тот еще выдался. И открыла.

Глава 10. Ниат Фаэр

Своим подчиненным Мариус все-таки разнос устроил, просто не мог удержаться, потому что в тот момент, когда распахнул дверь и увидел Альку, такую маленькую и жалкую, в одной рубашонке, и трех стражей вокруг, здоровенных мужиков в черном, что-то страшное и темное взметнулось в душе. Мир тихо щелкнул, как будто проворачиваясь, и резерв, тот самый внутренний резерв магии, столь тщательно возвращенный Энолой Дампи, заходил ходуном, грозя разорвать грудь и залить все здесь пламенем. А потом... Хрупкая птичка в руках, бледное перепуганное личико и ощущение мягких локонов под щекой. И вот это ее – у тебя глаза красные. Он опомнился и усилием воли задавил ту липкую, ледяную тьму, что была готова поглотить рассудок.

А стражей наказал, отправив на внеочередные дежурства. Потому что нельзя доводить Магистра до такого состояния, когда он готов разнести и башню Надзора, и пол-Эрифреи в придачу.

И вот теперь собирался в королевский дворец. На письменном столе лежала полученная от Фаэра записка с предложением поужинать у него в кабинете. Похоже было на то, что маг уверовал в смерть принцессы и собирался выполнить свою часть сделки. Все это было очень правильно, своевременно. Энола как раз заканчивала работу над тем артефактом, который бы позволил убить Магистра в теле Мариуса. Артефакт, который позволял записать и хранить все, что скажет Фаэр, красовался у Мариуса на пальце под видом массивного перстня. Перстень был хорош тем, что выглядел совершенно обычным дорогим украшением, массивным и мужским, серебряным, с кабошоном черного обсидиана. Всю начинку артефакта Энола ухитрилась спрятать под кабошон. Как она это сделала, для Мариуса так и осталось тайной.

Стоя перед зеркалом в полный рост, Мариус заправил рубашку в брюки, затем прикрепил на предплечья потайные ножны с кинжалами. Фаэру он не доверял, а потому в предстоящей встрече делал ставку не только на магию, но и на свои старые навыки мастера мечей и кинжалов. Новенький сюртук надежно скрыл все эти мелочи от

посторонних глаз, Мариус еще раз окинул взглядом собственное отражение и, кивнув самому себе, вышел из комнаты.

Внизу его поджидала Энола Дампи в образе Алисии.

– Вы помните, надо нажать на кабошон, чтоб активировать артефакт? – без предисловий начала она, – ваша задача – вытянуть из Фаэра все за час. Потом запись оборвется.

Мариус кивнул.

– Я постараюсь, чтобы все прошло гладко, – сказал он.

Энола посмотрела на него с прищуром. Она взяла за привычку бродить по дому в пеньюаре, в нем же работала и спала, и ее ничуть не смущало, что такой ее видит Мариус. Впрочем, он догадывался, почему: Энола Дампи не видела в нем мужчину. Для нее вообще был только один мужчина, Орвил Дей Флодрет. Остальные – так, в лучшем случае, подружки. А Мариус так и моложе был, поэтому Энола и смотрела на него как на младшего братика. Ну или что-то вроде того. По крайней мере, хоть и бродила по дому в кружевах и с глубоким декольте, попыток соблазнить не предпринимала. Мариус же делал вид, что так и надо.

– Удачи, – довольно сухо сказала она, – к завтрашнему дню я как раз доделаю нужную нам вещь, и мы сможем попытаться приманить вашего магистра.

Он еще раз кивнул и вышел из дома. У калитки поджидала черная карета Надзора, Мариус забрался в нее, постучал в стенку. Карета дернулась и покатила, набирая скорость и трясясь на булыжной мостовой.

Мариус откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза. Пастырь ведает, насколько он устал. Уже забыл, когда последний раз нормально поспать удавалось или поесть. Но нужно было все довести до логического финала, каким бы он, этот финал, не оказался.

...Фаэр ждал его у боковой калитки, как и договаривались. Ждал спокойно, с лицом, ровным счетом ничего не выражающим, и когда Мариус подошел, раскланялся в полном соответствии дворцовому этикету.

– Прошу вас, пройдемте в кабинет, – сухо сказал королевский маг и сам пошел вперед, показывая дорогу.

Мариус пошел следом, незаметно оглядываясь по сторонам, прощупывая магический слой реальности на предмет – а не тащится

ли вслед за Фаэром что-нибудь этакое, опасное, о чем лучше знать сразу? Но нет. Фаэр был совершенно чист.

– Больше убийств не было в городе? – поинтересовался он.

– Нет. По крайней мере, я ничего не слышал сам, и мне не доносили.

– Вот ведь странно, – пробормотал Фаэр, – два убийства, и все жертвы нашли вы со своей новой содержанкой. Такое впечатление, что убийца наш свои жертвы именно вам подбрасывал...

Фаэру нельзя было отказать в проникательности, и Мариус беззаботно ответил:

– Так получилось, ниат Фаэр. Бывают же совпадения.

– И то правда, – согласился маг.

Больше они не говорили. Фаэр привел Мариуса в свой кабинет, большой, роскошно обставленный. Мариус никогда не понимал этого стремления, окружить себя золотом, и чтоб побольше золота, а можно малахит в золоте или еще что-нибудь этакое. Мариусу нравились шелковые обои спокойных расцветок, массивная деревянная мебель самых простых форм. А вот Фаэр, судя по всему, тяготел к роскоши. Возможно, пытался возместить то, в чем считал себя обделенным.

– Прошу, располагайтесь, – Фаэр старательно прикрыл дверь. Провернулся ключ в замке.

Мариус пожал плечами и уселся на диванчик, обтянутый прекрасной гобеленной тканью с изображением переплетенных зеленых листьев. Кажется, Флодрет тоже любил этот орнамент. Мариус не без любопытства осматривался: помимо дивана, здесь был большой стол на толстых резных ножках, небольшой книжный шкаф и несколько стульев. Стены снизу были отделаны мраморными панелями, к которым сверху спускались золоченые барельефы снова в форме листьев. И с потолка свешивалась люстра, тоже золоченая – или даже золотая, тут уж Мариус не знал. От обилия драгоценного металла в глазах противно рябило.

Фаэр расположился за столом, положил руки на столешнице, уставился на Мариуса рыбьими глазами.

– Итак... ниат Эльдор.

– Итак, – откликнулся Мариус, – я выполнил свою часть сделки. Ваша очередь, Фаэр.

– Я помню, – сказал маг, – кофе? Вина? Чего-нибудь хотите?

– Это потом.

Мариус сцепил пальцы замком, положил их на колени, закинул ногу за ногу.

– Меня, знаете ли, просто любопытство гложет, – сказал он, выразительно глядя на Фаэра, – как вы это все провернули?

Фаэр ухмыльнулся, механически пригладил волосы. Он сидел за столом напротив, и Мариус постоянно ловил себя на том, что вот именно при таком освещении Фаэр очень сильно напоминает Флодрета. Только у Флодрета были необычные глаза с кошачьим разрезом, а у Фаэра – круглые, с тяжелыми веками. А так – овал лица, нос, линия челюсти... Похоже. Даже не по себе становится.

– Ну, не только ж вам интриги плести, магистр. Я тоже... вполне способен.

– Как вам удалось подставить Энолу? Чем она вам мешала? – спросил Мариус.

Фаэр помолчал, пристально глядя на него, затем махнул рукой.

– Да ничем она мне особенно не мешала. Вздорная, противная баба, которая пеклась над Флодретом как насадка над цыпленком. То не делай, тем не рискуй. Любила ему советы давать. Ну, а поскольку бывала в его постели частенько, то Флодрет ее и слушал... Тоже слишком часто, чаще, чем того бы хотелось.

Мариус незаметно вдавил кабошон на перстне, и артефакт тут же нагрелся до приятно-теплого.

– Ну тогда... Я не понимаю, – сказал Мариус.

Фаэр внезапно поднялся, вышел из-за стола. Он подошел к книжному шкафу, нажал наодному ему известную выпуклость – сработал отпирающий механизм, шкаф провернулся вокруг своей оси, открывая темный лаз.

– Ну, что ж. Тогда идемте со мной, ниат Эльдор. Все же вы, как мне кажется, достойны узнать некоторые секреты королевской семьи.

Узкая лестница вела куда-то вверх. В тоннеле не было темно, светились корзиночки с лайтерами, развешанные по стенам. Ступени под ногами были очень старыми, истертыми и немного скользкими, так что Мариус придерживался рукой за стену. Упасть и расквасить себе нос при Фаэре не хотелось.

А тот, шагая впереди, рассказывал:

– Понимаете, ниат Эльдор, тут такое дело... Я ведь тоже имею все права на престол. Только я младше Флодрета и был рожден не от правильной женщины. К тому же, в отличие от короля, я немного думаю о благе государства. По мне так нужно отобрать золото крагхов. А этот болван уперся и благочестиво не желал воевать. Я хотел повернуть дело так, чтобы война стала неизбежной... Заставить его написать такое послание, чтобы у короля из-за Пелены перед глазами потемнело от ярости. Мы бы победили, думаю. И победим, после того, как кто-нибудь более решительный займет место этого любителя цветочков.

– Кто-нибудь вроде вас? – уточнил Мариус.

– Почему нет... В общем, ниат Эльдор, одному артефактору очень хотелось сместить Дампи с ее тепленького местечка представителя гильдии, и он пришел ко мне. Я же, в свою очередь, был не прочь нарастить себе резерв – и я его нарастил, чувствуете ведь? Знаю, чувствуете, вы меня прощупывали... Мы с артефактором договорились. Он мне – резерв, я ему – место Дампи в гильдии. А потом он сделал артефакт, через который мы могли диктовать Флодрету все, что угодно, а мои люди этот артефакт преподнесли Флодрету как подарок от его любовницы. И поверил ведь, дурак.

– Воздействие, – задумчиво сказал Мариус, – мне непонятно, как вы организовали воздействие на Флодрета. Насколько мне известно, помимо локонов нужна кровь очень близкого родства. Или же его собственная.

– Сейчас вы получите ответ на свой вопрос, ниат Эльдор, – насмешливо сказал Фаэр, – потерпите минутку. Мы уже на месте.

Лестница уперлась в самую обычную, ничем не примечательную дверь. Но это было на первый взгляд. Мариус только руку протянул – и ощутил такое напряжение магических потенциалов, что любой, кого здесь не ждали, непременно стек бы на пол комками жирной слизи уже от одного прикосновения к полированному дереву.

Фаэр ловко снял конструктор заклинания и толкнул дверь.

– Пожалуйста, проходите, магистр. Об этих комнатах знаем только я, Флодрет и еще одна служанка, надежная и молчаливая женщина. Она здесь прибирается.

Мариус вошел вслед за Фаэром и остановился, осматриваясь и не скрывая любопытства. Они оказались в довольно светлой и

просторной комнате, застеленной пушистым ковром. У стены стояла кровать, а на ковре валялись разбросанные игрушки: деревянные пирамидки, лошадки, сотни солдатиков в ярких мундирах, синих и зеленых. И посреди этого детского рая сидел, скрестив ноги, мужчина, который был точной копией Орвила Дей Флодрета. Он был хорошо одет, в свободные шаровары и плотную льняную рубаху, его длинные светлые волосы заплетены в косу. Мужчина сидел и играл пирамидкой, нанизывал кольца на штырек, и не обратил на гостей ни малейшего внимания.

Мариус вопросительно посмотрел на Фаэра, а тот, покачав головой, объявил:

– Извольте познакомиться, Мариус. Это Лейтил Дей Флодрет, близнец нашего короля... И, как видите, пребывает в вечном детстве. Вот так. Коль скоро я вхож сюда, странным было бы не воспользоваться. Взяли его локон, немного крови. И потом... было достаточно просто диктовать ему, хоть он ничего и не соображает, а его величество писал. Таким образом и было произведено это воздействие. Ну, а Энола Дампи пошла приятным дополнением и моей платой нынешнему главе гильдии артефакторов.

– Умно, – сказал Мариус уважительно.

Ему все казалось, что сейчас человек, который так похож на короля и которого называли Лейтилом, отложит пирамидку, поднимется с пола и, отряхнувшись, подойдет и хотя бы поздоровается. Но нет. Лейтил Дей Флодрет полностью пребывал в своем собственном счастливом мире, где чужим не было места. Он все крутил в руках пирамидку, бессмысленно пялился в пустоту и улыбался жутковатой улыбкой вечного ребенка.

– Давайте вернемся в кабинет, – попросил Мариус, – я все примерно понял, но еще не все услышал о том, что будем предпринимать дальше.

– Хорошо, – Фаэр пожал плечами, – идемте. Делать тут в самом деле нечего.

– Это единственный выход?

– Нет, есть еще один, со стороны королевских покоев. – Сказал Фаэр и тем самым окончательно прояснил природу таинственной и невидимой лестницы.

Ужин им все-таки сервировали, прямо в кабинете Фаэра. Форель, привезенную во льду за много миль, запеченную на углях, отварной картофель, присыпанный рубленой зеленью, с золотистыми тающими завитками сливочного масла. К рыбе подали сухое белое, с благородной кислинкой, и Мариус не без удовольствия сделал несколько глотков. Работающий артефакт грел палец и чуть заметно вибрировал, на самом краю восприятия.

– Так, получается, нет никаких заинтересованных лиц в низложении короля? – невинно поинтересовался Мариус, ковыряя вилкой рыбу.

– Отчего же, – голос Фаэра потеплел, и, похоже, настроение было вполне благодушным, – есть. Герцог Эрция, барон Контье, барон Девиньи. Они полагают, что кто-то из них, потом...

– Но они ошибаются, верно? – Мариус даже улыбнулся.

Фаэр, при всей его мерзости, заслуживал уважения – хотя бы потому, что смог все это организовать.

– Возможно.

Фаэр жадно, большими глотками опустошил свой бокал.

– Мне нужно было заручиться вашей поддержкой, Эльдор, – сказал он откровенно, – впрочем, мы уже беседовали об этом, и высогласились... так ведь, согласились?

– Согласился, – не моргнув глазом, ответил Мариус.

Не то, чтобы ложь давалась совсем уж легко, но... У него был отменный учитель.

– Вот и отлично, – Фаэр отсалютовал бокалом, – так что, за новое королевство?

– За новое.

Звякнули бокалы, Мариус сделал еще глоток. Нет, он не боялся, что его отравят. Наоборот, Фаэру был нужен сильный и могущественный соратник, который, если что, мог бы повести за собой магов Надзора. Но все равно, что-то не давало покоя. Некое чувство незавершенности, словно что-то еще должно было произойти, обязательно...

И словно в ответ на мысли Мариус, в дверь осторожно постучались.

– Извините, – добродушно обронил Фаэр, – это ко мне.

Он торопливо промокнул губы салфеткой, открыл дверь и на несколько минут вышел. Мариус остался сидеть с бокалом. Кидаться к двери и пытаться подслушивать казалось неразумным. В конце концов, что бы там ни сказали Фаэру, весь разговор уже остался внутри артефакта, и это значило, что, по большому счету, сегодняшняя миссия была полностью завершена.

Дверь чуть слышно скрипнула, открываясь. Вошел Фаэр, а за ним – незнакомый мужчина. И этот незнакомый мужчина крепко держал за руку худенького оборванца. Снова в замке провернулся ключ. И толкнулось в груди колкое предчувствие. Но он... не мог себе позволить ни одной эмоции – ни удивления, ни разочарования, ни страха. Ничего.

– Это что? – спросил Мариус, уже понимая, что вечер не удался.

– Мне вот тоже интересно, что это, – лицо Фаэра выглядело задумчивым, взгляд устремлен куда-то... в себя, не поймешь, что на уме.

Фаэр резко дернул оборвыша за подбородок, задирая голову. Рассматривал несколько минут, затем обернулся к Мариусу с ухмылкой.

– Сдается мне, я слишком рано вам все рассказал, м?

– Не понимаю вас, – получилось даже подпустить в голос капельку возмущения, раздражения...

– Посмотрите, – а вот голос Фаэра наоборот сделался сладким, словно патока. Он запустил пальцы в светлые волосы мальчишки, дернул его ближе к Мариусу, – неужели не узнаете? А вы, ваше высочество, узнаете этого ниата, а? Сидеть! – прорычал вдруг, – одно движение, одно колебание магических контуров, и я успею свернуть ей шею. Успею, Эльдор, даже не думайте!

Мариус промолчал. А сам подумал о том, что Флодрету и в самом деле лучше поселиться в деревенском домике и выращивать орхидеи. Его попытка спрятать Леону – переодеть, попытаться замаскировать под мальчика, провалилась. Наверное, не обошлось и без предательства, теперь уж не поймешь – да уже и все равно. Игра выходила на совершенно иной уровень.

Он посмотрел в голубые глаза принцессы. Она молчала, судорожно втягивала воздух сквозь зубы, и было видно, что ей больно и страшно, но... пока держалась. И эти ее тоненькие руки с бледной

кожей и тонкими голубыми венками, и шейка тонкая, ей пришлось ее изогнуть под невероятным углом, потому что так хотел Фаэр.

– Все надо делать самому!– неожиданно зло воскликнул королевский маг.

Мариус видел, что его руки затряслись, что в глазах появился опасный, сумасшедший блеск. А вокруг уже собиралось переливчатое облако свободной магии, собиралось – и так же стремительно втягивалось куда-то внутрь Фаэра. В его резерв.

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: сейчас Фаэр атакует, убьет сперва его, Мариуса Эльдора, а затем и принцессу. Потому что магистр Эльдор теперь слишком много знал, да и Леона тоже.

Мариус медленно, стараясь не делать лишних движений, начал подниматься со стула.

– Сидеть! – прошипел Фаэр, – предатель!

– Подождите! – жалобно выкрикнул Мариус.

Ему-то и нужно было всего мгновение – чтоб остановить Фаэра, и чтобы он в самом деле не убил Леону.

Наверное, от него не ожидали ни оправданий, ни попыток оттянуть время – и поэтому Фаэр на миг застыл, отвлекся. В пальцы послушно скользнули кинжалы из держателей, и...

Королевский маг, очень могущественный маг, не успел ничего. Вообще.

На его лице, так похожем на лицо Флорета, мелькнуло удивление, он вздрогнул всем телом и начал заваливаться на пол. Черная рукоять ножа торчала из левой глазницы, и было понятно, что Фаэр уже ничего и не сделает.

Мариус метнул второй нож, уже не так метко, но попал все-таки в основание шеи помощника Фаэра. И – уже на выдохе – потянулся, дернул к себе Леону, одновременно дожимая противников магическим ударом, вскрывая кровеносные сосуды.

– Не смотри, – он прижал к себе Леону, – все хорошо... теперь все хорошо.

Под руками худенькое тело дрожало. Принцессу начало трясти, она вцепилась в рубашку Мариуса.

– Ниат... – прошептала хрипло, уткнувшись носом в полу сюртука.

– Все хорошо, – уверенно сказал Мариус, – идем, я отведу тебя к отцу. Но перед этим нам с тобой надо зайти ко мне домой. Мне нужно кое-что отдать одной хорошей женщине.

Все также прижимая к себе Леону, он попятился, проваливаясь в портал, и делая шаг вперед уже перед старым домом магистра.

Сразу попасть в королевский дворец не получилось. Почему-то при виде старого дома Леона, которая как-то еще держалась, разрыдалась, вцепилась в сюртук и никак не хотела отлипнуть. Она тряслась всем худеньким телом и все плакала и плакала, и все кончилось тем, что Мариус взял ее на руки, поднялся на крыльцо и принялся стучать ногами в дверь. Барабанил до тех пор, пока не открыли, Аманда.

– Ниат Эльдор! – всплеснула пухлыми руками, – да что ж это... что случилось?

– Принесите успокоительных капель, – только и сказал он. Видимо, получилось так внушительно, что Аманда порскнула куда-то в стороны и исчезла из виду.

Мариус занес Леону в гостиную, опустил в мягкое кресло, но она все еще цеплялась за руку, пришлось стать рядом на колени.

– Ну, ваше высочество, – вот так, глядя в покрасневшие глаза, на распухший нос и кривящиеся губы. Он совсем не умел успокаивать маленьких девочек. Да и не таких уж и маленьких, на самом деле. – Не плачьте, все позади. Больше вам ничто не угрожает.

А сам с досадой подумал, что отвлекся на Леону и оставил свои ножи... В общем, оставил их. Это не было бедой, в Надзоре таких предостаточно, но все равно что-то неприятно екало в груди. Наверное, он просто не привык терять оружие.

Он погладил принцессу по голове, по коротко и криво остриженным волосам.

– Не плачьте, ваше высочество... Не надо. Все будет хорошо. Я отведу вас к отцу...

В этот момент, тяжело топая, примчалась Аманда со стаканом успокоительного. Мариус взял у нее снадобье, протянул принцессе.

– Выпейте. Вам будет легче.

– Я... – всхлип. Цокот зубами о край стакана. Она глотала лекарство с трудом, постоянно давилась. Потом откинулась на спинку

кресла. – я просто... не видела, как это... когда убивают.

Ее взгляд внезапно замер, остановившись где-то над плечом Мариуса. Он быстро оглянулся: там стояла Алисия в неизменном пеньюаре, и личина ходила волнами, того и гляди, слезет, обнажая истинные черты.

– Идите сюда, – позвал Мариус, – вот вам... я принес то, что обещал.

С усилием стянув с пальца перстень-артефакт, он протянул его Эноле. А она подошла и взяла, не спуская взгляда с Леоны.

– Что случилось, Мариус?

– Да вот... Как думаете, что могло случиться? Едва все не сорвалось. Флорет пытался дочь спрятать, но, видать, кто-то донес Фаэру. В результате Леону притащили к нему в самый раз, когда я уже услышал, что хотел.

– Вы... – Энола катала перстень на ладони, а сама смотрела только на Леону.

Мариус пожал плечами. Что он мог сказать? Понятно ведь, о чем спрашивает.

– Я его убил. Потому что он бы убил и меня, и ее. Но вам-то что? Артефакт у вас. Можете в любой момент отправляться к его величеству.

– Кто это? – вдруг подала голос Леона. Она тоже смотрела на Энолу, но не узнавала под личиной.

– Моя подруга, – Мариус поморщился, – скажите, ваше высочество, ну вам-то хоть лучше?

– И стоило так ее уродовать, – пробурчала Энола.

А потом вдруг потянулась и погладила Леону по криво остриженным волосам, потом по щеке.

– Не плачьте, ваше высочество. Все плохое позади.

Принцесса замерла. Она исподлобья, с подозрением, смотрела на Энолу, и было видно, что силится понять что-то... или рассмотреть.

– Мне кажется, мы раньше виделись, – прошептала едва слышно.

– Вам кажется, – криво улыбнувшись, заверила Энола, – что ж, мне пора вернуться к моим делам. Не задерживайтесь и вы. – Многозначительно посмотрела на Мариуса.

– И правда.

Он воспользовался тем, что Леона отвлеклась и его отпустила, поднялся на ноги. Напряжение схлынуло, и он теперь чувствовал себя так, словно его только что пропустили сквозь мясорубку. Но нужно было закончить начатое, потому что время – дорого.

– Вы можете подняться, ваше высочество? – спросил он, глядя на принцессу сверху вниз.

Она казалась такой маленькой и жалкой в большом кресле. И Мариус в который раз с сожалением подумал о том, что своих детей у него как-то не сложилось до сих пор.

– Могу, наверное, – изящное личико Леоны снова скривилось, но она подышала-подышала глубоко, и плакать больше не стала, – а мы можем вернуться во дворец?

– Думаю, да. Вам никто больше не угрожает.

Вот так, крепко держа ее за руку, Мариус снова шагнул в портал, и ввалился из него уже в кабинете Флодрета.

Его величество, глядя на них, выронил из рук какую-то куколку.

– Отец! – пискнула Леона.

Она вмиг отпустила Мариуса, рванулась вперед, к королю, повисла у него на шее.

Флодрет ничего не спрашивал, он все понял без слов. Он просто прижал к себе Леону и уткнулся носом ей в плечо. Закружил по комнате, отвернулся от Мариуса, словно пытаясь спрятать свою девочку от всего мира. Его плечи мелко подрагивали под рубашкой, и Мариус почувствовал себя лишним. Флодрет плакал, сжимая в объятиях дочь. Живую и невредимую, но чудом уцелевшую. И сейчас – Мариус был в этом уверен – король не играл. Ни чуточки.

Но Флодрет все-таки оставался Флодретом.

Шмыгнув носом, и быстро вытерев глаза, он все-таки поставил Леону на пол, а сам повернулся к Мариусу.

– Фаэр?

Кошачьи глаза – краснющие, в прожилках. И челюсти так стиснуты, что, казалось, слышно скрежет зубов.

– Мне пришлось его убить, ваше величество, – Мариус развел руками, – я не хотел, честное слово. Но... уж так получилось. Простите.

– Прощаю, – процедил Флодрет.

Он подвел Леону к креслу.

– Посиди здесь, дорогая. Мы с тобой чуть позже поговорим.

Она послушно забралась в кресло с ногами. Яркие глаза блестели на лице парой драгоценных топазов. Леона молчала, но не спускала с Мариуса взгляда, он это хорошо чувствовал.

– Его тело в кабинете, – добавил Мариус, – в том, где одно золото вокруг.

– Идемте, – теперь в голосе короля прозвучали отвращение и ненависть.

Потом Флодрет запер кабинет на ключ, оставив там Леону. Пока они шли сквозь бесконечные анфилады залов, Мариус все думал, спросить про близнеца или промолчать? А потом решил, что ничего не будет спрашивать. Это было не его дело. Теперь это дело короля и Энолы Дампи.

Они почти бежали, и добрались до кабинета Фаэра очень быстро. Дверь была закрыта, но кровью разило даже в коридоре. Хорошо еще, что здесь было малоллюдно, иначе уже бы весь дворец стоял на ушах.

– Открывайте, – приказал король.

Мариус толкнул дверь магической подушкой, мягко выдирая петли, вошел первым.

Кровавая горечь плавала в воздухе, густая, почти осязаемая. Морщась, Мариус переступил через помощника Фаэра, чьего имени так и не узнал. Затем наклонился и выдернул свой нож из его шеи, вытер лезвие об одежду убитого.

Король вошел следом, хмыкнул при виде трупа. Заклинание, которым Мариус добил преступников, заставило кровь сочиться из глаз, из носа, литься изо рта. Та еще картина.

– А где Фаэр? – хмурясь, спросил Флодрет.

Мариус только покачал головой.

Тела Фаэра... не было.

На ковре осталась темная лужа, впитавшаяся в ворс. А самого Фаэра не было.

– Вы ничего не путаете? – король прищурился, глядя на кровавые сгустки под ногами.

– Не путаю, – Мариус потер переносицу. Да когда ж все это закончится? – усильте охрану во дворце, ваше величество. Я сейчас пришлю вам своих ребят... И... мне нужно идти. Не задерживайте меня, дело принимает серьезный оборот.

Ему и в самом деле надо было в Надзор.
А потом за Энолой. Причем очень быстро.

Глава 11. Артефакты Энолы Дампи

Ирвисса ушла ближе к ужину, оставив Альку в полном изнеможении. Были пересмотрены сотни фасонов платьев, сделаны наброски того, что актуально в этом сезоне, перебраны образцы тканей и перелистаны каталоги украшений. Алька честно отказывалась. Совершенно не хотелось утруждать Ирвиссу зря – она ведь не будет выходить замуж за Флодрета, что бы тот ни говорил. Мариус... он ведь сказал, что ничего этого не будет, так к чему такие хлопоты? Но Ирвисса не желала слушать. Эта пышная женщина с высокой прической и локонами-пружинками обладала чудесным даром заставлять своих жертв делать то, что следует. Спокойно, мягкими интонациями, очень деликатными прикосновениями – и в результате Алька крутилась перед зеркалом, прикладывая к себе сто один оттенок белого, и перелистывала кипу журналов, которую притащила служанка. Все так красиво было в этих журналах, и Алька ловила себя на том, что некоторые украшения она носила бы с удовольствием, только вот... не с Флодретом.

С тем, другим, которого сейчас не было рядом, но который давным-давно украл ее сердце. Может быть, взамен оставил свое, очень хотелось в это верить.

Потом Ирвисса ушла, оставив Альку в одиночестве. Она подошла к окну: на зимнюю Эрифрею катился серый зимний вечер. Солнце село, и уже почти сумерки. И небо красивое, жемчужно-лиловое. И дворец кажется драгоценной игрушкой, запертой в перламутровой шкатулке.

Алька вздохнула. Ей хотелось, чтобы Мариус был рядом, чтобы он вернулся, после того, как исчез при появлении Лиара Фэя. А еще... очень хотелось, чтобы все это закончилось как можно скорее. Чтобы Мариус наконец одолел Магистра, которого она по дурости выпустила на волю, и чтобы забрал ее домой. Для себя Алька уже решила, что будет с Мариусом в любом случае – хоть содержанкой, хоть любовницей, хоть женой. А еще она решила, что будет просто примерной женой, и больше не будет настолько не верить мужу, чтобы вытворять такие вот глупости.

Вздохнув, она отвернулась от окна. На столике стояла ваза с фруктами – Флодрет передал. Она выбрала яблоко, большое, темно-красное и сладкое, взяла нож и начала резать яблоко на дольки. Фрукты были очень кстати: Альку постоянно подташнивало. Чуть-чуть, самую малость, но достаточно для того, чтобы постоянно хотеть что-нибудь пожевать.

– Ничего, – сказала она себе, – все это временно. Пройдет.

Хотелось, чтобы к моменту этого «пройдет» они жили бы с Мариусом, в любви и покое, время от времени навещали Тиберика, а еще вместе бы завтракали, и Мариус шел бы на службу, а она оставалась дома и занималась чем-нибудь полезным. Ну, хотя бы делала новые переплеты для старых книг из архива Надзора... Замечталась. И яблоко съела, до последнего кусочка, и теперь от сладкого сока пальцы липкие, но на душе хорошо, и – почти счастье, маленькое, тихое.

Когда в дверь осторожно постучали, Алька лишь откликнулась:

– Входите!

Почему-то подумала про Флодрета. Или Фэя.

Вот так, сидя за столом в гостиной, совсем по-домашнему. Но она ведь может себе все это позволить? Все-таки принцесса.

Дверь резко отворилась, и в комнату шагнул Фаэр.

Алька только глянула на него – и дыхание застряло в горле. Тело вмиг оцепенело, сделалось вялым и непослушным. Она не кричала. Не то, что закричать, даже дышать не очень-то получалось.

Фаэр... Он был весь залит кровью: одежда, лицо, руки. Алька вообще его узнала по сюртуку королевского зеленого цвета и по белым волосам, растрепанным, измазанным кровью – но их хотя бы было видно. И глаза... вернее, один глаз, блеклый, светлый. А на месте второго – черная дыра.

– А-а-а, – прохрипела она, безуспешно пытаясь подняться.

Это ведь невозможно. Просто невозможно, чтоб он мог двигаться.

И, верно, проще всего было бы лишиться чувств, но сознание упорно не хотело покидать ее, отмечая всякие мелочи – вроде подсыхающих бордовых дорожек под носом Фаэра, и на щеке, под пустой глазницей, и то, как он движется – тяжело, рвано, но все равно движется.

Она ведь уже видела такие движения.

Так ходил... Авельрон.

Когда в его теле поселился Магистр.

Когда между ними оставалась какая-нибудь пара шагов, Алька все-таки смогла подняться на ноги. Опрокинула стул и метнулась вбок. Но куда бежать? Единственный выход был за спиной чудовища. Или же... проще выпрыгнуть в окно? Переломает себе ноги, но хотя бы привлечет внимание, и, быть может, ее спасут...

Тело слушалось плохо, но она все-таки на подгибающихся ногах рванул к окну, в спальню, задыхаясь, затеребила щеколду. Но щеколду то ли заело, то ли сил в пальцах не было. Алька ощутила, как в шею впились ледяные пальцы, как дернули назад. В ноздри ударило кровавое зловоние, такое, что перед глазами мутилось.

– Нет! – взвизгнула она, – отпусти! Отпусти-и-и-и!

И вместе с тем пришло понимание, что – все. Никто не спасет, никто не придет.

Алька еще попыталась пнуть чудовище каблуком по ноге, но промахнулась, да и длинная пышная юбка мешала. Железные пальцы сомкнулись на горле, другая рука жестким обручем обхватила талию, сжала. Алька тоненько завывала, понимая, что спиной ее прижимают к холодной и совершенно неживой груди ниата Фаэра.

– Отпусти! – в последний раз взмолилась она, – зачем я тебе?

Впрочем, и так было понятно, зачем.

Магистру был нужен Мариус, его тело.

А Мариус держался-держался, и все равно позволил ему узнать, что Алька ему небезразлична. Да она сама вцепилась в него, не отпускала...

Рука на горле дернулась и начала сжиматься. Алька закрутила головой, попыталась вжать ее в плечи и почти получилось... почти. Но тут же жесткие ногти впились в лицо, запрокидывая голову до упора, до хруста позвонков.

От ужаса перед глазами плясали серые сполохи. Она видела потолок, видела подбородок Фаэра, покрытый засохшей кровью. Что он будет делать дальше? Убьет сразу? Или нет?

– Отпусти, – прохрипела она, – умоляю...

И с трудом осознала, что услышала эхо собственной просьбы.

– Отпусти.

Только у эха был совсем другой голос, мужской. Принадлежал он Мариусу.

Алька всхлипнула. Она не видела его, по-прежнему чудовище держало ее, задирая голову, закрывая холодной ладонью рот.

Но она услышала, как тело Фаэра шумно вздохнуло, первый раз, втягивая воздух в легкие.

– При-шел.

– Пришел, – спокойно подтвердил Мариус, – отпусти девку, тебе ведь мое тело нужно.

– Не-у-жели.

И оживший труп за спиной Альки засмеялся – жутко, кашляя, выплевывая вместе со смехом кровавые ошметки. Алька чувствовала, как что-то холодное и липкое пропитывает рукав платья, течет вниз, по руке, по груди. Ноги уже не держали. Зато ее крепко держало чудовище.

– А зна-ешь... это будет е-ще один при-вет те-бе, – сипело мертвое тело, – как и все дру-гие. Ты сле-пой дурак, Мариус. Ты не подумал... что я при-хожу толь... ко... если меня при-зовут. И этот Фаэр. Он так же-лал тебя переплюнуть... быть са-мым могущест-венным. Что позвал... сунул-ся в астрал. про-сил... и даже не понял, что я мог за-нимать его тело. Та, первая... Это Фаэр был. Это я был ве-го те-ле. Потом... другие зва...ли. И я... приходил. И теперь ее очередь. Ты да-же не знаешь, что у нее будет ребе-нок. Ха, ви-жу для тебя... это новость. Я ее выпотрошу. И ты посмотришь.

Молчание. Жуткое, мертвое. Алька тихо застонала. Не так Мариус должен был узнать о ребенке, не так...

И затем -

– Если ты ее убьешь, то и меня не получишь, – холодно заметил Мариус, – соглашайся на то, что предлагаю. Все честно. Я отдаю тебе тело, ты отпускаешь ее. Ну?

– Га-рантии, – прокрипел мертвец прямо на ухо Альке.

– Да какие тебе гарантии. Это я должен получить гарантии, что ты ее не тронешь, – сварливо отозвался Мариус, – решай быстрее.

Прошло еще несколько мучительных мгновений.

А потом вдруг Алька ощутила, как руки, ее держащие, резко ослабели, пальцы разжались. Безвольное тело с глухим стуком рухнуло за спиной, и Алька, упала на четвереньки. Хватая ртом воздух, она

только и смогла увидеть, что Мариус стоял у распахнутой двери, в привычной форме Надзора, но все его тело окутывала чуть заметно светящаяся дымка. Еще мгновение он просто стоял неподвижно, глядя на Альку, и столько боли было в его взгляде, что она поняла: прощается. Его последний взгляд... он просто так прощался с ней, потому что переставал быть.

Дымка пузырилась, словно мыльная пена, и стремительно впитывалась в тело бывшего Стража. И потом с глухим хлопком втянулась внутрь, а Мариус пошатнулся и медленно осел на пол.

Алька, закусив зубами костяшки, бросилась к нему.

«Нет, не подходи», – мелькнула мысль.

И это была очень правильная мысль. Ведь сейчас тело Мариуса занимал старый Магистр, и, понятное дело, что ничего хорошего лично ей ждать от этого не приходилось.

Но она все же упала рядом на колени, боясь прикоснуться. Мариус лежал неподвижно и, казалось, даже не дышит. Глаза были плотно закрыты. Так хотелось... в последний раз прикоснуться к нему. А под кожей гуляли странные сполохи, как будто отсветы бушующего глубоко внутри пламени. Из уголка рта потянулась глянцевая струйка крови.

Алька зажмурилась. Она просто не может все это видеть. И от осознания, что все это – ее вина – захотелось подойти к окну, распахнуть его и просто шагнуть... в небо.

– Мариус, – она всхлипнула и покачала головой.

Скоро на его месте будет старый Магистр, который добился своего.

А она... Что она после этого?

Алька осторожно подалась вперед и осторожно коснулась губами лба единственного мужчины, которого любила больше всего на свете и которого так глупо предала и потеряла. Потом поднялась. В голове было пусто, и на сердце один пепел. Положила ладонь на живот. Она ведь не имеет права больше думать только о себе, своих бедах, потому что... комочек счастья. Что-то все же осталось от Мариуса Эльдора.

Когда за спиной Мариус захрипел, Алька вздрогнула. Надо было... уходить отсюда, и быстрее. И позвать стражу. Чтобы убили того, кого считали Магистром Надзора. Впрочем, он ведь и был

Магистром, настоящим, старым магистром, который смог переиграть собственную смерть, да и вообще порядок вещей в этом мире.

Алька, задыхаясь, шагнула к двери. А взгляд все равно прилип к простертому на полу телу. Огненные сполохи погасли, кожа сделалась бледной. Она смотрела на лицо Мариуса, пытаясь запомнить его таким, почти живым, на всю жизнь.

Алька обязательно нарисует его. И будет показывать портрет сыну, а у них обязательно будет сын. И будет рассказывать о том, каким прекрасным и самым лучшим был ниат Эльдор, и как бы он любил своего мальчика, если бы... остался жив.

Слипшиеся ресницы дрогнули.

Алька отшатнулась. Бежать, теперь только бежать! Она и без того задержалась.

– Аля, – сиплый шепот, – подожди. Это... я...

«Не верь ему. Это Магистр».

Она затрясла головой, не зная, совершенно не понимая, что делать дальше.

– Артефакт сработал... как надо, – выдохнул Мариус, – Энола мне его сделала.

«Магистр не стал бы говорить этого», – Алка все еще не решалась подойти.

И Мариус, который неподвижно лежал на полу, но из-под ресниц следил за ней, понял ее сомнения.

– Не бойся, – сказал он, – мы свободны.

Алька бросилась к нему, на пол. Стиснула руку, теплую, сухую, с шершавыми мозолями от оружия.

– Мариус, Мариус!

И других слов попросту не было. Теперь, когда все закончилось, из глаз брызнули слезы. Она обхватила его руками за плечи, прижалась щекой к груди.

– Прости, пожалуйста, прости...

– За что?

Свободной рукой он погладил ее по голове.

– Что не сказала сразу. Мариус, это твой ребеночек. Твой!

Он промолчал, осторожно гладил ее по волосам. А потом сказал:

– Мне еще не верится, что все закончилось. Не верится...

– Все закончилось, – прошептала она. Приподнялась на локтях, прикоснулась губами к теплой щеке с колючей щетиной, – я всегда буду с тобой. Больше никогда меня не прогоняй, это так больно...

– Не прогоню, – кажется, он улыбнулся, – сейчас вот... отлежусь... и пойду к королю. Сил нет. Знаешь, убить в себе тварь астрала не так-то просто. Если бы не расширенный резерв...

– Что тут происходит? – раздалось за спиной возмущенное.

Алька тихо ругнулась. Лиар Фэй, ну кто бы мог подумать? Только его здесь не хватало.

Она медленно повернулась: так и есть, над ними стоял Лиар Фэй, и его лицо не выражало ничего, кроме досады и раздражения.

– Алайна... это кто?

Алька поднялась на ноги и взглянула Фэю в глаза. После всего... она больше не боялась. И ничего он не сделает Тибу, потому что... она не позволит.

– Уходи, – сказала Аллька, – оставь меня. Оставь... нас.

Фэй приподнял брови.

– Нас? Это кто?

– Это мой будущий муж, – злость медленно зарождалась в душе, пенясь, требуя выхода, – это, а не Флодрет. И не ты.

– Забыла про сделку? – Фэй скривился и, как показалось Алльке, позеленел.

– Я ничего не забыла, – сказала она, – но ты никому не причинишь зла. Ты – ничто. И я больше не буду делать то, что тебе угодно. Я буду поступать так, как нужно нам.

– Хорошо, как скажешь, – маг шагнул в сторону, окинул взглядом лежащего Мариуса, – но все же я не согласен, Алайна. Ты выйдешь замуж за короля. А потом станешь моей женой. Все, как договаривались.

Как она не заметила, что у него в руках нож?

Почему не успела стать между ним и Мариусом?

Все происходило так... медленно. И неотвратимо.

Лиар Фэй мигом наклонился и несколько раз погрузил блестящее лезвие в грудь Мариусу.

– Я буду королем, я! И ты будешь делать то, что я говорю! Поняла?

Время застыло.

Вот Фэй, пригнувшись, отскакивает от Мариуса, все еще сжимая в руке нож. С лезвия срываются темные капли, крупные, тяжело падают на пол. Мариус... чуть слышно хрипит, Алька слышит, как жутко kloкочет у него в груди, а потом... с глухим плеском кровь изо рта. И удивление в глазах – как же так?

Как же так, Мариус?

Все-таки не свободны...

В груди стремительно нарастала жаркая боль. Перед глазами заплясали огненные мушки, багровые, словно искры от догоревшего костра. Лиар Фэй... улыбался. Самодовольной такой улыбочкой. И в тот миг... хотелось только одного, стереть эту кривую ухмылочку, растоптать превосходство. Убить его. Как можно больнее. Разорвать на части.

Алька и не осознала, что с губ срывается тихий рык. Все получалось само собой, она ни о чем больше не думала – да и мыслей не осталось. Жило только желание убивать... И уже было такое, один раз, когда мама и папа... на той полянке... и разбросанная повсюду еда, которую собирали для пикника, и перепачканные кровью кружевные салфеточки, которые плела мама...

Что-то очень знакомое откликнулось на ее зов. Оно было ядовито-зеленым, тускло светящимся в темноте, которая вдруг окружила Альку. Это нечто мягко толкнулось под ребрами, надавило на тело изнутри, как будто прося выхода, и стало расти, пухнуть, беспощадно давя на сердце. Неосознанно Алька подняла руки вверх, как будто от этого могло стать легче, и оно... толкаясь, нащупывая путь внутри тела, наконец нашло выход. Рвануло с пальцев, из ладоней, кожа треснула... И, вместе с алыми брызгами... Душное зеленоватое облако, оно рванулось вперед так, словно подгоняли, и окутало Фэя.

Алька рассмеялась, глядя на то, как улыбка медленно сползает с его лица.

– Ты! ты-ы-ы-ы!..

Зеленоватое облако липло к его лицу, к рукам, сползало клочьями по одежде. Там, где касалось, гладкая кожа Фэя начинала браться пузырями словно от ожогов.

Фэй сделал одно неловкое движение по направлению к Альке, еще одно...

– Ты...

И, внезапно схватившись руками за горло, царапая себе шею, раздирая пузыри ногтями... да и не было больше ногтей, они слезли вместе с кожей. В тусклой зелени скользкие мышцы, белые сухожилия...

И упал. Тело несколько раз выгнулось дугой и замерло.

Алька тоже замерла. Ей надо было... к Мариусу. Но что она могла сделать. И смотреть... тоже не было сил. Гораздо проще – глядеть на облезшего и умершего от яда Фэя. А вот на Мариуса... невозможно. В горле застыл комок невыплаканных слез. Теперь... она даже не знает, как дышать дальше.

И сквозь слезы все такое расплывчатое.

Темный зев дверного проема... Светлое платье.

Звук шагов.

Думать не получалось. Алька, словно во сне, проследила за блондинкой, которая спокойно вошла в комнату, на секунду задержалась над Фэем, а потом сказала:

– Впечатляет. В меня вот только не надо плевать ядом, придержи для мужа. Еще пригодится.

И подмигнула.

Алька поперхнулась воздухом. Боль в груди никуда не делась. Яд, выплеснувшись в Фэя, ушел, и на сердце ничто не давило – но все равно больно, так невыносимо больно. И она боится посмотреть на Мариуса, потому что... хочет верить, что он жив, что где-нибудь... просто далеко.

Тем временем блондинка быстро подошла к неподвижному Мариусу, опустила над ним на колени.

– Эй, – позвала тихо.

Кого она зовет?

– Алайна, – повторила девушка, – да очнись же ты. Смотри сюда.

– Куда? – звуки замерзали на губах.

– Сюда.

Алька передернула плечами. Никуда она не хочет смотреть. Все еще хочется верить, что Мариус просто... уехал по делам, и где-то там.

Блондинка вздохнула. И Алька все-таки покосилась, пытаясь сообразить, что она там делает.

А девица, которую все считали любовницей Мариуса, ловко расстегнула его рубашку, и сейчас держала на ладони артефакт, похожий на маленькую шишку, так много медных, серебряных, золотых лепестков в нем было. Половину артефакта окутала кровавая дымка, в ней мерцала тонкая звездная пыль.

– Процесс регенерации благополучно заканчивается, – сказала блондиночка, улыбаясь при этом так удовлетворенно, как будто только что завершила главное дело своей жизни, – да не умирает он... Сейчас очнется. Но, должна сказать, это был мой шедевр. Сперва удавить тварь астрала, а затем еще и запустить регенерацию. Я как чувствовала, что без этого просто никуда.

Алька слушала и все не могла вникнуть в смысл слов. А девица поднялась с колен, улыбнулась Альке.

– Ну, я пошла. Сейчас он придет в себя. А меня вот... еще одно дело ждет, и еще одно бесчувственное тело.

Она вздохнула, нервно стискивая пальцы, еще раз кивнула Альке и быстро пошла прочь.

И в этот миг Мариус закашлялся. Магия выталкивала из легких кровавые сгустки.

У Альки все поплыло перед глазами, голова закружилась, а сердце зашлось в суматошном беге. И все, что она успела – доползти до Мариуса и обнять его. Он... был таким горячим. И был живым. Это главное.

Эпилог 1

Ему никогда не хотелось быть королем. Даже тогда, в детстве, когда еще можно было играть с Лейтилом, который до трех лет не ходил и с трудом удерживал игрушки в сведенных судорогой пальцах. Даже потом, когда всем стало понятно, что Лейтил не только не будет королем, но и мыслящим человеком тоже не станет. Орвил тихо молился Пастырю, чтоб тот вложил разум в голову брату и силу в его тело, но ничего не произошло. Лейтил так и вырос, запертый в своем обособленном мире, а Орвил Дей Флодрет стал королем.

Потом был договорной брак, нелюбимая и нелюбящая жена, которая родила только одного ребенка, и после этого что-то случилось, что она больше не могла понести. Магия может многое, регенерация способна восстановить тело после полученных ран – но совершенно бессильна против некоторых болезней, которые случаются, когда что-то в организме ломается само. И когда жена умерла, Орвил, честно оплакав ее, вдруг понял, что больше ничего такого не хочет. Никаких жен, никаких упреков или слез в подушку. Разве что только если очень будет нужно землям Порядка.

А потом появилась ниата Дампи, представитель артефакторов в магическом совете, и поначалу он искренне недоумевал, какого крагха баба делает в совете. Он долго присматривался, пока решил подпустить ее ближе, и все думал, что, ежели ниата Дампи будет набиваться в фаворитки, то сразу же прогонит прочь. Но Дампи не рвалась в постель к его величеству, совсем. Как выяснилось, ей была куда больше интересна артефакторика, а вовсе не король. Орвила тогда это как-то даже задело – как так, ткни пальцем в любую семью, и ему с радостью предложат свою дочь на любых условиях, а тут такое. И он сам не заметил, как приступил к длительной осаде крепости под названием Энола Дампи. Обхаживал ее больше года. Подарки, которые она непременно возвращала. Букеты роз. Книги, наконец, дорогие книги по артефакторике. Последнее, правда, Энола принимала, спокойно благодарила, окидывала его хитрым рысьим взглядом и снова уходила. Оставляла его беситься. А он не понимал, как так? Начал торчать перед зеркалом, пытаясь сообразить, что не так. А

потом, доведя себя до крайней точки бешенства, устроил бал-маскарад, нашел Энолу и попросту затащил ее в укромный уголок. И поцеловал. А потом снял маску.

– Вы, – только и сказа она тогда, окинув его прохладным взглядом.

– Я, – подтвердил он, совершенно недвусмысленно прижимая ниату Дампи к стене.

– Позвольте, я уйду.

– Нет, – сказа он, – никогда.

– Да зачем вам это? – прошептала женщина, – я не так уж молода, меня не прельщает роль фаворитки. У вас, вот, сотня прекрасных, отборнейших девиц.

– Замолчи, – приказал он.

И поцеловал еще раз. А она и не сопротивлялась.

С того самого вечера что-то неуловимо изменилось. Во дворце как будто стало светлее, магические советы уже не были столь скучны, но, что самое главное, у него появился близкий человек, с которым он мог обсудить дела государства, поделиться мыслями и выслушать ненавязчивое, но весьма полезное мнение.

Они увязли во всем этом... как-то внезапно, но вместе с тем ожидаемо. Он не понимал, что это было, да и не задавался целью понять. Любовь – не любовь, одиночество? Все равно. Энола Дампи была рядом, и с ней было легко и хорошо.

А потом... Падение пелены. Все эти хлопоты. И предательство Энолы, от которого было так больно, но он искренне считал, что справится. Наивный дурачок. Принцесса крагхов, на которой нужно было бы жениться, но на самом деле не очень-то и хотелось... И даже тот единственный поцелуй, маленькая месть магистру Надзора, который, считай, подсунул королю беременную невесту, ничего не изменил. Он думал, что боль пройдет со временем, но ничего не менялось. И один единственный вопрос – почему, Энола? – оставался без ответа. Если ты не виновата, изволь прийти и объясниться, докажи свою невиновность, вот что он думал. А если сбежала, то, наверное, в самом деле виновна... или нет?

Когда стащил куколку Энолы Дампи из игрового домика своей дочери, понял, что пора бы с этим завязывать. И опять – не смог.

Умудрился врасти в свою женщину, словно деревце в каменистую почву. Или Энола выросла в него. Теперь уж не разобрать.

...Орвил Дей Флодрет замер за столом, глядя на стоящую перед ним темноволосую куколку с смешным длинным носом и широко распахнутыми зеленоватыми глазами. Очнувшись, он сообразил, что уже давно вечер, и что наверняка уже можно поужинать, и что неплохо все-таки навестить свою невесту, но... Не хотелось к ней идти. Она ведь по-прежнему принадлежала не ему, и, женись он на ней, ничего не изменится. Алайна будет продолжать любить своего магистра, а ему, королю, будут доставаться какие-то жалостливые объедки.

Он легонько щелкнул куколку по носу.

– Я думал, мы доверяем друг другу. Почему ты сбежала? Чего испугалась?

Да, определенно надо было заканчивать с этим. Если начинаешь разговаривать с куклами, то это верный признак, что недалече до душевного расстройства.

Орвил огляделся. В кабинете становилось темно, сидеть в одиночестве в потемках – так себе занятие. И, чем плестись к своей невесте, лучше бы навестить Леону. Бедняжке досталось изрядно, и, надо признать, долг Магистру уже был приличным.

Он вздохнул, поднялся из-за стола.

В самом деле, надо бы навестить Леону. Пожалуй, с отцом ей всяко лучше, чем с нянькой.

Он даже растерялся, когда дверь кабинета приоткрылась, и в просвет сунула голову молоденькая блондиночка. Кажется, это была новая кукла Магистра, хорошенькая и, судя по всему, преглупенькая.

– Ваше величество, – торопливый книксен, – позвольте?

– Что вы здесь делаете? – он усмехнулся, а сам на всякий случай нащупал рукоятку кинжала в ножнах под сюртуком. Мало ли, зачем здесь эта девушка. Тем более, что охрана не должна была ее пропустить просто так.

– Вот, – она решительно шагнула вперед, протягивая что-то, – ниат Эльдор вам передал. Сказал, чтобы активировать, нужно нажать на вставку.

Орвил нахмурился. Артефакты, снова артефакты... Стоит ли доверять этой девице? Стоит ли доверять Мариусу? А что, если все это – не более, чем игра, и сейчас его загоняют в ловушку?

Он посмотрел на девицу. Откуда она? Где Мариус ее достал? Она никогда не являлась ко двору, иначе Орвил бы знал... Из какой семьи, тоже непонятно.

– Что это? – он не торопился брать перстень.

– Ниат Эльдор сказал, что это доказательство вины известного вам человека, – проворковала блондиночка, – так что, берете?

Орвил еще раз глянул на ее лицо, и ему показалось – не иначе, игра света, – что черты девушки как будто подернулись рябью. Всего лишь на миг, а потом снова обрели прежний, совершенно нормальный вид.

Это еще что такое? Звать стражу? Но, если она умудрилась пройти мимо гвардейцев, толку-то.

– Вы сами нажмете вставку, – сказал он жестко.

Девушка пожала плечами.

– Не доверяете? Что ж, дело ваше. Но, кажется, ниат Эльдор – достоин доверия.

Она аккуратно нажала ногтем на черный выпуклый камень. Из перстня донеслось легкое шипение, и Орвил услышал голоса. Один из них точно принадлежал Фаэру.

– Ну, наслаждайтесь, ваше величество, – ядовито сказала девушка.

Она молча положила перстень на стол, а сама, пятясь, отошла к двери.

Орвил вслушивался, ловя каждое слово. И чем дальше, тем большее становилось. Дослушав до конца, он понял, что во рту сделалось солоно оттого, что прокусил губу. И, дослушав, он метнулся к двери, выскочил в коридор.

Там, сидя на полу, прислонившись спиной к стене, мирно посапывала его личная охрана. Он быстро, насколько получалось, одолел расстояние до следующего зала: те, кто были там, не спали.

– Где она? – рявкнул Орвил, – где девушка, которая сюда входила?

– Ушла, ваше величество, – таков был ответ, – после того, как вышла от вас, долго здесь стояла, как будто чего-то ждала, а потом ушла.

В груди болезненно натянулась ниточка, тонкая, способная разрезать сердце пополам.

Он, уже совершенно не думая о том, что о нем скажут люди, рванул вперед, сквозь бесконечные анфилады залов. Куда она могла

уйти? Выходов не так-то много. Другое дело, что он слишком задержался... Слишком долго... Дыхание сбилось. Давненько король так не бегал. Но сейчас неся так, как будто от того, догонит он ту девушку или нет, зависела судьба всего королевства.

На следующем посту ему тоже сказали, что девушка была, но ушла.

– Блондинка? – уточнил Орвил, чувствуя, что замер на самом краю обрыва.

– Нет, ваше величество. Темненькая. Да и не слишком молодая.

– Почему не задержали? – не сдерживаясь, заорал он, – почему?!!

– Так ведь... приказа не было...

И то правда, не было. А о том, что это та самая Энола Дампи, объявленная в розыск, гвардейцы могли и не знать...

Он добежал до парадного. И уже там ему на подносе передали записочку, написанную знакомым острым почерком.

«Теперь ты веришь, что на мне нет вины? Мне никогда не нужно было тобой управлять, и никогда не нужна была корона. Прощай».

Зло скомкал листок бумаги. Сжал в кулаке, скрежеща зубами. Хотя, на кого злишься, Орвил Дей Флодрет? Только на себя следует, и ни на кого больше. Сам ошибся, сам расхлебывай.

Опомнившись, он расправил смятую бумагу, нежно разглаживая, расправляя уголки. Перечитал. И пошел обратно, в свои покои.

Это все... ничего. Он – король, и у него есть время. И он был готов его потратить, чтобы разыскать свою королеву.

Эпилог 2

Просыпаться было тяжело.

Сон опутал словно паутина, слишком крепкая, слишком липкая. Мариус как будто выплывал из этого вязкого тумана, выплывал в солнечный день. Он уже знал, что там, где жизнь – яркое солнце, скачет бликами по лицу, по векам.

И одновременно с попытками проснуться на него обрушились воспоминания. Артефакт Энолы сработал как надо... Но она в спешке не объяснила, как это будет. Да, верно, и не хотела объяснять. Не сочла необходимым предупредить, что в теле Мариуса откроется кусок астрала, но здесь, в мире живых, этот кусок будет источником силы для архимага, питательной средой, чтоб раздавить расплывчатую и скользкую черную гадину.

И он ее раздавил. Тварь разорвало в клочья, ее маслянистая оболочка пузырилась и медленно растворялась в бушующем магическом пламени. На этом... действительно все.

И Алайна была рядом. А потом – предательские удары ножом, и легкие словно сжимаются в раскаленных тисках.

Однако, он мог думать, и следовательно, был жив.

Солнце гуляло по лицу, Мариус постепенно отряхивал с себя дрему и, наконец, открыл глаза – чтобы увидеть над собой глаза другие, графитово-серые, блестящие, встревоженные и счастливые одновременно. Вот оно, его счастье.

– Привет, – прошептала Алайна, – с возвращением.

А он, будучи не в силах оторваться, все смотрел и смотрел – на похудевшее, осунувшееся личико, на покрасневшие веки, его девочка плакала, на падающие на лоб темные прядки. И следом – молния прошла все тело. Ребенок! Тварь... говорила про ребенка.

– Алечка, – просипел он.

И попытался поднять руку, чтобы дотянуться до нее, но не получилось. Рука лежала соломенным тюком, безвольным и неповоротливым.

– Да, я здесь, – прошептала она, наклонилась и быстро поцеловала. Очень целомудренно, в щеку.

А потом догадалась и сама взяла за руку.

– Ты выздоровеешь. Ниата Дампи... Прислала записку, чтобы я ни о чем не волновалась, что ты через пару дней будешь как новенький. Это она так написала. Та блондинка, что тут жила... Это ведь она была, так?

Он не мог кивнуть, и поэтому просто моргнул.

– Невероятная женщина, – пробормотала Алька, устраиваясь на кровати удобнее, – что тебе рассказать? Знаешь, я убила Лиара Фэя. Оказывается, могу плевать ядом.

Мариус протестующе захрипел. Все не то, не об этом он хотел слышать. Но язык с трудом ворочался, горло пересохло и говорить было трудно.

И Алька снова догадалась. Потупилась, правда, и немножко покраснела, но так мило. Почему из-за какой-то твари он так долго лишал себя этого счастья?

– Мариус, – смущенно сказала она, – ты, наверное, хочешь знать. У нас правда будет маленький... И я все хотела тебе сказать... Вернее, не так. Когда король нашел этого ребенка артефактом, мы договорились, что раз уж я выхожу за него, то буду молчать. И он позволил родить этого ребенка, а потом спрятать подальше, с кормилицей... Но теперь... когда король отказался на мне жениться, теперь я не связана никакими клятвами. И могу сказать, вот.

Более всего Мариус хотел подхватить ее на руки, закружить по комнате, а затем унести куда-нибудь далеко, в горы, где никто не будет мешать, но... не вреден ли для ребенка портал? Он не знал. Да и сам лежал бревном.

– Я... – слова давались тяжело, царапали горло, – я мечтал... об этом. Спасибо тебе.

А она почему-то расплакалась. И пришлось пересиливать себя, кое-как поднять соломенную руку, чтобы притянуть к себе птичку, такую теплую, родную, приятно пахнущую душистым мылом, яблоками, ванилью.

– Н-не надо... – выдохнул он в макушку, – тебе вредно...

И подумал, ах ты свинья, вредно ей... А сколько она плакала, когда ты развернулся и ушел от нее?

Но теперь... теперь все должно было быть правильно. Совсем.

...Выздоровление затянулось. Но к концу недели он кое-как поднялся на ноги, накинул старый халат и, осторожно держа Альку за руку, спустился вниз, на кухню. Там возились Телора и Аманда, лепили пирожки, а Лива привычно сидела за столом и что-то рисовала. Белое пушистое недоразумение, призванное Алькой, величественно лежало в оловянном блюде и помахивало пушистой кисточкой на хвосте. Конечно, все удивились. И обрадовались. Было видно, что женщины с трудом сдерживаются, чтобы не броситься на шею... Но больше всех порадовала Лива. Она соскочила с табуретки, схватила рисунок и, громко топая подошвами башмаков, подбежала к Мариусу. Глядя снизу вверх, протянула рисунок.

– Это вам, ниат Эльдор.

На листе бумаги был нарисован точно такой же пушистик, нарисован очень мастерски, словно был живым.

– Она заговорила, когда вас привезли домой, – смущенно сказала Телора, – когда вас гвардейцы короля заносили в спальню. Лива плакала и сказала тогда: не умирай. Это было первым, что она сказала.

Мариус все еще держал в руках рисунок, а другой рукой прижимал к себе Альку, когда нарисованный зверек шевельнулся, ткнулся вверх смешной мордочкой и, с треском разорвав невидимую пленку, начал выбираться в мир, цепляясь коготками за руку.

– Это ты? – Мариус торопливо поцеловал Альку в макушку.

Она тихо засмеялась.

– Нет, это не я.

Потом было много всего хорошего. Они целыми днями не вылезали из постели, но занимались там исключительно разговорами. Он рассказал Альке, что происходило с магистром, рассказал про убийства, про Фаэра, про Леону, про Дампи... Теперь уже в подробностях, ничего не замалчивая. В общем, все. А она – про Лиара Фэя, про отца и брата, про Флодрета и миниатюру Энолы Дампи, про куколку, которую нашли в кабинете короля, и именно тогда стало ясно, кто на самом деле нужен его величеству. Мариус прижимал к себе свою маленькую птичку и был абсолютно, совершенно счастлив. Потом однажды они вспомнили, что давно не навещали Тиба за всеми этими событиями, Мариус связался черезпочтовик с Надзором, ему тут же предоставили ведомственную карету...

Он так давно не выезжал в город, что совсем забыл – зима закончилась. Яркое эрифрейское солнце танцевало в мелких лужах, высушивало шершавые спинки булыжников в мостовой. В кустах задиристо чирикали воробьи. Фасады домов казались чистыми, умытыми, и стекла блестели, а на клумбах тянулись к свету зеленые носики тюльпанов.

Мариус мягко сжимал руку Альки. А она сидела рядом, такая домашняя, такая мягкая... И рядом – корзинка с вкусностями для Тиберика и его одноклассников.

Когда карета проезжала мимо одного здания – особенного, с белоснежными колоннами, устремленными вверх, Мариус стукнул в стенку кареты, требуя остановиться.

– Что? – испуганно спросила Алька.

– Ничего, – он улыбнулся, – давай, выйдем на минуточку. Ты не против?

Нет, она не была против. И даже не стала противиться и задавать лишние вопросы, когда он, обняв ее за талию, буквально затащил в это самое здание. Внутри... оно было так же прекрасно, как и снаружи. Всюду белый мрамор, совсем немного позолоты, темное от времени дерево...

– Мариус? – Алька вопросительно посмотрела на него.

– Ш-ш-ш-ш, моя маленькая птичка. Пожалуйста, тихо.

Откуда-то к ним уже спешил молодой мужчина в сером одеянии.

– Чем могу помочь? – и голос такой приятный, бархатистый.

Мариус обнял Альку, прижимая ее к себе со всей нежностью, на которую был способен. Так, как мечтал к себе ее прижать тогда, когда они были далеко друг от друга.

– Проведите брачный обряд, святой отец, – сказал Мариус.

– Прямо сейчас? – жрец Пастыря приподнял брови.

– Да, прямо сейчас. Немедленно, – сказал Мариус.

И шепнул на ушко Альке:

– Пока ничего больше не случилось. Ничего больше не буду откладывать, а то, видишь, как бывает...

Она молча положила ему голову на плечо и обхватила руками за пояс.

– Птичка, я не знаю, как жил без тебя все это время, – пробормотал Мариус.

И умолк. Им просто надо было немножко постоять в тишине, потому что счастьем не нужны слова.

Эпилог 3

...Она еще не спала, когда пришел отец. Одним взглядом отослал прочь нянечку, подвинул стул к кровати и сел. Валентина, которая сидела на полке, вспорхнула обеспокоенно, сделала круг под потолком и уселась на прежнее место.

Леона видела, что эти последние дни особенно тяжело дались королю земель Порядка. Похудел, осунулся и как будто постарел. Она не привыкла видеть отца слабым, потому что он был королем. И почти никогда не видела его таким, как сейчас – понуро сидящим на стуле, локти на коленях, руки сцеплены в замок, и голова опущена.

– Леона, – помолчав, сказал отец, – я пришел сказать тебе кое-что. У меня для тебя новость.

Она не ответила, молча ждала. Отправит ее куда подальше? Или снова – опасность, заговор?

– Это неплохая новость, – он поднял голову и чуть заметно улыбнулся, ободряюще.

Леона насторожилась. Последние новости... выливались в большие неприятности. А что с этой будет? Непонятно.

Тем временем отец выпрямился, так он всегда делал, когда оглашал какие-то важные решения.

– Ты растешь, – сказал король, – и мне... поступило предложение от потенциального жениха.

Леона поежилась. Жених? Что-то новенькое. Раньше отец как-то не особо об этом говорил.

«Только пусть он будет не старей», – мысленно попросила она Пастыря.

– Тебе двенадцать, – сказал решительно отец, – через четыре года я могу выдать тебя замуж. Жених имеется. Я хочу, чтобы эти годы, до своего замужества, ты готовилась к тому, чтобы стать хорошей женой.

И умолк, не зная, что говорить дальше.

Тогда Леона села на кровати.

– Отец... а кто он? Ну, скажите, хотя бы, как его зовут.

Он улыбнулся, тепло, душевно. Так, как давно уже не улыбался.

– Это принц, деточка. Его зовут... Авельрон.

Леона промолчала, но все же подумала о том, что имя – ничего так, звучит приятно. Оставалось решить последний вопрос.

– А он... слишком старый?

– Старый? Да нет же, малышка. Не бойся. Он совсем не старый. И через четыре года будет не старый. Тебе, думаю, с ним будет интересно. Да и вообще...

Леона кивнула. Ну, жених так жених. Принц. Не старый. Чего еще желать принцессе?